

ВЕСТНИК

НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал издается с 2008 года

Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

- С.Н.Кистерев*
Сношения правительства царя Ивана IV с православным Востоком по описи архива Посольского приказа 1614 г. 3
- Я.Г.Солодкин*
Отголоски крымского нашествия 1591 г. на Москву в южных уездах России
(О происхождении одной из глав Нового летописца старшей редакции) 10
- В.В.Митрофанов*
Связи С.Ф.Платонова с Русским военно-историческим обществом 15
- В.И.Гребенюков*
Формирование критериев выделения мезолитической эпохи
в отечественной литературе (до конца 80-х гг. XX столетия) 20

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- А.В.Аксанов*
Московско-казанские отношения в 1478 году 25
- Б.В.Емельянов*
М.В.Ломоносов о «сохранении и умножении русского народа». К 300-летию юбилею ученого 28
- О.А.Милевский*
К вопросу об установлении поэтического псевдонима Л.А.Тихомирова 32
- А.Б.Храмцов*
Городские власти и полиция Тобольской губернии в деле
организации местной торговли в конце XIX — начале XX века 36
- И.И.Кротт*
Политика советских земельных органов в отношении сельских предпринимательских
хозяйств Западной Сибири во второй половине 1919 — начале 1920-х годов 43
- Е.В.Булюлина*
«Станция отправления — СССР, станция назначения — коммунизм!»: история страны в лозунгах 1920-х гг. 54
- А.И.Прищепа*
О причинах школьной реформы 1958 г. 58
- О.Н.Дроконова*
«Чернобыльский след» в распаде СССР 62

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- М.М.Чореф*
От «Imperatorēs divī» к «Εν τούτω νίκας», или Религиозные искания первых Ираклидов: нумизматический аспект 68
- В.Н.Ерохин*
Понимание причин обращения в католицизм и протестантизм в полемике между
католиками и протестантами в Англии во второй половине XVI — начале XVII века 79
- А.Л.Перфильев*
Военные экспедиции в Казахскую степь: к вопросу о методах урегулирования
междоусобных конфликтов казахов в первой половине XIX в. (По архивным материалам) 84

РЕЦЕНЗИИ

- Л.В.Алексеева*
Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие
стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914—1920 гг.) 93

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Горлов С.И., доктор физико-математических наук, профессор (Нижневартовск)

Заместители главного редактора:

Карпов А.К., кандидат филологических наук, профессор (Нижневартовск)

Коричко А.В., кандидат педагогических наук, доцент (Нижневартовск)

Ответственный редактор

Солодкин Я.Г., доктор исторических наук, профессор (Нижневартовск)

Секретарь Ажгибкова Д.В.

Члены редакционной коллегии:

Абрамов А.В., доктор педагогических наук, профессор (Нижневартовск)
Азизов Х.Ф., доктор физико-математических наук, профессор (Нижневартовск)
Алексеева Л.В., доктор исторических наук, профессор (Нижневартовск)
Бурханов Р.А., доктор философских наук, профессор (Нижневартовск)
Гончарова Е.В., доктор педагогических наук, профессор (Нижневартовск)
Ерохин В.Н., доктор исторических наук, доцент (Нижневартовск)
Ибрагимова Л.А., доктор педагогических наук, профессор (Нижневартовск)
Игнатъев М.Б., доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург)
Косьянов П.М., доктор физико-математических наук, профессор (Нижневартовск)
Кузнецова Л.Г., доктор педагогических наук, доцент (Нижневартовск)
Култышева О.М., доктор филологических наук, доцент (Нижневартовск)
Михайлова О.Ю., доктор психологических наук, профессор (Нижневартовск)
Наумов Н.Д., доктор философских наук, доцент (Нижневартовск)
Полищук В.И., доктор философских наук, профессор (Ишим)
Полынская И.Н., доктор педагогических наук, доцент (Нижневартовск)
Рянская Э.М., доктор филологических наук, доцент (Нижневартовск)
Сапожникова Н.В., доктор философских наук, доцент (Нижневартовск)
Скульмовская Л.Г., доктор социологических наук, профессор (Нижневартовск)
Соколов С.Н., доктор географических наук, доцент (Нижневартовск)
Степанова В.В., доктор исторических наук, профессор (Нижневартовск)
Филатова О.Е., доктор биологических наук, профессор (Сургут)
Цысь В.В., доктор исторических наук, доцент (Нижневартовск)
Шумкова Т.Л., доктор филологических наук, доцент (Нижневартовск)

Литературный редактор Титова Н.В.

Технический редактор Борзов Е.С.

Художник обложки Павлова Л.П.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25 октября 2006 г.

Учредитель: ГОУ ВПО «Нижневартовский государственный гуманитарный университет»

Адрес редакции: 628600, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56.

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 01.12.2012
Формат 60×84 1/8. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 12
Тираж 1000 экз. Заказ 1351

*Отпечатано в Издательстве Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

ISSN 2070–7274 (печатная версия журнала)

ISSN 2304–0440 (электронная версия журнала)

© Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 2012

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 94(47).04

С.Н.Кустерев
Москва, Россия

S.N.Kisterev
Moscow, Russia

СНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЦАРЯ ИВАНА IV С ПРАВОСЛАВНЫМ ВОСТОКОМ ПО ОПИСИ АРХИВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА 1614 г.

RELATIONS BETWEEN IVAN IV'S GOVERNMENT AND THE ORTHODOX EAST ACCORDING TO THE 1614 AMBASSADORIAL DECREE'S ARCHIVES

Аннотация. По данным описи посольского архива 1614 г. автор реконструирует ход и содержание многолетних отношений правительства Ивана Грозного с православным Востоком.

Ключевые слова: православный Восток; Иван IV; константинопольская патриархия; посольский приказ; описи посольского архива.

Сведения об авторе: Кустерев Сергей Николаевич, генеральный директор.

Место работы: Издательство «Альянс-Архео».

Контактная информация: 105275, г. Москва, пр. Буденного, д. 47а, кв. 8; тел. 916 4237862.

E-mail: otcherKi@yandex.ru

Abstract. The author of the article reconstructs the course of events of the long-term relations between the government of Ivan the Terrible and the Orthodox East, in accordance with embassy archives of 1614.

Key words: orthodox east; Ivan IV; Constantinopolitan patriarchy; ambassadorial decree; inventory of ambassadorial archive.

About the author: Sergey Nikolaevich Kisterev, general director.

Place of employment: "Alyans-Arkheo" publishing house.

Определение состава документов, характеризующих историю сношений России с православными учреждениями Востока за время правления Ивана IV и хранившихся в архиве Посольского приказа в отдельные моменты его функционирования, является средством для выяснения интенсивности самих сношений и степени внимания правительственных кругов к ретроспективной информации, содержащейся в этих материалах. Описи архива, составленные приказными служителями XVII в., предоставляют возможность изучения обоих вопросов, и немаловажное место в этом отношении принадлежит Описи 1614 г.

Упоминаний восточноправославных греческих материалов в Описи 1614 г. немного, и большая их часть не поддается простому истолкованию ввиду краткости описательных статей, почему каждое из них нуждается в специальной интерпретации. В некоторых случаях об отдельных документах весьма трудно сказать что-либо определенное. Примером может служить хранившаяся в первой из описанных коробей архива «грамота блаженные памяти к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси от царягородского митрополита Феодосья, привез греченин Енак в 7062-м году» [17. С. 48].

Ни о «царягородском митрополите» Феодосии, ни о его посольном Енаке иных сведений в наличных источниках не находится. Описи архива Посольского приказа 1626 г. (создаваемая по указу от 25 декабря 1626 г. Опись могла быть составлена только в следующем, 1627 г. [15. С. 119]) известна «грамота греческая, писана к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси цареградского патриарха Митрофана о милостыни, на ней подписано руским писмом: лета 7075-го февраля в 26 день сю грамоту дал Генак, а что речью Генак говорил про Курбсково человека присылку к патриарху, и то подклеено под переводом, а переводу под нею нет, рука и печать у грамоты патриарха Митрофана» [18. С. 72]. Такого акта не знают ни сборник документов по сношениям русского правительства с иерархами православного Востока [2. С. 31—32], ни Опись 1673 г. Некоторое сходство имен патриарших посланцев в обоих случаях позволяет подозревать, что речь идет об одном и том же человеке, но уже различие дат заставляет думать, что имеются в виду разные документы.

Как бы то ни было, именование Феодосия в Описи 1614 г. «царягородским митрополитом» вызывает сомнения в правильности описания грамоты архивистами начала XVII в.

Другие случаи упоминаний греческих материалов в справочнике 1614 г. более информативны.

В составе некоей выборки, хранившейся в отдельной коробье, лежали:

1. «Грамота из Царяграда от патриарха Иасафа к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, прислана с старцем Феодоритом 7066-м году, за рукою и за печатью патриарха Иасафа».

2. «Грамота Деонисья патриарха к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, во 61-м году».

3. «В свяске 10 грамот греческих о милостине» [17. С. 89].

Известная описи 1614 г. грамота константинопольского патриарха Дионисия 7061 г. не сохранилась в подлиннике или копии, в греческом оригинале или в переводе на русский язык, не упоминается она и в описи 1626 г., но находилась в архиве Посольского приказа еще в 1673 г.: «грамота царягородского патриарха Дионисия с ыгуменом Висарионом 7061-го году» [19. С. 60]. (Обращает на себя внимание то обстоятельство, что грамота Дионисия II, по-видимому, содержала именование Ивана IV царем и великим князем. Именуя русского правителя с царским титулом еще в 1546 г., т.е. до совершения обряда венчания на царство, проведенного митрополитом Макарием лишь 16 января 1547 г., Дионисий в документах, составленных от его имени летом 1549 г., избегал употребления титула «царь» в отношении Ивана Васильевича. Московские власти не преминули указать на недопустимость такого обращения, приведя в написанной в январе 1551 г. ответной грамоте полный царский титул. Сохранившееся послание Дионисия, доставленное в Москву в октябре 1556 г. кизицким и евгрипским митрополитом Иоасафом, свидетельствует, что намек русского правительства был воспринят [13. С. 15—16]. Не исключено, что запись о грамоте Дионисия 7061 г. в Описи 1614 г. свидетельствует, что требование Москвы было учтено патриархом несколько ранее).

Старец Феодорит 2 декабря 1557 г. доставил в Москву две грамоты патриарха Иоасафа. В одной из них патриарх извещал царя о получении посланной от него милостыни и записи его родителей в вечное поминание, одновременно просил об очередном пожаловании от царя — изготовлении новой митры [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 114—118 об.; 24. С. 229—231]. Во второй к известиям о получении милостыни и записи в поминание родителей царя добавлялось сообщение о намерении патриарха прислать в Москву пребывавшего в Константинополе для изучения греческой грамоты Федора Мамалаха, а об остальном предлагалось выслушать самого старца Феодорита [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 118 об.— 122 об.; 24. С. 231—233] (сохранившийся подлинник этой грамоты). Оба эти документа остались неизвестны описи архива Посольского приказа 1626 г., хотя они хранились в этом учреждении еще в 1673 г.: «две грамоты Иоасафа патриарха царягородского с старцем Феодоритом да с Матюшкою Волковым 7066-го году» [19. С. 60]. Пока трудно достаточно определенно выбрать из этих двух грамот ту, указание на которую содержится в Описи 1614 г.

Столь же трудно идентифицировать находившиеся в связке 10 грамот о милостыне с какими-то сохранившимися документами, как трудно сказать, сколько из этого десятка хронологически укладывались в период царствования Ивана IV.

В 1614 г. в некоем окованном сундуке наряду с прочими дипломатическими документами лежали «дела турские и кабардинских черкас и греческие» [17. С. 86]. Ниже составитель описи более подробно перечисляет содержимое сундука. Оказывается, что фонд греческих материалов этого вместилища включал в себя следующие документы:

1. «Грамота Еремея патриарха о постовление Иева патриарха, за рукою и за печатью Еремея патриарха, и иных властей печати, руки, и патриарха Иева рука и русских всех властей руки, писана во 97-м году».

2. «Грамота Еремея патриарха, и архиепископов, и епископов к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси, о милостине, за их руками, прислана с терновским митрополитам, году не написано».

3. «Грамота к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси Святые Горы Офонского монастыря ото властей, о милостине, прислано в 98-м году».

4. «4 грамоты розных монастырей греческих к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Руси, о милостине, присланы в 99-м году».

5. «16 отписей патриарха ерусалимского и онтиохейского, ерусалимских монастырей и Святые Горы, что давано милостини; связаны вместе».

6. «Грамота Иоасафа, патриарха царяградцкого, к царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, за печатью, лета не написано».

7. «Грамота благословенная Еремея патриарха, как благословил на патриаршество Иева, патриарха московского и всеа Руси, за печатью и за рукою Еремея патриарха и всех властей за руками, прислана 7098-го году».

8. «Книга греческая 4-х патриархов, соборная, укрепленье вере, за печатьми, за патриарховою и за властинскими руками, прислана 7101-м году».

9. «Книга греческая, а в ней пасхалия и о христове пасхе для того, что римская вера з греческою церковью не сойдетца».

10. «В свяске грамоты и челобитные греческие, в розных годех».

Достоверно к эпохе Ивана Грозного из всего этого перечня относится только недатированная грамота константинопольского патриарха Иоасафа. Кроме упомянутых уже двух грамот, привезенных царю старцем Феодоритом в декабре 1557 г., известны еще три грамоты патриарха Иоасафа, адресованные Ивану IV.

Первая из них — грамота о признании царского титула Ивана IV, помеченная ее составителем «лета 7069-го индикта 4 дня» [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 178; 24. С. 266], — написана в ноябре или в декабре 1560 г. [27. С. 248] и сохранилась до настоящего времени в подлиннике [20. № 175; 28. С. XXV, рис. 2—3; 29. С. 9, № 2] и русском переводе [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 175—180 об.] (публикацию греческого текста и переводов XVI—XVII вв. см.: 16. С. 11—14, 17—20, 23—26; 24. С. 265—267, 334, 386—388; 30. С. 282—285). Документ имеет подписи большого числа митрополитов и епископов, членов константинопольского архиерейского собора, большинство которых не принадлежит носителям надписываемых имен, что еще не свидетельствует о его подложности [27. С. 249]. Грамота фигурирует в описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Грамота греческая, писана к царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, на харатье, по-греческии, а речь сказали переводчики ельнинская, а у ней печать свинцовая патриарха Иасафа цареградцкого, привешена на сыром шолку, назади у ней подписано по-руски: лета 7070-го сентября в 17 день сю грамоту патриаршу подал царю и великому князю митрополит огринской Иасаф, а в ней писано благословение на царство» [18. С. 71—72]. Известен документ и Описи 1673 г., согласно которой он хранился вместе с грамотой патриарха Иеремии II об учреждении московского патриархата [19. С. 54]. Интересно, что архивисты 1673 г. также обратили внимание на содержащуюся в тексте грамоты дату «7069-го», воспроизведя ее в своем труде.

Оговорка составителя Описи 1614 г. об отсутствии указания на время написания грамоты патриарха Иоасафа позволяет думать, что он держал в руках не документ 1560 г. о царском титуле, а некий иной, оборот которого не имел и надписи о подаче его царю евгрипским митрополитом Иоасафом в сентябре 1561 г.

В 1561 г. кизицкий митрополит передал царю не одну грамоту патриарха Иоасафа, а три. Одна из них, содержащая патриаршую просьбу о царском ктиторстве в отношении константинопольской Великой церкви, как и грамота о титуле, была подписана членами патриаршего собора и датирована, если верить тексту Кн. 1, как «месяца ноября индикта 4 дня» [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 186—190; 24. С. 273—275]. Теперь трудно судить, насколько

верно дата документа воспроизведена московскими приказными копиистами, и нельзя полностью исключить возможности случайного пропуска указания на год его создания. Однако более вероятно другое: копиист, работавший над текстами Кн. 1, мог принять выносные «г(о)» при числительном «4» за «дня», тогда как в подлиннике грамоты ссылки на день не было, и в таком случае оригинал документа содержал бы указание на индикт и месяц его составления, как это было сделано в другом, составленном в декабре 4 индикта и сохранившемся в подлиннике послании патриарха Иоасафа Ивану IV [7. С. 22—25; 31. Р. 83—85]. Составитель Описи 1614 г. отметил отсутствие на грамоте патриарха именно указания на «лето» и мог не придать значения малоинформативным для него в данном случае сведениям о месяце и индикте.

Сохранился в составе Кн. 1 и текст третьей грамоты патриарха Иоасафа, представленный Ивану IV в сентябре 1561 г. Ее содержание посвящено вопросам царского покровительства константинопольской патриархии, а в конце находится предложение провести церемонию благословения митрополитом Макарием Ивана Васильевича от имени константинопольского патриарха, что и явится актом окончательного утверждения его царского титула [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 181—186; 24. С. 268—273] (Н.Ф.Каптерев полагал, что благословить царя и даже повторить обряд венчания на царство должен был египетский митрополит Иоасаф [6. С. 29]. Подробнее об интерпретации текста см.: 10. С. 324—326). Эта грамота в Кн. 1 не имеет собственной даты и по этой причине теоретически может претендовать на отождествление с упомянутой в Описи 1614 г. как бы неподписанной грамотой Иоасафа «за печатью».

Однако следует учесть одно немаловажное обстоятельство. Грамота Иоасафа о царском титуле хранилась в 188-м ящике «Царского архива»: «Ящик 188. А в нем грамоты патриарха греческого Иасафа, благословенье на царство царю и великому князю Ивану, в мешечке» [17. С. 36]. Поскольку она осталась неучтенной в Описи архива Посольского приказа 1614 г., можно заключить, что к этому времени она еще не была передана в это учреждение и обреталась где-то в ином месте. Опись «Царского архива» говорит о нескольких грамотах патриарха в 188-м ящике. Допустимо думать, что в упомянутом мешочке сохранялись все три грамоты, доставленные в Москву в сентябре 1561 г. В любом случае, предположение об отделении одной или двух из них от синхронной им грамоты о царском титуле требует дополнительных объяснений. Куда вероятнее, что к 1614 г. все эти грамоты Иоасафа не поступали в хранилище Посольского приказа. В таком случае упомянутой в Описи 1614 г. грамотой Иоасафа может считаться одна из двух его грамот, доставленных еще в декабре 1557 г., которые также не имели в тексте обозначения времени написания [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 114—122 об.; 24. С. 229—233]. Тогда окажется, что Опись 1614 г. известны обе грамоты патриарха, привезенные в Москву старцем Феодоритом.

Среди связки из 16 «отписей», видимо, с благодарностями за проявления царской щедрости («что давано милостини») можно предполагать нахождение некоторых документов, известных по Кн. 1—2 и адресованных Ивану Васильевичу.

Из грамот иерусалимских патриархов сохранились в русском переводе грамота Германа II 1547/48 г. [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 43 об — 47; 24. С. 175—177], его же послание июля 1560 г. [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 159—164 об.; 24. С. 256—258] и полученное царем поздней осенью 1583 г. письмо патриарха Софрония [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 9 об.— 12]. От антиохийского патриарха Иоакима ибн Джума Иван IV получил послание в апреле 1561 г. [21. С. 204—205; 23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 169 об.— 173 об.; 24. С. 261—263]. Благодарственных писем с Афона Ивану Васильевичу было адресовано несколько: из Пантелеймонова монастыря от игумена Павла в 1550 г. [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 50—54; 24. С. 179—181], из Хиландарского от игумена Паисия [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 55—65; 24. С. 182—186] и от архимандрита Макария [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 12—15 об.], грамота прота Пахомия 5 сентября 1583 г. [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 2. Л. 64—67 об.]. Естественно, все

эти документы могли находиться в связке из «16 отписей». (Об отношении московских властей к Пантелеймонову монастырю в ряду афонских монашеских обителей и иждивенчестве его разноэтнической братии см.: [5. № 1. С. 102—115; № 3. С. 299—321]).

Наиболее трудно отождествить с какими-то из сохранившихся текстов упомянутые среди греческих материалов в Описи 1614 г. последними «В свяске грамоты и челобитные греческие, в розных годех». Единственно можно заметить, что в подлинном виде или в составе Кн. 1—2 сохранились документы, именуемые в Описи 1614 г. как «грамоты» или «отписи». «Челобитными» в ней же названы, вероятно, документы, написанные представителями греческой стороны уже во время пребывания их в Москве в соответствии с обычным для такого случая формуляром. Ни один текст такого характера, адресованный греческими старцами или иерархами Ивану IV, неизвестен.

В другой части архива по состоянию его на 1614 г. обретались:

1. «Книги греческие лета 7025-го по 74-й год, приезды к Москве и отпуски с Москвы греческих митрополитов, и архиепископов, и старцов».

2. «Книги греческие с лета 7090-го по 7098-й год, приезды греческих архиепископов и отпуски в Царьград и в иные места с милостиною».

3. «Книги греческие 96-го году по 99-й год, приезд царягородцкого патриарха Еремея; и отпуск его; да приезды же и отпуски греческих митрополитов, и архиепископов, и старцов розных монастырей».

4. «Книги греческие 106-го году по 112 год, что давано на Москве милотины греческим старцом».

5. «Книги греческие, в тетратех, милостинные, старые, а при которых государех и в котором году, того не написано».

Упомянутые первыми книги 7025—7074 г. сохранились до настоящего времени в виде Кн. 1. С более верной датировкой — «с лета 7026-го году по 79-й год» — она известна Описи 1626 г. [18. С. 217], но не отмечена в Описи 1673 г. [8. С. 56—57].

Книги «с лета 7090-го по 7098-й год» ныне содержат в себе документы 7090 г. — 1 марта 7096 г. [2. С. 32].

Недатированные в Описи 1614 г. «книги греческие в тетрадех», вероятно, представляли собой некую роспись пожалований милотины греческой стороне. То, что в составляющих ее текстах не были указаны ни время этих пожалований, ни имена русских правителей, их осуществлявших, ни даже имена самих пожалованных, позволяет думать, что «книги» фиксировали раздачу милотины не высшим иерархам восточных церквей, умолчание о которых выглядело бы странным в любом документе, а многочисленным монастырским старцам Афона или даже Синая. Скорее всего, это был приказной делопроизводственный документ внутреннего употребления, своеобразная архивная справка, сведения которой могли относиться и к периоду царствования Ивана IV.

Среди книг и столбцов посольских дел в составе турецкого блока хранились «в 7050-м году приезд к Москве турского купца Ондрияна Грека и иных купцов после его в розных годех, а с ним грамоты ко государю от турского салтана да от царягородцкого патриарха» [17. С. 98].

Известна грамота Сулеймана I Василию III о греке Андриане от 7 апреля 1528 г. [4. С. 307; 26. С. 107—108]. Купец Андриан Халкокондил приезжал в Москву и позднее. В апреле 1550 г., выполняя поручение султана, он одновременно доставил царю послания константинопольского патриарха Дионисия [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 38 об.— 43; 24. С. 172—175]. В обратную дорогу в мае 1551 г. он отправился, везя царские письма обоим адресатам [23. Ф. 52. Оп. 1. Кн. 1. Л. 68—71 об.; 24. С. 190—192]. Таким образом, оказывается, что двойная дипломатическая служба была обычным занятием для Андриана на протяжении многих лет.

Следует особо отметить, что Опись 1614 г. не упоминает отпусков царских грамот восточным иерархам или властям монастырей Афона или Синая. Таковые материалы,

насколько позволяет судить текст Описи, содержались только в составе специально сформированных по образцу посольских книг кодексов, одним из которых была Кн. 1 [11. С. 430—441; 12. С. 16—21].

Остались неизвестны Описи 1614 г. и документы неудачной миссии московских купцов, посланных с милостыней на помин душ членов царской семьи, хранившиеся некогда в 176 ящике «Царского архива»: «да грамоты черные и отпуски во Царьгород купцов Офонасья Глядова да Ивана Коткова со государською рухлядью, и во Святую Гору, и в Олехандрею, и на Инаскую Гору с милостиною по царице и великой княгине и по князе Юрье Васильевиче; и грамоты пропускные в Литву и в Волохи — и тот наказ и грамоты привезли назад, что король через свою землю дороги им не дал» [17. С. 35]. Афанасий Глядов и Иван Котков присутствовали на соборе 1566 г., где первый назван смольнянином, а второй — гостем [1. С. 179]. Поездка купцов состоялась в марте 1567 г. в составе посольства в Литву опричного боярина Федора Ивановича Умного Колычева, а отказ в пропуске через литовскую территорию был мотивирован тем, что «нашими грехи перемирное постановление межи государей христианских ныне не сталося» [22. С. 407—408; 25. С. 549]. Примечательно, что документов купеческой миссии нет и в составе Кн. 1. (О посольстве см.: 3. С. 68; 14. С. 43—44; 30. С. 477—479).

Завершая обзор «греческих» материалов архива Посольского приказа, фигурирующих в Описи 1614 г., необходимо обратить внимание на лаконичность описания их в приказном справочнике сравнительно с аналогичными описаниями в подобных же описях последующего времени. Зачастую документы описываются целыми группами, без особого внимания к каждому из них. Это отличает рассматриваемый памятник от описей 1626 и 1673 гг., составители которых давали более подробные сведения о содержании архивных материалов, стараясь дать представление о каждом из них [9. С. 7—19].

Можно предположить, что такой подход архивистов 1614 г. был обусловлен срочностью проведения работ после разорения правительственных учреждений в период оккупации Москвы иностранными интервентами. Однако сравнение способа фиксации в Описи греческих документов, с одной стороны, и дипломатических материалов по сношениям с западными или южными соседями России, с другой, заставляет думать, что первым в начале правления нового царя уделялось несколько и даже существенно меньшее внимание, чем вторым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.В. Приговорная грамота 1566 года // Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10.
2. Бантыш-Каменский Н.Н. Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел. М., 2001.
3. Зимин А.А. Колычевы и русское боярство XIV—XVI вв. // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1963 год. М., 1964.
4. Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени. М., 1972.
5. Каптерев Н.Ф. Русская благотворительность афонским монастырям в XVI и XVII столетиях // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. СПб., 1882.
6. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914.
7. Каштанов С.М. О взаимоотношениях правительства Ивана IV с константинопольским патриархатом в 1557—1561 гг. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. Новосибирск, 2005.
8. Кистерев С.Н. Документы русско-греческих связей в царствование Ивана IV в Описи Посольского приказа 1673 г. // Социально-политическая история России: проблемы изучения и преподавания. Мат-лы региональной науч.-практ. конф. Тверь, 31 марта — 1 апреля 2004 г. Тверь, 2004.
9. Кистерев С.Н. Документы русско-греческих связей в царствование Ивана IV по Описи архива Посольского Приказа 1626 г. // Третьи чтения памяти профессора Н.Ф.Каптерева. (Москва, 26—27 октября 2005 г.). Мат-лы. М., 2005.

10. Кистерев С.Н. Новое издание документов о России и греческом мире в XVI веке // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2005. Вып. 9.
11. Кистерев С.Н. Процесс формирования сборника древнейших документов о сношениях России с иерархами православного Востока // Монфокоп. Исследования по палеографии, кодикологии и дипломатике. М.; СПб., 2007. Вып. 1.
12. Кистерев С.Н. Сборник древнейших документов о связях России с иерархами православного Востока // Чтения памяти профессора Н.Ф.Каптерева (Москва, 15—16 октября 2003 г.). Мат-лы. М., 2003.
13. Кистерев С.Н. «Устав ектении» Левкии Афонита и восприятие царского титула Ивана IV в Константинопольском патриархате в 40-х — 50-х годах XVI в. // Каптеревские чтения. М., 2010. Вып. 8.
14. Кобрин В.Б. Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960.
15. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: Внешнеполитические договоры. М., 2003.
16. Оболенский М.А. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года. М., 1850.
17. Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960.
18. Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1.
19. Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. 1.
20. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 181. № 175.
21. Панченко К.А. Россия и Антиохийский патриархат: начало диалога (середина XVI — первая половина XVII в.) // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3.
22. Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 13.
23. Российский государственный архив древних актов.
24. Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1.
25. Сборник Русского исторического общества. СПб., 1892. Т. 71.
26. Собрание государственных грамот и договоров. М., 1894. Ч. 5.
27. Фонкич Б.Л. Греческие грамоты советских хранилищ // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974.
28. Фонкич Б.Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV — начале XVIII в.: греческие документы московских хранилищ: Каталог выставки. М., 1991.
29. Фонкич Б.Л. Греческо-русские связи середины XVI — начала XVIII вв. М., 2003.
30. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
31. Regel W. *Analekta byzantino-russica*. Petropoli, 1891.

ОТГОЛОСКИ КРЫМСКОГО НАШЕСТВИЯ
1591 г. НА МОСКВУ В ЮЖНЫХ УЕЗДАХ
РОССИИ (О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОДНОЙ
ИЗ ГЛАВ НОВОГО ЛЕТОПИСЦА
СТАРШЕЙ РЕДАКЦИИ)ECHOES OF 1591 CRIMEAN RAID
ON MOSCOW IN SOUTHERN
UYEZDS OF RUSSIA
(ABOUT THE ORIGIN OF A CHAPTER
FROM THE NEW CHRONICLE)

Аннотация. Комментируя главу Нового летописца редакции конца 1620-х гг. — крупнейшего памятника официального летописания времени «первого Романова», посвященную отголоскам нашествия крымского хана Гази-Гирея на Москву, автор определяет, что в этой главе запечатлелись и слухи, имевшие хождение в южнорусских уездах вскоре после стремительного бегства татар, и известия, восходящие к приказной документации.

Ключевые слова: русско-крымские отношения; Гази-Гирей; Борис Годунов; Новый летописец; южные уезды России; антиправительственные толки.

Сведения об авторе: Солодкин Янкель Гутманович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628616, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466) 273510.
E-mail: roshist@mail.ru

Abstract. Commenting on the chapter from the New Chronicle of the late 1620s, the greatest work of the official chronicle writing created under “the first Romanov”, which is concerned with the repercussions of the Crimean Tatar khan Gazi-Giray’s raid on Moscow, the author proves that this chapter mirrors both speculation, widely spread in the southern districts of Russia shortly after the Tatars’ hasty retreat, and evidence from state records.

Key words: Russian-Crimean relations; Gazi-Giray; Boris Godunov; new chronographer; southern uyezds in Russia; antigovernment rumors.

About the author: Yankel Gutmanovich Solodkin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of History of Russia.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

В начале июля 1591 г. войска крымского хана Гази (Казы)-Гирея прорвались к Москве, но, проведя всего одну ночь у ее стен, поспешно бежали; до Судбищ татар преследовал отряд тульского выборного дворянина И.Н.Мясного [5. С. 68]. (Летописное известие о трехдневном пребывании крымцев под Москвой [59. С. 72] ошибочно).

В Новом летописце старшей редакции (далее — НЛ), где подробно рассказывается об этих событиях, имеется и глава (32-я) «О речех на царя Бориса (точнее, он в то время был еще боярином [27. С. 167]. — Я.С.) и о неповинной крови». Согласно этой главе, привлечшей внимание еще Н.М.Карамзина, в 1591/92 г. «воиде мысль во многие простые люди украинские, что приведоша царя крымского подь Москву Борись Годуновъ, бояся оть земли про убойство царевича Дмитрея»; алексинский сын боярский Иван Подгорецкий «возвести на съвоево крестьянина сия прежереченныя словеса про Бориса»; во время пыток этого крестьянина в Москве он «оклеветавъ много множество людей», и из столицы послали «сыскивать по городомъ (П.П.Смирнову казалось, что на «украины» были отправлены особые следователи [52. С. 337—338]. — Я.С.), много людей переимаху и пытаху и кровь неповинную пролияху ... во всей Украине», от пыток в темницах «множество» умерло, «а иных казняху и языки резаху ... И оттово многие места запустеша» [42. С. 44]. (Кстати, за более позднее время о толках такого рода неизвестно [см.: 36. С. 613—620]).

Примечательно, что по стилю данная глава НЛ родственна многим другим [ср., напр.: 42. С. 35, 42, 47, 52, 53, 70, 87, 98, 105, 110, 111, 137]. Имеющееся в них выражение «неповинная кровь» часто встречается в разнообразных источниках [3. С. 106, 108, 114; 7. С. 241, 246; 10. С. 172, 373; 13. С. 30, 31, 84, 101; 25. С. 498, 511; 37. С. 60; 38. С. 444; 39. С. 128, 182—184, 186, 192, 194, 196, 202, 204, 206, 214, 554; 40. С. 28, 38, 40, 144, 150, 358; 42. С. 40, 52—54, 66; 43. С. 222, 252, 257, 258; 46. С. 153, 1419; 47. С. 52, 71, 74, 75, 77—78, 87, 91, 94, 99, 100, 103, 108; 56. С. 151, 188, 225, 251, 266; 58. С. 205, 215, 221, 225, 226, и др.]

и восходит к Библии [см., напр.: Ис. 59: 7—8]. Это, между прочим, не позволяет утверждать, как поступил Л.В.Черепнин, что идея «неповинной крови» определяет «весь рассказ» НЛ о времени Бориса Годунова под влиянием «Истории вкратце» Авраамия Палицына [60. С. 99]. Кроме того, если верить автору НЛ, «инихъ казняху, инихъ языки резаху, инихъ по темницамъ розсылаху» и среди причастных у угличскому делу, а также «бояръ», ставших жертвами холопских доносов [41. С. 42, 52]. (Процитированный летописный рассказ, кстати, перекликается с известием одного позднего «Временника», которое восходит, по-видимому, к какому-то краткому летописцу, что уже «в царство Борисово ... мнози неповинно истязаемы и неправедно царю оклеветаемы; и языки ихъ неповинныхъ резаху, и въ темницахъ, гладомъ и нуждею истомлени, смерти прияша» [8. С. 47]).

В представлении Р.Г.Скрынникова «антигодуновская агитация» по поводу угличского дела — лишь внешний повод для репрессий в южнорусских уездах, причиной же являлся страх перед социальными потрясениями в условиях крестьянского закрепощения [49. С. 55]. (Утверждения известного ученого, что, как доносил некий алексинский дворянин, его крестьянин «возводит многие вины на правителя Бориса Годунова», про которого «толковали, будто ... его подручные ... навели на столицу татар» [50. С. 114, 183], не отличается точностью, подобно взгляду В.И.Корецкого, что неблагоприятные для царского шурина слухи распространились уже летом 1591 г., когда под Москвой «появились полчища Казы-Гирея»). С точки зрения этого же исследователя, летописная версия о расправах на «всей украине» подтверждается родословными дворянскими росписями, согласно которым М.А.Зыбин в 1595/96 г. «был в разгромных городах». Одним из них могла стать Калуга, поскольку часть ее жителей поплатилась ссылкой в Сибирь [6. С. 58; 26. С. 39—40; 28. С. 201—203]. Но «разгромными» городами (подобно разоренным, погромленным, пограбленным [14. С. 50; 17. С. 232; 19. С. 94, 95, 101; 24. Т. 9. Примеч. 398; Т. 12. Примеч. 793; 31. С. 119; 32. С. 230; 33. С. 249; 38. С. 98; 40. С. 154; 41. С. 580; 43. С. 259; 57. С. 23, 35; 63. С. 743; 65. С. 234; ср: 18. С. 38; 27. С. 261; 28. С. 361, и др.]) в родословных росписях могли быть названы пострадавшие от татарского вторжения 1592 г., когда, например, была сожжена крепость в Елифани. Напомним также, что двумя годами прежде черкасы предали огню стены и башни Воронежа.

По словам А.А.Зиминой, брожение, вызванное слухами о том, что Борис Годунов сам «навел» крымцев на Москву, правительству удалось «подавить ... в зародыше». Выдающийся историк напомнил, что ходили и толки, будто столицу в 1591 г. подожгли «Годуновых люди», дабы отвлечь ее жителей от пересудов относительно угличского дела, причем эти толки явно напоминают наветы на Глинских в 1547 г. [21. С. 174—175, 179; 23. С. 108]. (Глинских обвиняли в том, что они подожгли Москву, «норовя приходу иноплеменных», т.е. крымцев [22. С. 305]). Кстати, еще князя И.Ф.Мстиславского обвиняли в том, что он «навел со своими товарищи» весной 1571 г. Девлет-Гирея на московские святыни. Аналогичное известие, почерпнутое из какого-то неизвестного источника, встречается даже в «Московии» Джона Мильтона [9. С. 119; 29. С. 248, 249; 48. С. 131; 51. С. 429, и др.]. Бросается в глаза то обстоятельство, что в 1571 г. виднейшего боярина обвинил в «измене» сам царь, а не простолюдины с «украины», как два десятилетия спустя, да и результаты крымского вторжения в обоих случаях оказались совсем разными. При этом если «яростивый» «деспод» решил таким образом снять с себя ответственность за московскую трагедию, то алексинские «мужики» пытались скомпрометировать всемогущего правителя, что подтверждает тезис А.С.Демина (не принявшего во внимание летописное известие о крамоле в «заречных городах») о наличии в России последних десятилетий XVI в. «массовой явной и скрытой» оппозиции [16. С. 35].

(Иван IV обвинял в изменнических связях с Девлет-Гиреем и бояр, приславших к нему якобы белевского сына боярского «разбойника» Кудеяра Тишенкова, который посоветовал хану идти весной 1571 г. «прямо к Москве» и предложил свои услуги «вожа» через Оку и на пути к русской столице [24. Т. 9. Примеч. 352, 366, 404]).

Об угличском деле крестьяне южных уездов, по-видимому, могли узнать от служилых людей либо их холопов, участвовавших здесь в боях с татарами, хотя не исключено, что создатель НЛ искусственно связал воедино толки по поводу гибели «новомученика» и молву о причастности Бориса Годунова к вторжению Гази-Гирея. Примечательно, что в этом сочинении сказано и о появлении в тех же уездах молвы о спасении «расстриги» [42. С. 70].

Взгляд, будто расправы на «крымской украине», о которых поведал автор НЛ, связаны с возникновением слухов, будто «царевич Дмитрий жив и скрывается в Польше» [30. С. 269; ср. с. 242], должен считаться заблуждением, как и мнение о распространении слухов о появлении близ Москвы татар, «приведенных» туда Борисом, в самом «царствующем граде» [4. С. 53]. (Тимофеев, видимо, участвовавший в обороне столицы от крымцев, который старательно собирал толки о «рабоименном» Годунове, даже не намекает на его причастность к вторжению хана, вспоминая про «агарянско нашествие самопришествена с восток нечестивна царя», и прямо отрицает, что это «зло» в отличие от случившихся накануне гибели младшего сына Грозного и московского пожара было делом рук «прелукавого» «властолюбца» [6. С. 50; 13. С. 35]. Патриарх Иов же уверял, что Гази-Гирей двинулся в русские земли по совету шведского короля [40. С. 98, 100]).

С точки зрения С.В.Бахрушина, в главе НЛ «О речех на царя Бориса ...» «происхождение легенды из тех «непригожих слов» (про смерть младшего сына Ивана IV. — Я.С.), которые служили темой государевых дел, ... вскрывается с полной определенностью» [1. С. 117]. В представлении Л.В.Черепнина летописец следовал документу о сыске, запечатлевшему слухи [60. С. 94]. Быть может, в распоряжении книжника, близкого к патриарху Филарету, находилось «дело» о доносе И.Подгорецкого, но о расправах с заподозренными в «измене» и запустении «многих мест» на «украине» официальный «историограф» знал понаслышке. В.Г.Вовина-Лебедева допускает, что интересующая нас глава НЛ основана на материалах посольского архива, в описи которого за 1627 г. значится «свяска сыскных доводных дел старых при царе Федоре Ивановиче и при царе Борисе, все разбиты, и погнили, и распались, иных и перебрать нельзя» [11. С. 207]. Не исключено, что в руки летописца попало «доводное дело», которое еще можно было «перебрать». О сыске, затронувшем «многих простых людей украинских» после угличского дела, анонимный «писатель» предположительно рассказал со слов алексинского помещика И.С.Подгорецкого или же причастного к этому расследованию приказного человека, если не помнил сам, отчего на юге страны при «святоцаре» Федоре «многие места запустеша» [55. С. 94]. (О И.С.Подгорецком см., напр.: [61. С. 153; 64. С. 155—156]). Но 32-я глава НЛ, по-видимому, восходит и к документальному источнику [53. С. 159, и др.]. Об этом косвенно свидетельствует и то обстоятельство, что за участие в боях с крымцами под Москвой правитель Борис получил (историки не обращали на это внимание [2. С. 186, 187, 189; 6. С. 51; 21. С. 181; 24. Т. 10. Примеч. 270; 34. С. 57, 186—187; 50. С. 42, 109; 62. С. 7—8, 65, 67, 68]) село Любутек (Любетеск, Любутск) в Алексинском уезде, которое позднее являлось волостным центром [35. С. 140; 43. С. 88]. Главе же НЛ, повествующей о крамоле на «украине», как мы помним, присуща антигодуновская тенденция. Возможно, поэтому молва о том, что правитель «навел» крымцев на Россию действительно возникла среди алексинских крестьян. К тому же в 1591 г. татар во время преследования разбила неподалеку от Алексина — между Тулой (у стен которой они побывали на пути к Москве) и Дедиловым [54. С. 196, 197]. Кстати, как сообщается в так называемом Казанском сказании, вскоре после сражения у Новгорода Северского 21 декабря 1604 г. «измениша царю Борису», перебежав к Лжедмитрию, алексинцы И.Арцыбашев и Д.Челюсткин «от московские вои» [58. С. 206].

(Попутно заметим, что в конце XVI — начале XVII вв. «сыски» в южнорусских уездах проводились не раз [15. С. 10; 28. С. 193, 201, 214; 45. С. 147; 49. С. 55—56; ср.: 5. С. 209]. Но говорить весьма категорично о «карательных действиях правительственных войск» в «украинных городах» в 1601 г. [28. С. 194] нет достаточных оснований, тем более что

бежавший оттуда в Крым К. Уваров являлся «курмышенином» [12. С. 192; 24. Т. 11. Примеч. 36]. В «Перекопском» ханстве, напомним, укрылся и К. Тишенков).

Летописный рассказ о толках про крымское нашествие 1591 г. сопоставим и со свидетельством Авраамия Палицына, будто Лжедмитрий I, замышляя поход против хана, надеялся на гибель русского войска в угоду полякам, которым собирался отдать Москву,— свидетельством, оценивающимся М.Ю.Зенченко как «причудливый сплав из обрывков слухов», ходивших по российской столице в царствование самозванца [20. С. 18]. Примечательно, что в НЛ не передается слух (в отличие, скажем, от Временника Ивана Тимофеева и Летописной книги о Смуте), будто в 1591 г. Борис Годунов приказал поджечь Москву, дабы отвлечь внимание ее жителей от пересудов по поводу угличского дела. Зато в НЛ говорится о гибели в бою под Москвой с тушинцами тридцати трех алексинцев [42. С. 80; ср. 143], возможно, по воспоминаниям какого-то участника этой «межъусобной брани».

Таким образом, рассматриваемая глава наиболее популярного летописного памятника XVII в. обнаруживает односторонность представлений, что безвестный патриарший книжник пользовался только устными (как полагает В.Г.Вовина-Лебедева) или же (это преобладающий взгляд) лишь письменными источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1987.
2. Бибииков Г.Н. Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в. // Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та. 1941. Т. 2. Вып. 1.
3. Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14.
4. Богданов А.П. Русские патриархи (1589—1700). М., 1989. Т. 1.
5. Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1.
6. Буганов В.И., Бурдей Г.Д., Корецкий В.И. Из истории русского города XVI — начала XVII веков (Серпухов и Серпуховский край). Саратов, 1981.
7. Буганов В.И., Корецкий В.И., Станиславский А.Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28.
8. Верещагин А.С. Временник нарицается Летописец Российских Князей, како начаяся в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано // Тр. Вятской Губ. Уч. Архив. Комиссии. Вятка, 1905. Вып. 2. Отд. II.
9. Веселовский С.Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси // Исторические записки (далее — ИЗ). М., 1947. Кн. 22.
10. Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989.
11. Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.
12. Воскобойникова Н.П. Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI — XVII веков. М., 1994.
13. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.
14. Выписка в Разряде о построении новых городов и черты // Изв. Тамбов. Уч. Архив. Комиссии. Тамбов, 1892. Вып. 33.
15. Глазьев В.Н. Структура власти в городах-крепостях «на Поле» в конце XVI века // ИЗ: Науч. тр. ист. факультета. Воронеж, 1997. Вып. 2.
16. Демин А.С. Писатель и общество в России XVI — XVII веков (общественные настроения). М., 1985.
17. Дробленкова Н.Ф. Новая повесть о преславном Росийском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960.
18. Дьяконов М. Акты, относящиеся к истории тяглового населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2.
19. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986.
20. Зенченко М.Ю. Служилые корпорации в елецком восстании 1606 года // Мининские чтения: Тр. науч. конф. Нижний Новгород, 2007.
21. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.

22. Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М., 1960.
23. Зимин А.А. Смерть царевича Димитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. 1978. № 9.
24. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3.
25. Козляков В. Смута в России: XVII век. М., 2007.
26. Корецкий В.И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973.
27. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.
28. Корецкий В.И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975.
29. Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV—XVII вв. М., 1978.
30. Маковский Д.П. Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967.
31. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века: 1601—1608: Сб. док. М., 2003.
32. Новикова О.Л. Келейное летописание в Кирилло-Белозерском монастыре в первой половине XVI в. // Летописи и хроники: Новые исследования: 2008. М.; СПб., 2008.
33. Новосельский А.А. Распад землевладения служилого «города» в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII веке: Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. М., 1961.
34. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992.
35. Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа) / Под ред. и с предисл. Л.М.Сухотина. М., 1915.
36. Перри М. Народные мнения и слухи о царе (1630—1650 гг.) // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. статей памяти академика Л.В.Черепнина. М., 2010 (далее — Сословия).
37. Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Конец XV — первая половина XVI века. М., 1984.
38. ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985.
39. ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986.
40. ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987.
41. ПЛДР: XVII век. М., 1989. Кн. 2.
42. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т. 14.
43. ПСРЛ. М., 1978. Т. 34.
44. Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2. Вып. 1.
45. Разрядная книга 1475—1605. М., 1989. Т. 3. Ч. 3.
46. Русская Историческая Библиотека (далее — РИБ). СПб., 1909. Т. 13. 2-е изд.
47. РИБ. СПб., 1898. Т. 18.
48. Скрынников Р.Г. Опричный террор. Л., 1969.
49. Скрынников Р.Г. Предвестники первой крестьянской войны в России // XXV Герценовские чтения: Краткое содержание докл.: 1972 г. Л., б. г.
50. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
51. Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992.
52. Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. Т. 1.
53. Солодкин Я.Г. К определению источников Нового летописца // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2008. Вып. 12.
54. Солодкин Я.Г. Крымское нашествие 1591 г. на Россию и южнорусские «украины» // Труды 4-й международ. науч. конф. «Актуальные проблемы регионоведения». Курск, 2009.
55. Солодкин Я.Г. Приказные документы в «Новом летописце» // Проблемы духовности в истории культуры и образования. Нижневартовск, 2001.
56. Сочинения И. Пересветова / Подг. текст. А.А.Зимин. М.; Л., 1956.
57. Сташевский Е.Д. Землевладение московского дворянства в первой половине XVII в. М., 1911.
58. Тихомиров М.Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969.
59. Тихомиров М.Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.
60. Черепнин Л.В. «Смута» и историография XVII века (из истории древнерусского летописания) // ИЗ. М., 1945. Кн. 14.
61. Четверткин Смутного времени (1604—1617): Мат-лы, собр. и редакт. Л.М.Сухотиным. М., 1912.
62. Шватченко О.А. Вотчинное землевладение в России в конце XVI века. М., 2008.
63. Швейковская Е.Н. Назначения на воеводскую службу в северорусские города в XVII в. // Сословия.
64. Яковлев А. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943. Т. 1.
65. Якутия в XVII в. (Очерки) / Под ред. С.В.Бахрушина и С.А.Токарева. Якутск, 1953.

**СВЯЗИ С.Ф.ПЛАТОНОВА
С РУССКИМ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИМ
ОБЩЕСТВОМ****CONTACTS OF S.F.PLATONOV
WITH RUSSIAN MILITARY
HISTORICAL SOCIETY**

Аннотация. Опираясь на значительный по объему архивный материал, автор раскрывает многообразные контакты выдающегося русского историка с одним из центральных научных обществ России конца XIX — начала XX вв.

Ключевые слова: С.Ф.Платонов; Русское военно-историческое общество; военная история; Смутное время; речь; рецензия.

Сведения об авторе: Митрофанов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественных дисциплин.

Место работы: Западно-Сибирский институт финансов и права.

Контактная информация: 628617, г. Нижневартовск, ул. Пермская, д. 25; тел. 912 5315188.
E-mail: viktor-n1962@mail.ru

Abstract. The author of the article dwells upon various contacts of the outstanding Russian historian with one of the central Russian scientific societies of late 19th — early 20th century. The author uses a considerable amount of the archive materials.

Key words: S.F.Platonov; Russian military historical community; military history; Time of Troubles; speech; critical review.

About the author: Victor Vladimirovich Mitrofanov, Doctor of History, Associate Professor of the Department for Science and Humanities.

Place of employment: West Siberian Institute of Finance and Law.

Выдающийся русский историк конца XIX — первой трети XX в. состоял почетным, действительным, пожизненным членом многих научно-исторических и археологических обществ, архивных комиссий. Эти связи представляют большой интерес в плане раскрытия организаторской, научной, общественной деятельности ученого.

Проблемы военной истории были предметом специального анализа в монографиях, исследованиях и рецензиях С.Ф.Платонова [2. С. 197—207]. Он был знаком с целым рядом военных деятелей, организаторами академического и кадетского образования в России [3. С. 55—63].

В.Г.Глазов — генерал от инфантерии, назначенный в 1909 г. Председателем комиссии по празднованию знаменательных событий, связанных с участием России в войнах XVII—XIX вв., — находился в переписке с С.Ф.Платоновым. Главная задача комиссии — совместно с Русским военно-историческим обществом (далее — РВИО) «выделить те исторические события, которые представляют наиболее знаменательные в жизни государства и в деятельности армии, на коих хотим и сосредоточить внимание». В.Г.Глазов видел в С.Ф.Платонове «высокопочитаемого русского историка», поэтому его участие в работе комиссии признавалось «крайне необходимым». В ее состав был приглашен также ординарный профессор Николаевской военной академии полковник А.К.Баиов [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 21885. Л. 6—6 об.]. С.Ф.Платонова интересовал вопрос: в чем должны заключаться его полномочия и непосредственная польза от его участия в комиссии. В.Г.Глазов разъяснил, что «никакой работы» от ученого «не потребуется: важно будет» только знать его «оценку того или иного исторического события», поэтому не настаивал на определенной большой работе, а предлагал определиться с той формой участия, которую сам член комиссии «найдет возможным предложить». С.Ф.Платонова пригласили на первое заседание комиссии, которое должно было состояться 6 декабря 1909 г. в портретном зале Главного штаба [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2656. Л. 7—8]. Авторитет «князя науки» по истории Смутного времени был непререкаем, но таким же знатоком его признавали и в вопросах военной истории той эпохи. Еще 20 февраля 1900 г. А.З.Мышлаевский просил о назначении

встречи, для того чтобы услышать «авторитетное суждение» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3612. Л. 4] исследователя именно по военным вопросам¹.

Многолетние связи поддерживались С.Ф.Платоновым с Д.А.Скалон — председателем РВИО. В одном из писем, направленных С.Ф.Платонову в начале 1907 г., А.З.Мышлаевский писал об инициативе создания исторического общества, занимающегося изучением вопросов военной истории. «Мысль об учреждении Общества, посвященного изучению русской военной старины, впервые была высказана еще в первой половине прошлого столетия известным военным историком кн. Голицыным²», — сообщалось в письме. Группа энтузиастов наметала «в ближайшем, по возможности, будущем» учредить РВИО. В письме же излагались «вкратце» задачи общества: «1. изучение военной истории прошлого русского народа и 2. объединение на этой почве лиц, непосредственно работающих в области военной истории или же содействующих расширению военно-исторического кругозора...». А.З.Мышлаевский был уполномочен от инициаторов создания общества «убедительно просить» С.Ф.Платонова «присоединиться к числу членов-учредителей» военно-исторического общества. Его устав предполагали составить с учетом мнений, которые должны быть высказаны и обсуждены на первом собрании членов-учредителей. Ответ А.З.Мышлаевский просил направить не позже 23 марта с уверенностью, что знаток русской истории согласится принять звание члена-учредителя общества. С.Ф.Платонов ответил отказом, направив 20 марта письмо А.З.Мышлаевскому следующего содержания: «Милостивый государь, Александр Захарович! Я очень благодарю Вас за Ваше лестное ко мне обращение по поводу “военно-исторического общества”. Сочувствовать основанию такого общества я могу совершенно искренне. Но я боюсь входить в число его учредителей как потому, что не имею соответственных специальных познаний, так и потому что не обладаю свободным временем для работы в обществе, носить же звание учредителя так сказать заглазно — не в моих нравах, ибо я по старому обычаю думаю, что “где рука, там и голова”. Вот мой искренний ответ. Практический же вывод сделайте сами. Примите уверение в совершенном почтении к Вам и Вашего слуги. С.Платонов» [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 2. Л. 71—71 об.]. Несмотря на отказ, через полгода после открытия общества С.Ф.Платонов был избран действительным членом РВИО за «широкие заслуги в области исторической науки», о чем он извещался 26 октября.

Созданное общество привлекло внимание Николая II, и уже 20 октября император, принимая во «внимание цели РВИО» (в уставе общества записано, что его цель — «изучение военно-исторического прошлого русского народа во всех его проявлениях»), принял на себя звание почетного члена общества и пожаловал общество наименованием «императорским» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 5], а 4 ноября намеревался лично присутствовать на торжественном собрании общества, которое планировалось провести в помещении собрания армии и флота. О программе мероприятия, в которую входили доклад, молебствие, чтение и подписание членами общества всеподданнейшего адреса и завтрак, информировался С.Ф.Платонов, которому передали и Устав РВИО. В совет общества входили председатель генерал-лейтенант Скалон, товарищ председателя генерал-лейтенант Мышлаевский, члены полковник Баиов, статский советник Военский, генерал-лейтенант Каменский, генерал-майор Колюбакин, генерал-лейтенант в отставке Кротков, полковник Симанский, доктор русской истории Н.Чечулин, член-секретарь подполковник Струков [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 1—2, 5—11].

¹ Мышлаевский Александр Захарович (1856—?) — военный историк, генерал-майор. Образование получил в Михайловском артиллерийском училище и Николаевской академии генерального штаба, в которой с 1898 г. был ординарным профессором.

² Голицын Николай Сергеевич (1809—1892) — военный историк, генерал от инфантерии (1880), член шведской Академии военных наук. С 1867 г. — член военно-ученого комитета Главного штаба.

Одним из направлений сотрудничества С.Ф.Платонова с обществом являлось рецензирование вышедших из печати книг. К этому времени С.Ф.Платонов был одним из авторитетных рецензентов, написавших десятки отзывов и рецензий по поручению Ученого комитета МНП [4. С. 203—221; 5. С. 92—96].

3 апреля 1908 г. С.Ф.Платонов получил брошюру генера-майора Борисова «Древнерусские военные повести» для рассмотрения и «компетентного заключения, насколько труд этот представляется полезным», о чем должен был информировать совет общества. 14 марта 1916 г. его просили дать «просвещенное заключение» на книги члена РВЮ Ф.И.Зубарева «Город Старица и Вознесенский монастырь», «Русские городища и города в связи с развитием русской государственности» и «Деревянные, кирпичные, глинобитные сооружения в Старицком кремле» и др. Названные работы были представлены на соискание золотого знака общества [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 184. Л. 83; 7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 12, 42]. В письме на бланке действительного члена Московского Археологического института имени императора Николая II, направленном в общество, Ф.И.Зубарев, имевший звание полковника, именуется «ученым археологом», при этом указывает, что направляет свои труды не 1 мая, а заранее, так как «на днях должен выехать на театр военных действий» [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 184. Л. 84—84 об.] (В ответном письме, направленном С.Ф.Платоновым Д.А.Скалону, содержится отзыв на труды Ф.И.Зубарева, ранее не привлекавший внимания [6. С. 77—82]).

РВЮ, как и все другие научно-исторические общества, готовилось торжественно отметить 300-летний юбилей династии Романовых. 26 февраля 1913 г. назначалось торжественное собрание общества в восемь часов вечера на Литейном, 20. В программе значилось (после приветственной речи председателя общества) пять докладов: 1. С.Ф.Платонов «1613 год в Московском государстве»; 2. профессор А.К.Баиов «Национальные черты русского военного искусства в Романовский период нашей истории»; 3. А.В.Немитц «Борьба России за моря при Романовых»; 4. профессор А.Г.Елчанинов «Государи Дома Романовых как Верховные Вожди вооруженных сил России»; 5. П.Н.Симанский. «Развитие военного искусства как науки в царствование династии Романовых» [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 167. Л. 8]. Согласно списку зарегистрированных на собрании присутствовало 144 действительных, членов — сотрудников и гостей. С.Ф.Платонов был зарегистрирован под № 76.

9 марта от имени совета общества А.Г.Елчанинов и А.К.Баиов направили С.Ф.Платонову благодарность за участие в торжественном собрании общества и произнесенную речь [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 167. Л. 25], которая была оценена как «высокоинтересная» и рассматривалась в качестве проявления «ценного внимания» к обществу. 9 марта А.Г.Елчанинов направили С.Ф.Платонову ее стенограмму с просьбой исправить и дать разрешение на публикацию в следующем номере издаваемого обществом журнала [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 167. Л. 24]. А.К.Баиов, будучи заведующим изданиями РВЮ, позже недоумевал по поводу отказа С.Ф.Платонова напечатать ее отдельным изданием. (Напомним, что в одном из изданий общества в 1912 г. С.Ф.Платонов опубликовал работу «Патриарх Гермоген и архимандрит Дионисий (историческая поминка)» (Записки разряда военной Археологии и Археографии императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1912. Т. 2. С. 1—7), в том же году она была опубликована отдельным изданием). Свой отказ С.Ф.Платонов направил секретарю общества В.П.Струкову (на бланке директора ЖПИ «26 марта 1913 г. Милостивый государь, Дмитрий Петрович! Просмотрев прилагаемую стенограмму, я нахожу ее вообще удачною, но решительно ходатайствую о том, чтобы ее в печатном издании не воспроизводить, а просто приложить к журналу заседания. Устно я просил об этом Д.А.Скалона, и он, по-видимому, внял моим доводам и дал свое мне согласие. С истинным почтением и преданностью Ваш усердный слуга С.Платонов» [1. Ф. 11. Оп. 2. Д. 45. Л. 2]), а последний — редактору изданий общества. «Надеюсь, глубокоуважаемый Сергей Федорович, что этот Ваш запрет не распространяется на “Журнал императорского Русского

военно-исторического общества”, в котором мне хотелось бы, как редактору “Журнала”, воспроизвести это слово, конечно, с соответствующей оговоркой, каким образом это слово увидело свет, и что оно воспроизводится по записям постороннего лица» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2185. Л. 13, 19—19 об.], — писал 21 апреля 1913 г. А.К.Баиов. Ему хотелось надеяться на то, что автор выступления все-таки даст согласие опубликовать его, но С.Ф.Платонов был настроен категорически против: «к сожалению, я решительно не могу дать св[оего] согласия (по мотивам, изложенным в беседе с Д.А.С. (Д.А.Скалоном. — В.М.) пока печатать стенограмму текста моей речи 24.02.» (Автор письма допускает неточность, датируя собрание общества 24 февраля). Мотивы отказа, изложенные в устной беседе, остались неизвестны, но этот эпизод связей общества и С.Ф.Платонова следует считать самым значимым.

Военный министр, признавая важность патриотической и научной работы РВИО, учредил знак общества двух степеней достоинства — золотой и серебряный. За заслуги перед русской исторической наукой и РВИО С.Ф.Платонову 23 ноября 1913 г. был присужден золотой знак. (Золотой знак ручной работы стоил 80 рублей, штампованный — 60 рублей, бронзовый золоченый — 12 рублей, серебряный — 15 рублей, штампованный — 12 рублей, бронзовый высеребренный — 10 рублей. Квитанция, по которой уплатил С.Ф.Платонов, свидетельствует о том, что он получил соответствующий знак, который вручался после внесения его стоимости [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 15]). Первым в списке награжденных значится император (ему вручен знак без номера), затем следуют Н.П.Михневич, Д.П.Струков, А.К.Баиов, П.Н.Симанский, М.М.Бородкин, Г.С.Табаев, Д.А.Скалон, Н.И.Веселовский, С.Ф.Платонов (под № 12), всего 21 человек [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 184. Л. 1].

С.Ф.Платонов иногда проявлял не совсем тактичное поведение. В частности, на письмо от 31 августа 1910 г. за № 196 казначея общества А.К.Баиова с напоминанием, что за действительным членом числится неуплаченный взнос за 1909—1910 г. в размере 10 руб., С.Ф.Платонов делает карандашный набросок ответа следующего содержания: «Милостивый государь А.К. (Баиов. — В.М.)! В свое время я уклонился от вступления в состав основателей Русского военно-исторического общества, тем не менее, был избран в действительные члены этого общества без моего согласия. Сообщая эти обстоятельства, я не вижу на себе обязательств по взносам в кассу» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2185. Л. 18].

Как члену общества С.Ф.Платонову направлялись издания, подготовленные его сотрудниками. Например, 4 декабря 1905 г. А.К.Баиов направил ему свою недавно опубликованную работу «Русская армия в царствование императрицы Анны Иоановны» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2185. Л. 1]. Д.А.Скалон, будучи главным редактором очерков «Столетие военного министерства», 1 февраля 1915 г. направил в библиотеку ЖПИ два экземпляра очередного «Библиографического указателя», составленного действительным членом РВИО Н.М.Затворницким, в надежде на то, что он будет «полезным», а 22 июня того же года препровождались и «Исторические очерки». (В следующем году С.Ф.Платонов получит еще одну книгу этого издания [1. Ф. 11. Оп. 1. Д. 167. Л. 41]). Упоывая на авторитет «первого в России историка» и его научное беспристрастие, совет РВИО в лице его председателя рассчитывал на участие действительного члена в нашумевшем, доведенном до суда деле, связанном с именем упомянутого Н.М.Затворницкого. С.Ф.Платонова просили быть экспертом по его исследованию. Д.А.Скалон, знавший «много лет» Н.М.Затворницкого, характеризовал его «с отличной стороны, как известного своими библиографическими трудами и автора восьмитомника “Исторических очерков”», выполнявшего по поручению великого князя Николая Михайловича, председателя Русского исторического общества, «серьезные исторические изыскания» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 20—21]. 4 сентября 1915 г. С.Ф.Платонов получил благодарность за участие в этом запутанном деле. В него был вовлечен и К.А.Военский. Д.А.Скалон не сомневался, что выступление С.Ф.Платонова в суде «будет иметь решающее значение для исхода дела» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 28].

Суть вопроса сводилась к следующему: в газете «Новое время» № 12763 появилась статья «Легкий способ стать библиографом» с явно не настоящей подписью П.Зе-ть, где известный исследователь (Н.М.Затворницкий) был назван «неким». До появления статьи К.А.Военский был забаллотирован в члены РВИО, он увидел в этом происки Н.М.Затворницкого, которого обвинил в «нечистоплотности», а точнее, в «заимствованиях», по сути, в плагиате, и подал на него в суд с намерением взыскать 21 000 руб. По убеждению Д.А.Скалона, дело являлось «недоразумением» и «возбуждено недобросовестно» [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 24]. Кроме С.Ф.Платонова экспертное заключение делал и Н.Д.Чечулин, написавший большой отчет о «заимствованиях» Н.М.Затворницкого [7. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4180. Л. 29]. Выступление С.Ф.Платонова, как и предполагали, предредило результат судебного разбирательства, сыграло, по мнению Д.А.Скалона, «решающее значение», поскольку суд видел в лице ученого «одного из авторитетнейших представителей науки», — так писал 28 ноября 1915 г. председатель РВИО. Суд принял решение: в удовлетворении иска отказать.

Таким образом, приведенные сведения иллюстрируют отдельные эпизоды создания Русского военно-исторического общества, его первые шаги, степень участия С.Ф.Платонова в его деятельности, взаимоотношения выдающегося историка с другими членами общества, некоторые черты его не совсем простого характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
2. Митрофанов В.В. Некоторые вопросы военной истории в творчестве С.Ф.Платонова // Экономическая наука и высшее образование как приоритетное направление регионального развития: Докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию Западно-Сибирского института финансов и права (Нижевартовск, 15—16 мая 2008 года). Нижневартовск, 2009.
3. Митрофанов В.В. О сотрудничестве С.Ф.Платонова с высшими военными учебными заведениями // Вестн. Нижневарт. гос. гуманит. ун-та: Исторические науки. 2008. № 3.
4. Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и Министерство народного просвещения: основные направления сотрудничества // Социально-экономические проблемы регионального развития: Тез. региональной науч.-практ. конф. (Нижевартовск, 18 мая 2006 г.). Нижневартовск, 2006.
5. Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов и Ученый комитет Министерства народного просвещения // Тюменский исторический сборник. Тюмень, 2006. Вып. 9.
6. Митрофанов В.В. С.Ф.Платонов как исследователь истории возникновения русских городов // Славяноведение. 2011. № 3.
7. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки.

**ФОРМИРОВАНИЕ КРИТЕРИЕВ
 ВЫДЕЛЕНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ
 В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
 (ДО КОНЦА 80-х гг. XX СТОЛЕТИЯ)**

**CLASSIFICATION OF CRITERIA USED
 IN RUSSIAN SCIENTIFIC REFERENCES
 TO SINGLE OUT MESOLITHIC PERIOD
 (TILL LATE 80s OF XX CENTURY)**

Аннотация. В статье, обобщающей обширный историографический материал, выясняется, какие критерии выделения эпохи мезолита предлагались советскими археологами.

Ключевые слова: формально-типологический; мезолит; азиль; тарденуаз; микролитические кремневые орудия; вкладышевая техника; эпипалеолит.

Сведения об авторе: Гребенюков Владимир Иванович, кандидат исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628605, г. Нижевартовск, ул. Ленина, д. 56; тел. (3466) 465068.
 E-mail: grebenukov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of broad historiographical material. The author clarifies the criteria, used to identify Mesolithic epoch, initially suggested by the Soviet archeologists.

Key words: formally typological; Mesolithic; Azilian; Tardenoisian; microlith flint tools; microburin technique; epipaleolithic.

About the author: Vladimir Ivanovich Grebenukov, Candidate of History, Professor of the Department for Document Science and General History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Типологическое вычленение мезолита стало возможным благодаря открытию в 1887 г. Е.Пьеттом нового микролитического типа инвентаря в гроте Мас де Азиль во Франции [7. С. 265—266]. По имени этой стоянки по всей Европе мезолитические памятники называли азильскими. Аналогичным образом стоянки развитого мезолита позднее стали называть тарденуазскими.

Самое раннее упоминание о мезолитических явлениях появилось в отечественной литературе в «Археологии» В.А.Городцова, где они были отнесены к «ранней поре неолита». Характерными признаками азильской культуры, по мнению В.А.Городцова, являлись «...микролитические кремневые орудия, плоские, неряшливо изготовленные костяные гарпуны и раскрашенные красками голыши», а также полное отсутствие в этот период мамонтовой фауны. Появление микролитов В.А.Городцов считал упадком культуры, вызванным рядом причин: 1. Ухудшением климатических условий; 2. Исчезновением мамонтовой фауны и связанной с этим нехваткой пищи; 3. Резким увеличением населения, которое было не в состоянии прокормиться в условиях оскудения животного мира [7. С. 266—267].

Первый из выводов совершенно не согласовался с предыдущим тезисом В.А.Городцова о том, что жизнь в умеренной полосе Европы в азильское время «...становилась все более и более легкой» в связи с отступлением ледника и общим смягчением климата [7. С. 246]. Второй и третий выводы прямо противоречат друг другу, причем якобы имевшее место увеличение населения в Европе ничем не подтверждалось, да и не могло быть подтверждено в силу слабой изученности рассматриваемого периода к моменту выхода работы.

При рассмотрении эпохальной принадлежности азильских комплексов В.А.Городцов брал за основу только их стратиграфическую позицию. В качестве примера приводилась стратиграфия грота Мас де Азиль. На основании наличия стерильной прослойки между мадленскими слоями и слоем, содержащим азильский комплекс, и в связи с отсутствием таковой между азилем и неолитом В.А.Городцов относил азильские комплексы к «ранней поре неолита». С помощью типологического метода решить проблему эпохальной принадлежности азилья, по мнению В.А.Городцова, было невозможно, так как состав орудийного комплекса азилья был более близок палеолитической индустрии [7. С. 267].

Придерживался мнения о деградации «эпипалеолитической индустрии» и П.П.Ефименко. В то же время причины упадка выглядели у него несколько по-иному. Эпипалеолитическое время, по мнению П.П.Ефименко, было в истории человечества периодом поиска новых основ культуры [11. С. 504—505].

Переходный характер эпохи П.П.Ефименко видел в сохранении во время «эпипалеолита» старых палеолитических черт, выразившихся в общей тенденции к уменьшению кремневых орудий, которая прослеживалась в индустрии мадленских стоянок Европы [7. С. 498—501; 12. С. 211]. Новые черты, «...странное вырождение кремневой индустрии» П.П.Ефименко связывал с тем, что «...охота стала терять свое исключительное значение». Данный факт, по его мнению, обусловил «...глубокий социально-экономический сдвиг, имевший место при переходе от охоты, как основного источника существования первобытных орд, к рыболовству, пастушеству и земледелию» [11. С. 501—502].

Несколько иначе подходил к определению содержания «эпипалеолита» Г.А.Бонч-Осмоловский. В отличие от П.П.Ефименко, видевшего в уменьшении размеров орудий только технологический тупик, Г.А.Бонч-Осмоловский связывал изменение основного производства с изобретением лука. По его мнению, «...употребление последнего подчинило себе всю технику обработки кремня...» [1. С. 169; 11. С. 505]. Менее отличалась от позиции П.П.Ефименко историческая трактовка содержания «эпипалеолита» Г.А.Бонч-Осмоловского. Он полагал, что в азильско-тарденуазское время продолжал сохраняться палеолитический способ хозяйства, в недрах которого созревали предпосылки к оседлости, развитию рыболовства, скотоводства, а затем и земледелия [1. С. 167].

Более всего воззрения П.П.Ефименко и Г.А.Бонч-Осмоловского сближались на почве отрицательного отношения к выделению мезолита в самостоятельную эпоху либо включения его в «раннюю пору неолита» [1. С. 166; 11. С. 497—498, 500—501].

Впервые в отечественной археологической литературе выделить мезолит в самостоятельную археологическую эпоху предложил М.В.Воеводский [4. С. 144—150; 5. С. 230—245; 6. С. 96—119]. В сущности, исторические и технологические критерии мезолита в его определении практически не отличались от содержания «эпипалеолита», данного последнему П.П.Ефименко и Г.А.Бонч-Осмоловским. Можно отметить большую последовательность М.В.Воеводского в раскрытии причинно-следственных связей при определении характерных особенностей мезолитической эпохи.

Содержательный уклон при определении критериев мезолитической эпохи был не случаен. Развернувшаяся в начале 30-х гг. борьба с «буржуазным вещеведением», «городцовщиной» заставляла искать новые пути в осмыслении археологического материала [3. С. 4; 19. С. 22—28, 41—49, 61—67; 20. С. 29—31]. В это время начал формироваться комплексный подход, имевший свои плюсы и минусы.

Традиции М.В.Воеводского продолжил А.А.Формозов. По его мнению, «...переход к новым формам охоты — в эпоху мезолита — вызвал быстрый прогресс охотничьего вооружения. Развивалась вкладышевая техника, появившаяся в палеолите, но нашедшая полное применение лишь в мезолите, при индивидуальной, а не загонной охоте на мелких животных» [25. С. 6]. Справедливость такой характеристики мезолита в целом была допустима, с учетом представлений об эпохе в 50-е гг. XX столетия, но она не решала сути проблемы, не давала строгих критериев оценки мезолита.

Некоторые положения А.А.Формозова были справедливо оспорены частью специалистов. Во-первых, это коснулось тезиса, выдвинутого еще М.В.Воеводским, об отличии хозяйства эпохи мезолита от палеолитического, что вызвало нарекания оппонентов [22. С. 12]. Суть разногласий заключалась в различном понимании того, что стоит за определением «хозяйства». Экономическая наука того времени выделяла три типа хозяйства — присваивающее, производящее натуральное и товарное. В мезолите, по крайней мере на большей части СССР, хозяйство продолжало оставаться присваивающим. В лучшем случае, речь

могла идти об отраслевой переориентации, что очевидно и имел в виду А.А.Формозов, говоря о смене хозяйства.

Второй аспект, которого коснулся А.Н.Рогачев, это инвентарный комплекс верхнего палеолита и мезолита (эпипалеолита). Им было отмечено, что основу инвентарного комплекса в это время составляют орудия из призматических пластинок. «...Граница между верхним палеолитом и эпипалеолитом в этом отношении настолько нечетка, — писал А.Н.Рогачев, — что на многих территориях археологи затрудняются определить конечный предел верхнего палеолита». Поставленную проблему А.Н.Рогачев предпочел разрешить «в интересах успешного развития науки» с помощью хронологического подхода, определив нижнюю границу эпипалеолита (мезолита) началом геологической современности [22. С. 11].

В 60-е гг. наметилась еще одна тенденция к определению содержания послепалеолитических археологических эпох. Она отводила ведущую роль сохранению палеолитических традиций, которые, постепенно развиваясь, совершенствуясь, плавно переходили в новое качество. Идея была сама по себе не нова. Она логически продолжала эволюционистский метод. Наиболее отчетливо проявившаяся при выделении гисарской культуры, идея традиционализма была перенесена А.П.Окладниковым на характеристику «эпипалеолитических» культур Сибири, Памира и Тянь-Шаня [18. С. 213—223].

Попыткой вернуть археологической периодизации ее археологический смысл, можно считать работу А.А.Формозова «О термине “мезолит” и его эквивалентах» [26. С. 6—11]. Однако в этой статье, выглядевшей как ответ на критику А.Н.Рогачева, автором были высказаны довольно противоречивые суждения. Безусловно верный вывод, сделанный А.А.Формозовым: «...в основе археологической классификации и периодизации должны лежать все же вещи, а не тип хозяйства и социального строя», — вытекал из далеко не адекватного предыдущего построения [26. С. 10]. Совершенно справедливо отмечая, что археологическая периодизация была выработана на основе анализа прежде всего коллекций, «...на основе наблюдений за изменениями типов орудий и другого инвентаря», А.А.Формозов здесь же утверждал, что эта периодизация историческая, а не формально-типологическая. Разделение археологических древностей на палеолит, мезолит, неолит, отражало, по словам А.А.Формозова, не только типологическую эволюцию орудий, «...но и изменения в формах хозяйства, социального строя» [26. С. 10]. Для доказательства своей правоты им привлекались данные по типологии, хозяйству, палеогеографии. В качестве основного типологического аргумента был привлечен факт совместного залегания геометрических орудий и наконечников стрел из ножевидных пластинок. Данные по хозяйству и экологии воспринимались отнюдь не как дополнительные аргументы в подтверждение типологических критериев [26. С. 8].

Отмеченные несоответствия, по нашему мнению, есть результат влияния комплексного подхода на осмысление чисто археологических явлений. Попытка совместить несовместимое, смешение трех самостоятельных и последовательных уровней исследования — семантического, исторического и социального — не могли не привести к означенным противоречиям. Эти три уровня исследования определяют и три самостоятельных типа относительной периодизации: археологическую (палеолит, мезолит, неолит и т.д.), историческую (дикость, варварство, цивилизация) и социальную (первобытное общество, стратифицированное общество и т.д.). Именно неубедительность комплексного подхода в конечном итоге привела к тому, что многие исследователи стали менять самые разнообразные критерии для характеристики и выделения мезолита.

Г.Н.Матюшин в посвященном введению в археологическую литературу термина «мезолит» обширном обзоре, содержащем, бесспорно, ценные сведения и обширную отечественную и зарубежную библиографию по проблеме, делал упор на исторические критерии мезолита. В его понимании, мезолит как переходная эпоха создал предпосылки и обеспечил

переход от присваивающего хозяйства к производящему. Но для выделения мезолита им были использованы данные геоморфологии [15. С. 13—15, 130, 155].

За типологическим прикрытием при выделении мезолита у А.Н.Мелентьева и В.Ф.Зайберта также скрывались палеоклиматические и геоморфологические критерии [13. С. 107—108, 127—129; 16. С. 105—106].

Г.М.Буров без лишней аргументации прямо считал мезолит начальной голоценовой эпохой, продолжавшейся до появления глиняной посуды [2. С. 5]. Аналогичного мнения придерживались Н.М.Ермолова, Р.К.Римантене и другие исследователи [10. С. 17; 21. С. 66]. Более абстрактной выглядела точка зрения С.В.Ошибкиной, для которой «...мезолит — историческая эпоха, охватывающая период от палеолита до начала неолита» [17. С. 3].

Конечно, исторические, геоморфологические, палеоклиматические, социальные критерии в определении сущности мезолитической эпохи окончательно не притупили интерес к выработке признаков типолого-технологических. В.А.Лыньша, например, понимал под мезолитом «...технологическую фазу в развитии орудий труда, которая связана, прежде всего, с открытием вкладышевой техники» [14. С. 9]. Приведенная им технологическая характеристика мезолита, естественно, не учитывала всего накопленного к тому времени материала и не могла выдержать элементарной критики со стороны исследователей палеолита. Вкладышевая техника не только зародилась, но и широко применялась в верхнем палеолите [9. С. 18].

С точки зрения остроты проблемы выделения мезолита показательна позиция ведущих специалистов в области технологии производства кремневых орудий С.А.Семенова и Г.Ф.Коробковой. В их трактовке мезолит как геологическая и историческая эпоха ассоциировался с комплексом черт, «...характерных для всего земного шара, различно выраженных на континентах и географических широтах» [23. С. 44]. О невозможности выработать всеобщий, универсальный критерий для выделения мезолита не только по типологии, но и по типу хозяйства и геологическим данным писал Д.Я.Телегин. По его мнению, «...сумма признаков для выделения конкретных мезолитических культур будет носить региональный характер» [24. С. 33].

Подводя итог нашему краткому обзору, можно сделать некоторые предварительные выводы. Осознание бессилия в выработке технологических критериев для выделения мезолита, конечно, не снижало важности вопроса. Пройдя путь от хронологических критериев и до комплексного понимания содержания эпохи, мезолитоведение вновь оказалось перед лицом той же проблемы. Использовать геологические, исторические или какие-либо другие критерии не представлялось возможным, т.к. «мезолит» — понятие прежде всего археологической классификации. Свое отношение к комплексному подходу мы высказали выше (хотя мы не отрицаем комплексный подход как метод познания явлений прошлого). Предложенная А.А.Формозовым нижняя грань мезолита, маркируемая на юге временем распространения геометрических микролитов, а на севере временем распространения наконечников стрел из пластинок, не могла быть принята. И те, и другие типы изделий были известны в палеолите территорий. Его же бесспорный вывод о том, что «...важно не раннее возникновение того или иного типа изделий, а господство этих типов в индустрии», не решал существа проблемы [26. С. 8—9]. В данном случае для выделения археологической эпохи брался не технологический, а типологический признак, что являлось нарушением иерархии классификационной процедуры.

Определение критериев, на основании которых выделялись археологические эпохи, имело тенденцию к детализации первичных технологических или морфологических признаков. Признанным был факт смены отщеповой индустрии нижнего палеолита призматической техникой скалывания, индустрией пластины верхнего палеолита, которая своего наивысшего расцвета достигла в мезолите и неолите, получив название «микролитическая техника». Доминанта последней в кремневой индустрии вполне могла знаменовать собой начало новой археологической эпохи — мезолита [8. С. 49].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонч-Осмоловский Г.А. Итоги изучения Крымского палеолита // Тр. II междунар. конф. ассоциации исследователей четвертичного периода (далее — МК АИЧПЕ). 1934. Вып. 5.
2. Буров Г.М. Крайний северо-восток Европы в эпоху мезолита, неолита и раннего металла: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986.
3. Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры (далее — ГАИМК). 1931. № 9—10.
4. Воеводский М.В. К вопросу о развитии эппалеолита в Восточной Европе // Советская археология (далее — СА). 1940. № 5.
5. Воеводский М.В. К вопросу о ранней (свидерской) стадии эппалеолита на территории Восточной Европы // Тр. II МК АИЧПЕ. 1934. Вып. 5.
6. Воеводский М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). 1950. Вып. 31.
7. Городцов В.А. Археология. Каменный период. М.; Пг., 1923.
8. Гребенюков В.И. Семантический уровень исследований в историографии мезо-энеолита Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
9. Ерицян Б.Г. Ереванская пещерная стоянка и ее место среди древнейших памятников Кавказа: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
10. Ермолова Н.М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой // КСИА. 1977. Вып. 149.
11. Ефименко П.П. Дородовое общество. М.; Л., 1934.
12. Ефименко П.П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеэнеолитического возраста // Российский антропологический журнал. 1924. Т. 13. Вып. 3—4.
13. Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // СА. 1981. № 3.
14. Лынша В.А. Мезолит Юга Средней Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
15. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
16. Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия. Памятники сероглазовской культуры // КСИА. 1977. Вып. 149.
17. Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.
18. Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР. Сибирь и Средняя Азия // Материалы и исследования по археологии СССР (далее — МИА). 1966. № 126.
19. Равдоникас В.И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. 1930. Т. 7. Вып. 3—4.
20. Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения ГАИМК. 1931. № 9/10.
21. Римантене Р.К. Основные черты мезолита Литвы // КСИА. 1977. Вып. 149.
22. Рогачев А.Н. Некоторые вопросы изучения эппалеолита Восточной Европы // МИА. 1966. № 126.
23. Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л., 1983.
24. Телегин Д.Я. О критериях выделения мезолитических памятников на юго-западе Европейской части СССР // КСИА. 1977. Вып. 149.
25. Формозов А.А. Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.
26. Формозов А.А. О термине «мезолит» и его эквивалентах // СА. 1970. № 3.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).04

А.В.Аксанов
Тюмень, Россия

A.V.Aksanov
Tyumen, Russia

МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1478 ГОДУ

MOSCOW-KAZAN RELATIONS IN 1478

Аннотация. Статья посвящена военному конфликту, произошедшему между Московским государством и Казанским ханством в 1478 г. Выявлены и объяснены расхождения в источниках. Делается вывод о том, что московско-казанская война 1478 г. стала следствием борьбы двух государств за Вятскую землю.

Ключевые слова: Московское государство; Казанское ханство; летописи.

Abstract. The article is devoted to the military conflict between Moscow state and Kazan khanate in 1478. The author has marked out points of view from various sources and has explained the differences. He came to the conclusion that the Moscow-Kazan war of 1478 was a result of continuous struggle for Vyatka land.

Key words: Moscow state; Kazan khanate; chronicles.

Сведения об авторе: Аксанов Анвар Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России.

Место работы: Тюменский государственный университет.

About the author: Anvar Vasilievich Aksanov, Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of History of Russia.

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Семакова, д. 10; тел. 909 7365759.

E-mail: hananvar@rambler.ru

Судя по данным источников, 1470-е гг. — «темное время» в истории Казанского ханства. Вероятно, в сознании летописцев 70-е гг. ассоциировались с другими важными событиями: во внешней политике Москвы на первый план вышла борьба с Большой Ордой и пролитовской партией в Новгороде [8. Стб. 170—309; 9. С. 162—213; 10. С. 142—212; 12. С. 288—329; 13. С. 278—284; 14. С. 128—150, 298—316; 15. С. 43—49]. Более чем за десятилетие в поле зрения летописцев попали лишь два события, связанных с московско-казанскими отношениями, — это поход казанцев на Вятку в начале 1478 г. и военная экспедиция московских войск на Казань, состоявшаяся весной того же года.

Очень краткое сообщение о конфликте 1478 г. содержится в Московском летописном своде конца XV в. По словам летописца, «тое же зимы Казанскои царь ходил на Вятку и много полону поимал, и секл и грабил через роту свою, а грады дашася за него». Далее идет рассказ о реакции московского правительства: «Тое же весны князь великы отпустил рать судовую на Казань, воевода большеи Василеи Федорович Образец, а из Новгорода пошли под Казань маа 26 вторник» [12. С. 323; 4. С. 117; 10. С. 189]. О результатах похода Федора Образца летопись не сообщает.

Дополняют и в то же время противоречат Московскому своду такие источники, как Летописный свод 1497 г., свод 1518 г. и Воскресенская летопись. Московский летописец писал, что «грады дашася за него», но авторы более поздних сводов описали неудачный поход армии Ибрагима: «Града же ни единого не взя и множество Тотар оу него от вятчан под градом избиено бысть» [9. С. 199; 14. С. 147, 312; 11. С. 196]. Эти источники подробнее, чем Московский свод, рассказывают о весеннем походе на Казань: «Они же (князь Семен Иванович и Василий Федорович. — А.А.) плениша землю их по Волзе, множество исекоша и иных плениша и предоша ко граду, нача стрелятися, бысть буря сильна и дождь и нелзе приступите ко граду. Они же вспятися и сташа на Волзе, а вятчане и оустюжане плениша по Каме, множество бесчисленное исекоша, а иных в полон поимаша. Царь же

посла с челобитием к великому князю, и оумирилася, яко же оугодно есть великому князю» [9. С. 199—200; 11. С. 196—197; 14. С. 148, 312].

Пространный рассказ Софийской второй летописи связывает конфликт 1478 г. с новгородскими событиями. По свидетельству летописца, поводом к нападению казанцев на Вятку стала дезинформация хана относительно результатов похода Ивана III на Новгород весной 1478 г. К Ибрагиму пришла весть о разгроме московских войск, чем он воспользовался, напав на Вятку. Согласно софийскому летописцу, «потом царю прииде праваа весть, что взял князь велики Новгородъ и наместники посажа, и посла царь казанский, и велель скоро воем своим възвратитися. Они же слышавше, толь скоро бежаша, елико варяху в котлех еству, все опрометаша» [8. Стб. 285].

Составитель Софийской второй летописи сообщает и об ответном походе русских на Казань: «Посла князь велики рать свою на Казань воевод Василья Обрасца в судех да Бориса Слепца. И посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же велики пожалова его» [8. Стб. 286].

Таким образом, даже в официальном летописании наблюдается разброс мнений относительно событий 1478 г. Можно выделить как минимум три взгляда на произошедшее: наиболее ранняя запись автора Московского летописного свода; статья, вошедшая в Воскресенскую летопись, Летописный свод 1497 г. и Летописный свод 1518 г.; и, наконец, сообщение Софийской второй летописи.

Неоднозначно представлен и поход русских на Казань. Московский летописец ограничился сообщением, что Иван III отправил воевод на Казань. В Летописном своде 1497 г., своде 1518 г. и Воскресенской летописи рассказывается, что угроза осады Казани была снята самой стихией, хотя, после погрома приволжских и прикамских поселений, хан вынужден был пойти на мир.

Интересные сведения содержатся в Устюжской летописи. Она рассказывает о походе казанцев не только на Вятку, но и на Устюг. По данным летописца, поход на Устюг был продолжением военной операции против Вятки. В результате казанцы не дошли до Устюга — Ибрагим «воротился» [15. С. 48]. Устюжский книжник согласился с утверждением официальных летописцев, что хан «города ни единого не взял» [15. С. 48], однако не подтвердил их известие о походе русских на Казань.

С.М.Соловьев указал на расхождения в источниках относительно вятского похода казанцев, но не обратил внимания на различия в трактовках ответной экспедиции москвичей. Поэтому ученый не стал делать однозначных выводов по первому эпизоду, но, характеризуя поход на Казань, принял более позднюю версию официального летописания и заключил, что «Ибрагим послал с челобитьем к великому князю и заключил мир на всей его воле» [7. С. 67—68]. Необходимо заметить, что историки следующих поколений, вовсе проигнорировав разночтения в летописях, представляли события, целиком положившись на поздние официальные известия [16. С. 43—44; 2. С. 124; 1. С. 36—37; 3. С. 121; 5. С. 138—139].

Возможно, исследователи обошли эту проблему из-за того, что не нашли объяснений противоречивым оценкам. Почему мнение летописца-современника событий, считавшего, что «грады дашася за» казанского хана, через 20—40 лет опровергается, и в летописании распространяется точка зрения, что хан «града же ни единого не взял»? Почему официальные книжники по-разному осветили поход русских на Казань?

Уникальные известия Московского свода созданы по горячим следам минувших событий, предположительно в 1479 г. [17. С. 256—283; 6. С. 122—167] Остальные летописи составлены уже после «Казанского взятия» 1487 г. Вероятнее всего, подчинение Казани изменило представления о московско-казанских отношениях. К тому же, с 1485 г., после присоединения Твери, Иван III стал «государем всея Руси». Таким образом, в 1480-е гг., наряду с падением статуса Казани, происходит возвышение Москвы. Отныне Казанское

ханство рассматривалось как зависимое государство, силы которого не сопоставимы с могуществом «государя всея Руси».

Такой взгляд на положение Казани доминировал в умах составителей летописных сводов, среди которых были авторы Летописного свода 1497 г., Софийской второй, Уваровской и Воскресенской летописей. Отсюда расхождения в источниках. Если для московского летописца нет ничего удивительного в том, что хан Ибрагим захватил христианские города, то для более поздних летописцев это представляется немислимым.

По этим же причинам Московский свод не сообщает об итогах ответного похода воевод великого князя, а другие источники повествуют о челобитье казанского хана к великому князю, который «пожаловал его». В данном случае наблюдается некая «модернизация» явлений: летописцы конца XV—XVI в. представили события 1478 г. в свете политических реалий более позднего времени. Иначе говоря, они не учли того, что до 1487 г. не существовало подчиненной Казани, глава которой мог быть «пожалован» от имени великого князя.

Таким образом, события 1478 г. оставляют много вопросов. Информация в приведенных статьях крайне скудна, но иных сведений о московско-казанском конфликте в нашем распоряжении нет. Судя по всему, у большинства летописцев указанные события не вызвали интереса, а книжники, обратившиеся к этой проблеме, имели довольно смутное представление о случившемся. Историки, невзирая на расхождения в источниках, сошлись на мнении, что в 1478 г. напавшим на Вятку казанцам не удалось взять город, а поход москвичей на Казань завершился подписанием договора на условиях великого князя. Однако, как было показано, подобные выводы противоречат более ранним официальным известиям. Поэтому сложно говорить о результатах похода казанцев на Вятку, так же как и об исходе экспедиции москвичей на Казань. В итоге можно лишь предположить, что в 1478 г., когда великий князь был занят борьбой с Великим Новгородом, казанцы попытались восстановить власть над Вяткой, следствием чего и стало военное столкновение с Москвой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV—XVI вв. Казань, 1995.
2. Базилиевич К.В. Внешняя политика русского централизованного государства во второй половине XV века. М., 1950.
3. Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: Межгосударственные отношения в XV—XVI веках: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001.
4. Иоасафовская летопись. М., 1957.
5. Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV—XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск, 2005.
6. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV веков. М., 1976.
7. Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. 3. Т. 5—6. История России с древнейших времен. М., 1989.
8. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 6. Софийская вторая летопись. Вып. 2. М., 2001.
9. ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.
10. ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901.
11. ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000.
12. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
13. ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л., 1962.
14. ПСРЛ. Т. 28. Летописный свод 1497 г., Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). М., 1963.
15. ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVII вв. Л., 1982.
16. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.
17. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938.

**М.В.ЛОМОНОСОВ О «СОХРАНЕНИИ
И УМНОЖЕНИИ РУССКОГО НАРОДА».
К 300-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО****M.V.LOMONOSOV
ON «PRESERVATION AND MULTIPLICATION
OF THE RUSSIAN PEOPLE»**

Аннотация. Статья посвящена анализу взглядов великого русского ученого М.В.Ломоносова на проблемы укрепления Российского государства и общества. Особое внимание уделяется его размышлениям о путях улучшения, говоря современным языком, демографической ситуации. Подчеркивается актуальность взглядов отечественного мыслителя для сегодняшнего дня.

Ключевые слова: история российской науки; социальные реформы; сохранение народа; увеличение населения; история публикации.

Сведения об авторе: Емельянов Борис Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии.

Место работы: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина.

Контактная информация: 620083, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, к. 319; тел. (343) 3505920.
E-mail: philosophy7@mail.ru

Abstract. The article dwells upon Mikhail Lomonosov's views on the issues of the consolidation of the Russian state and society. The author pays special attention to the Lomonosov's contemplations on the ways to improve demographic situation in Russia. The author emphasizes relevance of the views of the Russian thinker.

Key words: history of science in Russia; social reforms; preservation of people; population increase; history of publishing.

About the author: Boris Vladimirovich Emeljanov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department for History of Philosophy.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin.

Своими открытиями Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) прославил отечественную и мировую науку. Характер его энциклопедического таланта подтвержден в различных естественных и гуманитарных науках. Как писал А.С.Пушкин, «соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшею страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минеролог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник» [3. С. 21]. При этом Ломоносов не был замкнутым кабинетным ученым. Он — подлинный патриот своей родины, постоянно заботящийся о ее благосостоянии. Для иллюстрации характера этой его деятельности возьмем лишь один пример.

1 ноября 1761 г., в день рождения своего покровителя И.И.Шувалова, Ломоносов написал ему письмо, в котором сообщал: «Разбирая свои сочинения, нашел я старые записки моих мыслей, простирающихся к приращению общей пользы. По рассмотрении рассудилось мне за благо пространнее и обстоятельнее сообщить их вашему превосходительству яко истинному рачителю о всяком добре любезного отечества, может быть, найдется в них что-нибудь, к действительному поправлению российского света служащие ... Все оные по разным временам замеченные пороки мысли подведены быть могут, как мне кажется, под следующие главы:

1. О размножении и сохранении российского народа.
2. О потреблении праздности.
3. О исправлении нравов и о большем народе просвещении.
4. О исправлении земледелия.
5. О исправлении и размножении ремесленных дел и художеств.
6. О лучших пользах купечества.
7. О лучшей государственной экономии.
8. О сохранении военного искусства во время долговременного мира...

Начало сего полагаю самым главным делом: сохранением и размножением российского народа, в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности, без обитателей» [2. С. 383—384].

Началом своего большого труда и главной его темой, как видим, Ломоносов считал «сохранение и размножение русского народа». В 13 разделах этого первого очерка он рассмотрел варианты решения данной проблемы.

В первом разделе Ломоносов выступает против «неравенства в супружестве», предлагая «вредное приумножению и сохранению народа неравенство супружества запретить и в умеренные пределы включить должно. По моему мнению, невеста жениха не должна быть старше разве только двумя годами, а жених старше может быть 15-ю годами» [2. С. 385].

Во втором разделе он предлагает запрещать священникам под угрозой лишения сана венчать насильно.

В третьем разделе ученый выступает против церковного догмата, запрещающего четвертый брак: «Мне кажется, было б законам непротивно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен по примеру других христианских народов» [2. С. 386].

Четвертый раздел посвящен вдовым клирикам, которым запрещено вступать во второй брак. Для увеличения деторождения Ломоносов считает необходимым такие браки разрешить, а также предлагает пострижение в монашество запретить женщинам младше 45 лет, мужчинам младше 50 лет.

Последующие три раздела посвящены детям. Ломоносов считает необходимым «для сохранения жизни» незаконнорожденных детей «учинить нарочные богодельные дома» (приюты), о чем пишет в пятом разделе. В шестом разделе описаны меры для уменьшения детской смертности: а) издать «хорошие книжки о повивальном искусстве», б) в этих книжках рассказать о накопленном опыте лечения малолетних детей, в) поскольку «у нас с аптеками так скудно», их нет даже в «знатных великих городах», необходимо государству об этом «иметь попечение», о чем Ломоносов намеревается написать особо, г) книжку эту предлагает напечатать большим тиражом, чтобы «распродать во все государство по всем церквам, чтобы священник и грамотные люди читая могли сами знать и других наставлением пользоваться» [2. С. 386, 390].

Два следующих раздела Ломоносов направляет против «невежд — попов», крестящих детей в ледяной воде: «Таких упрямых попов, коих хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем что желают после родин и крестин вскоре и похороны для своей корысти» [2. С. 391]. Наконец, Ломоносов выступает против укоренившейся в России невоздержанности в еде и питии перед Великим постом и после него, когда «недавние строгие постники» объедаются и пьянствуют. Такое «крутопеременное» питание, по его мнению, вредно и даже «смертоносно». Ломоносов обращает внимание на то, что время церковных постов и праздников было установлено в Греции и «в земле обетованной», что для сурового климата России неприемлемо. Поэтому он обращается к церковным властям: «Расположите, как разумные люди, по вашему климату, употребите на пост другое способнейшее время или в другое время пользуйтесь умеренно здоровыми пищами ... А сверх того, ученьем вскорените всем в мысли, что богу приятнее, когда имеем в сердце чистую совесть, нежели в желудке цынготную рыбу, что посты учреждены не для самоубийства вредными пищами, но для воздержания от излишества» [2. С. 395]. Ломоносов понимает, что выполнение этого требования нарушает вековые традиции, однако, поскольку «русский народ гибок!», оно выполнимо.

В десятом разделе предлагается ряд мер против «насильственных, натуральных и случайных обстоятельств, как причин лишения жизни человеческой», имея в виду необходимость предупреждать заранее жителей о начавшихся эпидемиях, приближающихся наводнениях,

предполагающихся затмениях Солнца, о чем ученый подробно предполагает написать позже в главе «О лучшей государственной экономии».

Одиннадцатый раздел письма посвящен борьбе с ворами и разбойниками. Мер предлагается много, в том числе плата за их поимку. Большую потерю населения Российская империя терпит из-за «живых покойников», т.е. тех, кто эмигрирует — «уходит в чужие государства». Ломоносов считает, что этот процесс «силою совершенно запретить невозможно», и поэтому нужно применять ряд экономических мер, облегчая жизнь приграничных жителей, и компенсировать уход русских «приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры», о чем он пишет в последнем, тринадцатом, разделе. Заканчивая свое письмо к Шувалову, ученый предполагает, что если принять во внимание эти 13 способов (а может быть и больше) «сохранения и приращения подданных ее императорского величества», то каждый год может увеличить население на полмиллиона человек, а за 20 лет («от ревизии до ревизии») — до 10 миллионов. «Кроме сего уповаю, что сии способы не будут ничем народу отяготительны, но будут служить к безопасности и успокоению всенародному» [2. С. 402].

Вполне естественно, что эти рекомендации Ломоносова «о сохранении и умножении русского» народа относятся к российской действительности середины XVIII в., но в них в определенных аспектах просматриваются перспективы и для нашего времени. Остается сожалеть о том, что Ломоносову не удалось высказать свои предложения по остальным семи пунктам, обозначенным в письме и имеющим для России не меньшую актуальность, чем рассмотренный вопрос.

Интересна цензурная судьба первой публикации этого письма. Спустя 58 лет его обнаружили в архиве и с купюрами опубликовали в «Журнале древней и новой словесности» (1819. Ч. 5, март. № 6. С. 57—78), издававшимся В.Олиным. Хотя цензура его пропустила, оно вызвало недовольство министра духовных дел и народного просвещения князя А.Голицына, что и зафиксировано в специальном деле, обнаруженном нами в Государственном архиве РФ. Дело открывает письмо «Господину попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. Издаваемого г. Олиным журнала древней и новой словесности в № 6 между прочим помещена статья, под названием: Письмо покойного Михаила Васильевича Ломоносова к Ивану Ивановичу, нигде не напечатаны.

В пунктах 3, 5, 7 и 8 сего письма содержатся разные выражения и мысли частью предосудительные учению и обрядам, принятым православною грекороссийскою церковью, частью же несправедливые, оскорбляющие честь нашего духовенства, коих ни под каким видом не следовало бы пропускать к напечатанию, вопреки 15 пункту Устава о цензуре.

В следствие того покорнейше прошу Ваше превосходительство поставить сие упущение на вид г. цензору Яценкову, рассматривавшему помянутый номер журнала древней и новой словесности и истребовать от него объяснение, по каким основаниям он дал одобрение к напечатанию такого письма, вопреки известным ему, и столь многократно повторенным правилам, сие воспрещающим.

О последствии сего буду ожидать Вашего, милостивый государь мой, уведомления.

Подписали: Министр Духовных Дел и Народного Просвещения князь Александр Голицын
Директор Василий Попов»

28 мая 1819 [1. Ф. 733. Оп. 118. Д. 444. Л. 2—2 об.]¹

№ 1731

В деле находится также «объяснение цензора Яценкова по случаю напечатанного в 6 № -ре журнала древней и новой словесности письма Ломоносова к Шувалову». В нем с большим достоинством цензор отвечает министру: «Не входя в исследование о том,

¹ Стиль, орфография и подчеркивание подлинника.

справедливы ли суждения Ломоносова, в письме сем изображенные осмеливаюсь объяснить только следующее:

Статья сия имеет совсем другую цену и должна быть рассматриваема совсем с другой стороны. Она не есть ни богословская: — ибо, кто станет искать в Ломоносове разрешение богословских задач? — ни медицинская, ни не политико-экономическая: хотя в сем деле все лучшие врачи и многие государственные мужи отдадут Ломоносову справедливость: — Она есть не что иное, как новая черта к портрету Ломоносова, — дополнение к истории жизни и многочисленным ученым занятиям сего великого мужа. До сих пор мы знали и почитали Ломоносова, как неподражаемого поэта, как великого математика, физика, астронома, химика; отныне будем знать и почитать его еще и как глубокомысленного государственного мужа, как ревностнейшего споспешника народной силы, богатства и величия нашего Отечества. Он мог ошибаться в мнениях своих о предметах богословских и политико-экономических: но одно усердие его к споспешествованию общей пользы дает ему уже право на всеобщую признательность. Будущий историк жизни Ломоносова не пропустит и сей черты вместе со многими другими изображающими величественный образ сего необыкновенного человека.

И сие есть одна истинная точка, с которой цензор считал себя в обязанности рассматривать статью сию. Запретивши оную, он бы выкинул одну из любопытнейших страниц в похвальном слове Ломоносова.

6 июня 1819 Цензор Григорий Яценков» [1. Ф. 733. Оп. 118. Д. 444. Л. 4—4 об].

Резолюция министра по этому делу была такой: «Цензору — замечание, так как его объяснение неосновательно. Цензуровать журнал передать Тимковскому».

Полностью, без цензурных сокращений, письмо Ломоносова было опубликовано лишь в 1871 г. в «Беседах в обществе любителей российской словесности при Московском университете» и с тех пор печатается во всех собраниях сочинений М.В.Ломоносова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М., 1952. Т. 6.
3. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. 2-е изд. Л., 1978. Т. 7.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО ПСЕВДОНИМА
Л.А.ТИХОМИРОВАON L.A.TIKHOMIROV'S PSEUDONYM
AND ITS ATTRIBUTION
TO POETRY WORKS

Аннотация. В статье рассматривается такая малоизвестная сфера литературной деятельности Л.А.Тихомирова-революционера, как поэзия. На основе использования различных форм литературоведческого анализа устанавливается его поэтический псевдоним и авторство в ряде стихотворных произведений.

Ключевые слова: Тихомиров; литература; поэзия; народничество; радикализм; «чайковцы»; религия.

Сведения об авторе: Милевский Олег Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин.

Место работы: Сургутский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 628417, г. Сургут, ул. 50 лет

Abstract. The present article dwells upon poetry, as a little known area of literary activity of revolutionist L.A.Tikhomirov. On conducting literary analysis of various types, the author was able to attribute Tikhomirov's authorship to some poetry works (including those written under a pseudonym).

Key words: Tikhomirov; literature; poetry; populism; radicalism; "tchaikovcy"; religion.

About the author: Oleg Anatoljevich Milevsky, Doctor of History, Professor of the Department for Social and Humanitarian studies.

Place of employment: Surgut State Pedagogical University.

ВЛКСМ, д. 10/2, каб. 315; тел. (3462) 223187 (доб. 315).

E-mail: Olegmilevsky@mail.ru

Фигура Льва Александровича Тихомирова, яркого неординарного русского мыслителя, проделавшего путь от идеолога революционной организации «Народная воля» до адепта самодержавной монархии, автора классического политико-философского сочинения «Монархическая государственность», прожившего непростую жизнь и имевшего сложную политическую биографию, не раз привлекала к себе внимание ученых — историков, философов и правоведов. Намного меньше известно о нем как о неординарном литераторе. Только в последние годы, благодаря исследователям А.В.Репникову [9] и С.М.Сергееву [11], увидела свет и впервые была проанализирована его повесть «В последние дни» (эсхатологическая фантазия) [9], но еще меньше знаком Л.А.Тихомиров научной и читающей общественности как революционный поэт.

Конечно, поэтом в классическом смысле этого слова его назвать довольно сложно. Однако сам факт обращения Л.А.Тихомирова в годы своего революционного прошлого к поэтическому творчеству уже интересен с точки зрения характеристики масштабов его личности. Стихи поэтов-революционеров 70-х гг. XIX в., ожидавших наказания за революционную пропаганду в российских тюрьмах, решено было опубликовать отдельным сборником за границей — в Женеве, в типографии народнической газеты «Работник». Такой поэтический сборник, включивший в себя стихи в основном находившихся в санкт-петербургском Доме предварительного заключения в ожидании решения по знаменитому процессу «193-х» народников, увидел свет в 1877 г.

Он вышел под символическим названием «Из-за решетки» — сборник стихотворений русских заключенных по политическим причинам в период 1873—77 гг., осужденных и ожидающих суда. В период советского развития гуманитарной науки исследователи не раз обращались к изучению литературного наследия писателей из революционно-демократического лагеря. В этом ряду можно назвать имена таких ученых, как В.Ф.Захарина [3] и Б.П.Веревкин [1], рассматривавших в основном пласт нелегальной народнической литературы. Изучению и анализу собственно поэтического творчества революционеров посвящены такие фундаментальные работы, как, например, «Вольная русская поэзия второй половины XIX в.» [2] Над подобной проблематикой трудились и такие специалисты, как Н.В.Осьмаков [8]. В своем труде, посвященном изучению различных этапов развития

русской революционной поэзии, он уделил много внимания и сборнику «Из-за решетки». Мы не будем детально касаться литературного анализа помещенных в нем поэтических композиций. Об этом уже достаточно написано. Нас больше интересует другой вопрос: как устанавливались имена авторов тех или иных произведений.

По конспиративным соображениям той эпохи все имена опубликованных в сборнике авторов были скрыты под псевдонимами. И если ряд имен был узнаваем, а их стихи достаточно исследованы [8. С. 54—67], то по причинам идеологического свойства о причастности к сборнику Л.А.Тихомирова лишней раз предпочитали не говорить. Только в работе В.А.Твардовской о Н.А.Морозове содержится краткое упоминание о том, что одним из авторов выше указанного поэтического сборника являлся и Л.А.Тихомиров [12. С. 171]. Думается, что в настоящее время в свете проснувшегося интереса к консервативному наследию и для воссоздания более полной картины литературно-общественной деятельности Л.А.Тихомирова необходимо ликвидировать и эту лакуну.

Для решения подобной научной задачи первоначально решено было воспользоваться методом исключения. Опираясь на работы предшественников, удалось выяснить, что под псевдонимом *Вербовчанин* скрывался С.С.Синегуб, под аббревиатурой *М.Н.* — Н.А.Морозов, *М.М.* — М.Д.Муравский, *А. Черный* — Ф.В.Волховский, *О.П.* — П.А.Орлов и т.д. В результате подобного исключения в списке неразгаданных псевдонимов осталась группа из шести авторов. Причем псевдонимы *Д.А.* и *П.А.*, по-видимому, были анаграммами. Таким образом, группу удалось сократить до четырех — это псевдонимы *В.Носов*, *Б.Помпха*, *Л.Михайлов*, *Кар...*

Дабы завершить идентификацию, решено было прибегнуть к историко-сравнительному анализу. Иначе говоря, на основе изучения поэтического материала, содержащегося в сборнике, сравнить описанные там события с реальной настоящей и прошлой жизнью Л.А.Тихомирова. Тем более что тюремное заключение, продолжавшееся свыше четырех лет, оставляло для тогда еще очень молодого и неискушенного человека, небольшое количество тем для поэтических упражнений. Поэтому вполне логично было предположить, что одной из наиболее вероятных тем будет обращение к недавнему революционному прошлому, которое в тюрьме еще более героизировалось.

Поиски в данном направлении действительно дали определенный результат. В сборнике «Из-за решетки» есть стихотворение «К моему пиджаку», подписанное *Кар...* и имеющее, по-видимому, автобиографический характер. Обращают на себя внимание следующие строки:

Ты помнишь дом за ... ою заставой?
Там жили бедность, дружба и любовь;
Друзьям нужда казалось забавой,
И часто кровь их грела вместо дров...
Увы, как сон минуло время это:
Ты помнишь ночь, когда обеим нам
Пришлось усесться в «черную карету»,
Сказав «прости» свободе и друзьям? [4. С. 57]

Данный отрывок, несомненно, переносит нас в недалекое прошлое героя. И обратившись к данным полицейского дознания, удалось установить, что описанные в стихотворении моменты имели непосредственное отношение к судьбе Л.А.Тихомирова [16. С. 60]. Он, став членом Санкт-Петербургского кружка «чайковцев» (в научной литературе его еще называют «Большим обществом пропаганды»), вместе с С.С.Синегубом и его супругой снимал домик за Невской заставой и вел активную пропаганду среди фабричных рабочих. Там же в ночь с 11 на 12 ноября 1873 г. и произошел арест Л.А.Тихомирова. О том, как это происходило, он и сам впоследствии оставил свидетельство [14].

Другим важным моментом, подтверждающим тождество Л.А.Тихомирова и автора, писавшего под псевдонимом *Кар...*, на наш взгляд, является стихотворение «Из апостола Павла». Проникнутое щемящей тоской, оно передает внутренний мир героя, сломленного превосходящими силами противника, но не сдавшегося и с гордым достоинством ожидавшего своего конца. Чего стоят, например следующие строфы:

Подвигом добрым я подвизался,
Честно свой путь совершил,
Веру в душе сохранил,
Злобы врагов не боялся...
Время настало... Пути беспокойного
Видится близкий конец,
Вьется терновый венец
И для меня недостойного [4. С. 54—55].

Но в этом небольшом стихотворении нам интересно другое, а именно обращение к религиозным мотивам. В тот период времени господствующим умонастроением в головах радикальной молодежи был атеизм. Если в тюрьме кто-то и читал Библию, то обращение к библейской тематике в поэтическом творчестве было нехарактерно для «передовой молодежи». Однако знакомство с воспоминаниями Л.А.Тихомирова позволило нам установить тот факт, что еще в Петропавловской крепости, когда ощущалась нехватка книг, он много времени проводил за чтением доступных ему в крепости православных первоисточников.

Читал он, например, Четьи Минеи, захватившие и увлекшие его [15]. Изучение Евангелия стало одним из его любимейших занятий. На ознакомление с ним он затратил целый год [13. С. 71]. Уж не тогда ли созрело в его голове это стихотворение, как нельзя лучше свидетельствующее о напряженной работе, идущей в глубине души. Таким образом, данное обстоятельство, хотя и косвенно, но также работает на подтверждение гипотезы о том, что псевдонимом *Кар...* подписывался Л.А.Тихомиров.

Со стихотворением «Из апостола Павла» связано и еще одно важное свидетельство, подтверждающее авторство Л.А.Тихомирова. В своих воспоминаниях, размышляя о характере Л.А.Тихомирова и о причинах, вызвавших переход последнего в монархический лагерь, хорошо знавший его по парижской эмиграции Н.С.Русанов упоминает о том, что стихотворное переложение исповеди апостола Павла принадлежит перу Л.А.Тихомирова [10. С. 157].

И наконец, еще одним важным фактом, подтверждающим выдвинутое предположение, является следующий. У противников версии может возникнуть вполне обоснованный вопрос: «Что же обозначает выбранный псевдоним?». Казалось бы, ответа на него нет. Но обратимся за помощью к генеалогическому древу рода Тихомировых. Несложные изыскания позволили нам узнать, что девичья фамилия матери нашего героя Христины Николаевны была Каратаева. Отсюда и взят, хотя и в сокращенной форме, псевдоним *Кар...*

Об этом свидетельствует также то обстоятельство, что уже после процесса «193-х» Л.А.Тихомиров, перейдя на нелегальное положение и примкнув к организации «Земля и воля», а чуть позже став членом редакции ее печатного органа, по заданию Центрального кружка много времени проводил в легальных литературных салонах либерально-демократического направления, при этом известен он там был под именем Ивана Григорьевича Каратаева [7. С. 167]. Вращаясь в литературных кругах, Л.А.Тихомиров очень быстро установил тесные связи с редактором «Отечественных записок» Н.К.Михайловским и с Н.В.Шелгуновым, соредактором журнала «Дело», в котором он начал печататься с конца 1880 г. Одним из его журналистских псевдонимов стал псевдоним *И.Каратаев* [6. С. 167]. Например, под этим именем им была опубликована статья в № 3 журнала «Дело» за 1881 г. [5. С. 98—119].

Таким образом, на основании анализа и сопоставления всех вышеприведенных данных можно сделать достаточно точный вывод о том, что в поэтическом сборнике «Из-за решетки» среди произведений других революционеров помещены и стихи Л.А.Тихомирова, писавшего под псевдонимом *Кар...*

Установление данного факта позволит в дальнейшем биографам и исследователям творческого наследия Л.А.Тихомирова не только изучить и проанализировать тексты его стихотворений, но и через знакомство с его поэтическими произведениями составить более полное впечатление о психолого-эмоциональном состоянии, в котором он находился в годы тюремного заключения. Это в свою очередь может дать ключ к пониманию того, что подтолкнуло его на данном этапе жизненного пути к еще большей радикализации политических воззрений и в конечном итоге, в конце 70-х гг. XIX в., сделало сторонником насильственных революционных действий, а осенью 1879 г. и членом Исполнительного комитета только что созданной организации «Народная воля».

ЛИТЕРАТУРА

1. Веревкин Б.П. Русская нелегальная революционная печать. М., 1960.
2. Вольная русская поэзия второй половины XIX в. Л., 1959.
3. Захарина В.Ф. Голос революционной России: литература революционного подполья 70-х годов XIX в. «Издания для народа». М., 1971.
4. Из-за решетки. Сборник стихотворений русских заключенных по политическим причинам в период 1873—77 г., осужденных и ожидающих суда. Женева, 1877.
5. Каратаев И. Воинская повинность в Малоархангельском уезде (1874—1879 гг.) // Дело. 1881. № 3.
6. Козьмин Б.П. Неизданная записка Н.В.Шелгунова // Каторга и ссылка. 1929. № 8—9.
7. Малинин В.А. История русского утопического социализма: вторая половина XIX — начало XX вв. М., 1991.
8. Осьмаков Н.В. Родина. Народ. Революция: Этапы развития русской революционной поэзии второй половины XIX — начала XX в. М., 1977.
9. Репников А.В. Неизвестная мистическая повесть Л.А.Тихомирова // Эхо. Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. М., 1999. Вып. 1.
10. Русанов Н.С. В эмиграции. М., 1929.
11. Сергеев С.М. В последние дни. Примечания // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., 2002.
12. Твардовская В.А. Н.А.Морозов в русском освободительном движении. М., 1983.
13. Тихомиров Л.А. Заговорщики и полиция. М., 1930.
14. Тихомиров Л.А. Развязка // Московские ведомости. 1895. № 315.
15. Тихомиров Л.А. Тюрма // Московские ведомости. 1895. № 336.
16. Хроника социалистического движения в России. 1878—1887 гг. М., 1906.

**ГОРОДСКИЕ ВЛАСТИ И ПОЛИЦИЯ
ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ДЕЛЕ
ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОЙ ТОРГОВЛИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

**INVOLVEMENT OF CITY COUNCIL AND
POLICE IN SETTLEMENT OF LOCAL
TRADE IN TOBOLSK GOVERNORATE AT
THE LATE XIX — EARLY XX CENTURY**

Аннотация. В статье исследуется деятельность городских дум и полиции Тобольской губернии по установлению общих правил ведения торговли, устройству рынков и базаров и надзору за торговыми заведениями.

Ключевые слова: городская дума; полиция; торговля; трактирный промысел; ярмарка; Тобольская губерния.

Сведения об авторе: Храмцов Александр Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления и права.

Место работы: Тюменский государственный архитектурно-строительный университет.

Контактная информация: 625001, г. Тюмень, ул. Луначарского, д. 8; тел. (3452) 431339.
E-mail: Khramtsov_ab@bk.ru

Abstract. The article examines activities of the town council and the police in introduction of common trade rules, establishment of markets and fairs and surveillance over trade institutions.

Key words: City Council; police; trade; tavern activities; fair; Tobolsk Governorate.

About the author: Alexander Borisovich Khramtsov, Candidate of History, Associate Professor of the Department for state and municipal management and law.

Place of employment: Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering.

Основным источником жизни населения Сибири являлась торговля: «Здесь, можно сказать, — писал современник, — торгуют все, не исключая чиновников, писцов, учителей: кто на сотни тысяч и миллионы, кто по мелочам» [4. С. 56]. Органы городского самоуправления играли ключевую роль в развитии местной торговли, предоставляя свои земельные участки под ярмарки, базары, торжки, магазины, лавки и витрины, устанавливая общие правила ведения торговли и упорядочивая работу торговых заведений.

В соответствии с Городовыми положениями 1870 и 1892 гг., на городские думы и управы возлагались обязанности по содействию развитию местной торговли и промышленности, устройству рынков и базаров, надзору за правильным производством торговли, организации кредитных учреждений по правилам Устава Кредитного, а также устройству биржевых учреждений. Городской думе предоставлялось право составлять обязательные для жителей постановления по следующим предметам торговой сферы: о внутреннем устройстве ярмарок, рынков и базаров, о времени открытия и закрытия торговых и промышленных заведений в праздничные дни, а также о торговле крепкими напитками. Надзор за производством питейной и иной торговли осуществляла местная полиция на основании Устава о питейном сборе и других узаконений.

Органы городского самоуправления и полицейские структуры входили в разные департаменты системы МВД. Однако их отношения складывались сложно, нередко были конфликты, особенно в первые годы «притирки». Законодатель распространил права и обязанности чинов полиции на все сферы жизни общества, не установив самого главного — пределов власти полиции. Последняя часто вторгалась в компетенцию городского управления. Обширность и расплывчатость задач полиции, отсутствие «единого полицейского устава» проводили к разного рода злоупотреблениям, административному произволу, что не позволяло полицейским сконцентрировать силы и средства на охране общественного порядка. Отсутствие четкого разграничения полномочий между полицией и органами местного самоуправления приводило к частым служебным конфликтам, созданию дополнительных административных барьеров, путанице и дублированию их деятельности. Необходимо было найти оптимальный баланс взаимодействия.

Основополагающими при формировании торговой инфраструктуры сибирских городов стали правила, принятые местными думами. К примеру, уже на втором заседании нового

состава Тюменской городской думы 21 декабря 1872 г. гласные постановили подразделить город на 4 участка, в каждом избрать торгового депутата для ведения надзора за торгово-промышленными заведениями. Для наблюдения за порядком торговли на рынках, в торговых рядах и лавках назначались базарные смотрители. Базарному смотрителю выдавался открытый лист, согласно которому ему поручалось следить за выполнением торговцами обязательных постановлений городской думы. В случае обнаружения нарушений смотритель приглашал полицейского чиновника, которым составлялся акт о наложении на виновника взыскания [2. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 489а. Л. 13; Д. 495. Л. 61 об.; Д. 1045. Л. 36, 53—53 об.].

Основу местной торговли составлял трактирный промысел. К этому промыслу относились «заведения, торгующие кушаньями и крепкими напитками; гостиницы, меблированные комнаты с буфетами и постоялые дворы; съестные и закусочные лавки...». На открытие подобного заведения претенденту необходимо было получить разрешение городской думы, которая оценивала целесообразность заявки, соблюдение требований законодательства, санитарное состояние в помещениях просителя, их месторасположение и др. Управа выдавала торговцу свидетельство о том, что с ее стороны не встречается препятствий на открытие питейного заведения, и сбор с патента в местный бюджет взыскан [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 27—28; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1045. Л. 1; Д. 527. Л. 149—149 об.]. При этом городские власти неоднократно принимали решения о запрете отдельным лицам вести торговую деятельность.

Сумма сбора в бюджет делилась пропорционально числу трактирных заведений. По ст. 41 Положения о трактирном промысле собрания владельцев для производства раскладок или выбора членов в раскладочные комиссии проходили под председательством одного из членов управы. Например, постановлением Тюменской городской думы от 16 октября 1901 г. определен общий порядок разделения заведений трактирного промысла на группы, способ распределения между отдельными заведениями акциза и его размер: для заведений, торгующих крепкими напитками, — до 1 июля будущего года; заведений производящих предметы этой торговли, — на весь год [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 280—280 об.].

Городские думы четко устанавливали количество трактирных заведений в городе. К примеру, постановлением думы Тюмени от 20 октября 1885 г. разрешалось открытие 40 трактиров и 10 ренсковых погребов. В Кургане в 1895 г. действовало 8 ренсковых погребов с оборотом 27 510 руб.; 4 винных склада — 72 тыс. руб.; 12 питейных заведений — 10 тыс. руб. В расписании на 1885 г., утвержденном Туринской городской думой 5 декабря 1884 г., в городе значилось 22 питейных заведения [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—1 об.; 7. 1885. № 1; 1. С. 45].

Гласными городского собрания был принят специальный документ — расписание местностей, изъятых из торговли спиртными напитками, в котором указывались районы города, где промысел полностью или частично запрещался [2. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 495. Л. 176—177; Д. 501. Л. 117—117 об; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 159—160.]. Например, постановлением Тобольской городской думы от 4 декабря 1882 г. было утверждено расписание местностей города, в которых не допускается открытие питейных заведений: 37 мест, в том числе 6 в нагорной части города и 31 в подгорной [7. 1883. № 2. С. 4]. В 1892 г. тюменские гласные приняли обязательное постановление, по которому на главной улице Царской разрешалось содержать только буфеты при клубах и меблированных комнатах. Другие питейные заведения на этой улице и прилегающих к ней переулках открывать «не дозволялось» [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3. Л. 20]. Подобные правила действовали и в других городах региона [7. 1893. № 43. С. 4—5].

Для производства торговли местные власти устраивали базары, торговые площади, торговые ряды, каменные и деревянные лавки и пр. Причем городская инфраструктура была достаточно разветвленной и приспособленной для всех форм торговли: ярмарочной, магазинной, оптовой, экспортной, розничной, стационарной, выносной и пр. Самую развитую

торговую инфраструктуру среди городов региона имели Тюмень, Тобольск и Курган (см. табл. 1). К примеру, в Тюмени для ведения торговли в середине XIX в. был выстроен большой каменный гостиный двор с 122 лавками. В начале XX в. городу принадлежали 4 каменных корпуса с 15 лавками и 50 деревянных корпусов с 245 лавками. Кроме того, 8 июня 1901 г. местная управа приняла решение об устройстве рыбного рынка [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 38. Л. 178—180 об.].

Полиции предписывалось взаимодействовать с городской думой и управой, договариваться, искать компромисс, согласовывать вводимые меры. Например, городские власти и полиция вместе решали вопросы организации и проведения ярмарок. В частности, тюменская ярмарка проводилась ежегодно с 20 июня по 5 июля. Во время ярмарки штат местной полицейской команды увеличивался на 8 стражников. За службу во время ярмарки городские получали дополнительное пособие. Кроме того, чины полиции и члены управы «по должности» входили в различные городские комиссии и комитеты [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 50. Л. 380—380 об.].

Таблица 1

Торговая инфраструктура городов Сибири, 1909 г. [5. С. 202—206; 6. С. 26—27]

Город	Ярмарки		Гостиницы/ постоялые дворы	Трактиры/ винные склады	Магазины и лавки			
	Время проведения	Оборот, руб.			винные	пивные	чайные	торговые
Тобольск	—	—	3 / 40	— / 1	4	22	9	248
Тюмень	5 июня — 20 июля	17904511	3 / 63	2 / 1	8	65	1	365
Березов	—	—	— / —	— / —	1	—	—	9
Ишим	27 ноября — 15 декабря	3948200	— / —	— / 1	3	3	—	70
Курган	5—8 марта, 10—17 июня, 15—22 октября, 14—24 декабря	730935	5 / 8	1 / 1	7	28	2	605
Сургут	—	—	— / —	— / —	1	—	1	10
Тара	21—25 ноября	27000	— / 15	— / 1	4	10	—	81
Туринск	26 июня — 2 июля	70460	1 / —	1 / —	2	4	—	25
Тюкалинск	16—20 июня, 25—28 сентября, 8—11 ноября	645000	— / 3	1 / —	2	1	—	33
Ялуторовск	23—27 марта, 1—6 декабря	289120	— / —	— / —	4	4	—	26
Всего	13	23615226	12 / 129	5 / 5	36	137	13	1472

Городские лавки и торговые палатки сдавались в аренду и облагались сбором в доход города. Причем ставка сбора варьировалась в зависимости от расположения лавки (базар, площадь, гостиный двор, центр города или окраина), а также от того, каменная она или деревянная. В Тюмени, в 1885 г. на хлебной площади размещалось 85 городских лавок, 106 палаток-поташек и 7 лавок частных лиц [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 211. Л. 13—18]. Кроме того, лавки расценивались в зависимости от рода товаров. Так, аренда мануфактурных лавок была дороже бакалейных, а кожевенных дороже лавок с розничным товаром. В Таре самая высокая плата за подобные торговые помещения достигала 6 руб., самая низкая — 1 руб. На апрель 1913 г. в Тюмени было 115 обыкновенных пивных лавок с распивочной и выносной торговлей.

В будничной жизни горожан большое значение имел базар. В частности, Курганская городская дума в 1877 г. приняла постановление о введении обязательной покупки и продажи на базарной площади разного рода зернового хлеба, круп и овса не на меру и пудовки, а только на вес. Местный базар, как и торговые ряды, делился на верхний и нижний.

Там были выстроены и постоянные лавки, и деревянные открытые ряды, но не каждый торговец мог арендовать их. О том, какая царила грязь, антисанитария на базаре, не раз отмечалось в газетах: «...На нижнем базаре пряничные ряды тонут в навозной жиже, торговки хлебом надо перевести на другое, более опрятное место..., в рыбных рядах рыба раскладывается прямо на навозной земле, весы грязные, сам торговец в грязной, пропитанной запахом гнилой рыбы, шубе. Здесь же, рядом с рыбой, на запачканной тряпице вы можете встретить разложенные гусиные потрохи, соленые огурцы и всякую всячину. Мясные ряды требуют немедленного улучшения: крестьяне за неимением лавок, привозимое в тушах мясо, если оно мерзлое, ставят в козлы, а талое размещают на земле, вместе с грязными брюшинами. Это нижний базар. На верхнем же базаре немного лучше: там около каменных лавок ряды баб раскладывают перед собой свои товары при таких же условиях...» [7. 1877. № 12; 1894. № 47].

Курганские власти принялись улучшать санитарную обстановку: вести подсыпку грунта на базарных площадях, строить прилавки, следить за чистотой. В 1906 г. на нижней базарной площади существовали ряды: хлебный, мучной, мясной, рыбный, бакалейный, пельменный, гончарный, кожевенный, пряничный, мочальный, булочный, железный, цепной, отдельное место было отведено под толкучку.

Городские думы устанавливали общие правила торговли, которые должны были выполнять все предприниматели, осуществлявшие данную деятельность на территории города. Более того, местные власти боролись с монополистами и скупщиками, устанавливая ограничения на скупку товаров в определенные дни недели и часы. К примеру, Тюкалинская городская дума в 1893 г. приняла постановление «О воспрещении просолам скупать хлебные продукты» [7. 1893. № 3. С. 6]. Обязательное постановление «О порядке торговли в праздничные дни» в Кургане от 4 октября 1882 г. состояло из четырех пунктов:

«1. Воспрещается производство торговли на базарах, в магазинах и лавках при домах по воскресным дням и в двенадцатые праздники с 5 ч. утра до 9 ч. вечера, а в высокочоржественные дни с 5 ч. утра до 12 ч. дня.

2. Торговля в кондитерских и булочных печеным хлебом, а также торговля овсом и сеном производится во всякое время дня, без всякого ограничения.

3. Торговля исключительно мясом и рыбою производится в воскресные и праздничные дни до 9 ч. утра.

4. В воскресные и праздничные дни из всех питейных заведений раздробительная продажа крепких напитков должна быть производима с 12 ч. дня, а до этого времени питейные заведения обязательно должны быть закрыты» [3. С. 21—211].

Тюменская городская дума 11 июля 1881 г. приняла обязательное постановление «О распорядке торговли на базарах, в торговых и промышленных заведениях», по которому «продажа рыбы, овощей, ягод и других съестных продуктов производится или в построенных городом лавках или же на отводимых городской управою местах. Не воспрещается означенными предметами производить торговлю с возов, раскладывать же их на земле, хотя бы с постилкою рогож и т.п. воспрещается». Лавки для продажи должны быть постоянно чистыми; продаваемые с них продукты прикрыты чистыми холщовыми скатертями или полотном [3. С. 169].

В случае, если базарный день выпадал на высокочоржественный или праздничный день, ограничений для торговли не вводилось. Также не существовало ограничений во время ярмарок. Однако не уплатившие в доход города сбор за место, приглашались городской управою заплатить таковой немедленно, при неуплате же они удалялись с торговой площади силами полиции. По постановлению думы «О распорядке торговли на базарных площадях г. Тюмени» от 24 февраля 1914 г. «во всех лавках и балаганах должны быть прибиты на видных местах как торговые свидетельства, так и квитанции Городской Управы в уплате городских сборов. Лица же, торгующие с телег, ларей, коробов, столов, лотков

и проч., должны предъявлять квитанции об уплате сбора в доход города базарному смотрителю по первому требованию последнего». Исключение составляли только сельские торговцы: «сельские обыватели, привозящие на городские площади или другие определенные места хлеб и иные съестные припасы, а равно и всякие сельскохозяйственные произведения вообще сбору в доход города не подлежат» [2. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1045. Л. 19—19а; 194—195].

Нормативная база по организации торговли периодически пересматривалась, дополнялась и изменялась. Так, последнее обязательное постановление Тюменской городской думы «Об устройстве заведений трактирного промысла» тобольский губернатор утвердил 10/18 июля 1913 г. со вступлением в силу с 1 января 1914 г. Помимо общих правил принимались узкоспециальные документы, в частности, местная дума 18 октября 1907 г. рассмотрела проекты обязательных постановлений «Об устройстве пивных лавок» и «Об устройстве пивных складов», которые было решено представить на утверждение начальника губернии. Кроме требований к внутреннему устройству питейных заведений, местные думы призывали соблюдать морально-этические нормы: «не дозволяется иметь в потερных и пивных лавках женской прислуги, приказчиц и детей моложе 15 лет, а также воспрещается на усадебном месте, где находится потерная или пивная, допускать проживание проститутки» [2. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 536. Л. 98—99 об.; Д. 530. Л. 23]. Однако зачастую эти правила нарушались. В 1896 г. один из жителей утверждал, что кабак в Тюмени находился даже около сиропитательного заведения, и дети нередко становились свидетелями пьяных драк, нецензурных слов и выражений [8. С. 113].

Городские управы периодически проводили торги на отдачу в аренду объектов муниципальной собственности. К примеру, на годичный срок арендовалось принадлежавшее городу Тюмени озеро «Круглое» близ деревни Мыс. Также городская власть выступала своеобразным «третейским судьей», разрешая конфликтные ситуации между частными предпринимателями. 20 декабря 1899 г. торговцы хлебобазарной площади обратились в Тюменскую городскую управу с заявлением о том, что вопреки их желанию и интересам торговли «торговцы в числе 6 человек, избрали себе место отдельно от них, тем и подрывают их торговлю, просят соединить их всех в один ряд и уравновесить этим их торговые выгоды». Управа пригласила все конфликтующие стороны в здание думы на переговоры. Урегулировать конфликт не удалось, поскольку на переговоры явились только трое участников [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 584. Л. 2; Д. 37. Л. 78—79].

Кроме того, «отцы города» для ведения оптовой торговли устраивали склады: «Нет в Кургане, — писали губернские ведомости, — более всего желательного — склада земледельческих орудий и семян, в чем мы ощущаем существенную потребность, ибо шведский плужок (козулька), сеялка со смычком, железные бороны и другие несложные орудия имели бы здесь большой сбыт для замены неуклюжих допотопных сох, утомляющих и пахаря, и лошадь. Из семян же турнепс, тимофеевка, клевер, вика, чечевица и разные огородные овощи могли бы рассчитывать на такой же сбыт» [7. 1894. № 5. С. 3]. Склады закупали продукцию без посредников, что обходилось гораздо дешевле. Так, в Кургане был учрежден губернский склад книг и письменных принадлежностей для снабжения сельских начальных училищ (1899 г.). С его открытием школьные библиотеки стали пополняться учебниками, книгами для чтения, учебными пособиями, журналами и пр. Однако самыми популярными среди населения были казенные винные склады. С 1 июля 1902 г. продажа спирта, вина и водочных изделий в Тобольской губернии состояла в исключительном праве казны.

Полиция часто вводила административные барьеры в сфере торговли, чем возмущала городскую власть и торговцев. Например, в Тюмени торговцы с лотков обратились в управу ввиду того, что полицейские запрещают им вести продажу в праздничные дни, ссылаясь на обязательное постановление думы об обеспечении нормального отдыха служащих.

Управа неоднократно разъясняла приставам, что это постановление касается торговли из постоянных помещений и не распространяется на торговлю в разнос. 11 декабря 1912 г. поступило заявление от домовладельцев-торговцев в связи с тем, что распоряжением полиции был запрещен въезд на Царскую улицу крестьянам «на дворнях» как с грузом, так и пустопорожним, которые являлись покупателями в магазинах заявителей, ввиду чего последние терпели большие убытки. Управа пришла в замешательство, не понимая, на основании каких законоположений полиция сделала такое распоряжение, и просила исправника о незамедлительной его отмене [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 580. Л. 213—214, 217]. Очевидно, что недопонимание полицейскими требований нормативных актов свидетельствует о низком уровне их грамотности.

Несмотря на критику в свой адрес, полиция не бездействовала, продолжала выполнять организационно-надзорные функции в сфере торговли. Полицейскому и городскому управлениям удавалось сосуществовать и находить способы взаимодействия. Городские управы препровождали чинам полиции списки неплательщиков для взимания с них недоимок. Приставы по специальным спискам взыскивали недоимки по местным сборам с владельцев собак, лошадей и экипажей, представляли в управу взысканные деньги трактирного сбора за постоянные дворы. К сожалению, неплательщиков по сборам из года в год не становилось меньше, о чем, например, свидетельствует доставленный Тюменской городской управой в окружное полицейское управление реестр лиц, за которыми числятся недоимки в доход города за земли под торговыми лавками, включавший 193-х торговцев. Кроме того, полиция участвовала в работах по межеванию, ревизии объектов городской инфраструктуры, препровождала сельским волостным правлениям различные документы, в частности, объявления о проводимых городскими управами торгах [2. Ф. И-146. Оп. 1. Д. 13а. Л. 1; Д. 8. Л. 1—1 об.; Д. 7. Л. 1; Д. 7а. Л. 5—5 об.].

С помощью полиции городские власти закрывали незаконные торговые точки. В частности, 16 февраля 1900 г. Тюменская городская управа обратилась в полицию с требованием о немедленном закрытии заведений трактирного промысла, открытых лицами без разрешения думы [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 37. Л. 63—63 об.]. Кроме того, полиция наблюдала за порядком на местных рынках, за «скудностью в съестных припасах, худобой или дороговизной», свежестью и чистотой продаваемых продуктов. Например, исправник 12 июля 1915 г. заявил управе о торговле на пристани съестными припасами по завышенным ценам. По его данным, продукты накрывались грязными тряпками, а «стаканы грязные и невытые» [2. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 6. Л. 97—97 об.].

В результате развития различных форм торговли в начале XX в. в большинстве городов Тобольской губернии в основном сформировалась торговая инфраструктура, а обороты некоторых городов (Тюмени и Кургана) накануне Первой мировой войны достигали нескольких миллионов рублей. На 1907 г. торговый оборот Кургана составил 5,5 млн. руб., из них более 1 млн. приносила торговля маслом, 800 тыс. — хлебом.

С началом войны на городскую власть и полицию легли дополнительные обязанности по мобилизации запасных войск, размещению беженцев, регулированию торговли и борьбе со спекуляцией, что потребовало от них оперативных и согласованных действий. Так, срочным предписанием от 17 июля 1914 г. исправник поручил приставам Тюмени закрыть все места торговли алкоголем. Продажа допускалась только в клубах и ресторанах первого разряда. С июля по декабрь в городе было закрыто более 130 заведений продажи крепких напитков, виноградного вина и пива [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 551. Л. 4; Д. 321. Л. 54].

Острая ситуация на местном рынке выдвинула задачу регулирования торговли и обеспечения продовольствием со стороны органов государственной власти и городского самоуправления. Министр внутренних дел срочным циркуляром от 31 июля 1914 г. предписывал губернаторам озаботиться изданием обязательных постановлений, устанавливающих цены на предметы первой необходимости. Тобольский губернатор отношением от 5 мая 1915 г.

объявил городским головам и старостам о необходимости нормирования цен на продукты и другие товары. Так, в 1915—1916 гг. на целый ряд товаров в городах региона были введены нормированные цены, в частности, на хлеб, мясо и сапоги. Общая хозяйственная разруха и расстройство транспортных путей сообщения способствовали стремительному вздорожанию привозимых товаров: цены на сахар, табак, мыло увеличились в 2 раза, на соль — в 3 раза [2. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1047. Л. 4]. Периодически из свободной продажи исчезали сахар, крупы, мыло, керосин, сальные и стеариновые свечи и спирт [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 331. Л. 744; Р-180. Оп. 1. Д. 16. Л. 336 об.]. Цена на зерно на потребительском рынке с 1914 по 1917 гг. выросла почти в 4 раза. В Ялуторовске цена на мясо 2 сорта в 1917 г. взлетела до 32 руб. за пуд (т.е. в 7 раз), ржаной муки до 8 руб. за пуд (в 8 раз) [2. Ф. И-190. Оп. 1. Д. 17. Л. 5].

В связи с дороговизной и перебоями с продуктами питания местные управы и полиция начали проводить совместные рейды по торговым точкам и складам промышленников в поисках продовольствия. В частности, тюменский исправник 4 октября 1915 г. рапортовал губернатору о том, что в магазинах города крайне незначительные запасы сахара. Отпуск сахара торговцам производится в небольшом количестве от 2-х до 5-ти фунтов. По этой причине большинство лиц, располагающих средствами, опасаясь совершенно остаться без сахара, стараются запастись им из разных лавок через членов своих семейств, и возможно, что при этих условиях запас сахара будет раскуплен [2. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 326. Л. 21—21 об.]. Ялуторовская городская управа докладывала уездному комиссару, что никаких складов и магазинов с продовольственными запасами в городе нет [2. Ф. И-190. Оп. 1. Д. 17. Л. 129].

Таким образом, деятельность городских властей и полиции способствовала развитию различных форм торговли. Можно утверждать, что наиболее высокого уровня согласованности процесс взаимодействия городских и полицейских управлений в сфере торговли был достигнут в начале XX в., когда в городах региона в основном сложилась торговая инфраструктура, были приняты правила по устройству базаров и рынков, проведению ярмарок, надзору за деятельностью торгово-промышленных заведений. В годы войны и социально-политических потрясений благодаря совместным мерам ситуация на потребительском рынке Тобольской губернии не была столь критичной, как в других регионах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь и справочная книжка торгово-промышленных фирм Кургана и его уезда Тобольской губернии. 1909 г. Курган, 1909.
2. Государственный архив Тюменской области.
3. Календарь Тобольской губернии на 1890 г. Тобольск, 1889.
4. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. М., 2006.
5. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 г. Тобольск, 1909.
6. Список населенных мест Тобольской губернии. Тобольск, 1912.
7. Тобольские губернские ведомости.
8. Шишкина С.Ю. Между молотом и наковальней: роль городского самоуправления Тюмени в регулировании питейной торговли во второй половине XIX в. // Сибирский исторический журнал. Тюмень, 2008.

**ПОЛИТИКА СОВЕТСКИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ
ОРГАНОВ В ОТНОШЕНИИ СЕЛЬСКИХ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ
ПОЛОВИНЕ 1919 — НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ****POLICY OF AGRICULTURE AUTHORITIES
IN SOVIET UNION TOWARDS RURAL
ENTREPRENEURS OF THE WESTERN
SIBERIA IN THE SECOND HALF
OF 1919 — BEGINNING OF 1920**

Аннотация. В данной статье на основе архивных и опубликованных источников рассматривается аграрная политика советских земельных органов во второй половине 1919 — начале 1920-х гг. Анализу подвергается проблема взаимодействия власти и сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири, принципы выстраивания взаимоотношений между ними.

Ключевые слова: сельское хозяйство; сибирская деревня; аграрная политика; сельские предприниматели; частновладельческие земли.

Сведения об авторе: Кротт Иван Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории.

Место работы: Омский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 644043, г. Омск, набережная Тухачевского, д. 14; тел. (3812) 233781.
E-mail: ivkrott@mail.ru

Abstract. The article, based on the archival and published sources, considers the agrarian policy of the Soviet agricultural bodies in second half of 1919 — beginning of 1920. The author analyses interaction between authorities and Western Siberia's agricultural businesses, alongside principles of their relationship building.

Key words: agriculture; Siberian village; agricultural policy; rural entrepreneurs; private lands.

About the author: Ivan Ivanovich Krott, Candidate of History, Associate Professor of the Department of History of Russia.

Place of employment: Omsk State Pedagogical University.

Во второй половине 1919 г. в связи с установлением советской власти в Западной Сибири руководство регионом было возложено на Сибирский революционный комитет. Чрезвычайный орган советской власти, созданный в соответствии с декретом ВЦИК от 27 августа 1919 г., свою деятельность начал 18 сентября в Челябинске [23. С. 28—29]. В дальнейшем Сибревком перемещался на восток страны вместе с частями Красной армии. С ноября 1919 г. он находился в Омске, а с июня 1921 г. административным центром Сибири и местом постоянного пребывания Сибревкома становится г. Новониколаевск. На Сибревком возлагалась задача поддержания революционного порядка и восстановления хозяйственной деятельности в регионе [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 2а. Л. 2—2 об.].

Аграрная политика советской власти в этот период была несколько скорректирована. В обращении ВЦИК и Совнаркома к рабочим и сельскому населению Сибири, опубликованном 16 августа 1919 г., объявлялось о дополнительном наделении всех категорий сибирского крестьянства и казачества национализированной землей, находившейся ранее во владении казны, Кабинета, войскового запаса, казачьего офицерства и чиновничества. При этом ограничивать землепользование хозяйств, основанных только на личном труде, категорически запрещалось [17. С. 67].

Согласно Положению ВЦИК «О земле, о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», принятому 14 февраля 1919 г., вся земля, в чем бы пользовании она ни находилась, считалась единым государственным фондом. Все нетрудовые хозяйства подлежали национализации, так как закон провозглашал приоритет коллективных форм землепользования над единоличными. При этом выделялись земельные угодья, которые не подлежали переделу между крестьянским населением [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 12. Л. 26].

Новая власть предполагала создать советские хозяйства, которые, с одной стороны, являлись бы «крупными социалистическими экономиями» по производству и переработке

сельскохозяйственной продукции, а с другой стороны, выполняли бы роль «культурно-агрономических центров» [16. С. 19]. Под советские хозяйства отводились, во-первых, имения с рациональными хозяйствами и ценными многолетними культурами, во-вторых, имения с развитыми специальными отраслями животноводства и сложным техническим оборудованием [10. С. 4].

Наряду с совхозами аграрное законодательство предусматривало создание сельскохозяйственных коммун «с целью ведения хозяйства на коммунистических началах в области производства и распределения». Коммуны могли наделяться инвентарем бывших частновладельческих имений, если он не мог быть использован в ближайших советских хозяйствах [10. С. 7].

Следует отметить, что ВЦИК потребовал от Наркомзема и его местных органов оказывать всяческое содействие совхозам, сельскохозяйственным коммунам, трудовым артелям и другим производственным объединениям, перешедшим к общественной обработке земли [8. С. 30, 371—374]. Но эти задачи в разных районах страны осуществлялись с учетом социально-экономической и политической обстановки на местах.

В Сибири, где частное землевладение не получило широкого распространения, в конце 1919 — начале 1920 гг. обобществленным формам ведения сельского хозяйства по сравнению с единоличными отводилось подчиненное место [13. С. 4—6]. Более того, среди руководителей земельных органов региона развернулась дискуссия о соотношении индивидуальных и коллективных форм развития сельского хозяйства. В итоге в марте 1920 г. пришли к выводу, что создание совхозов и других социалистических форм земледелия в Сибири допустимо только в качестве показательных мер для крестьян [28. С. 83].

В соответствии с воззванием Сибревкома от 2 декабря 1919 г. и постановлением от 10 марта 1920 г. казенные, кабинетские, казачьи, офицерские, частновладельческие и монастырские земли переходили в распоряжение государства и могли передаваться в пользование нуждающимся крестьянам. Любые надельные земли в пределах трудовых норм считались неприкосновенными. Надельные малоземельных и безземельных по трудовой норме осуществлялось за счет наиболее крупных хозяйств и свободных казенных земель, не представлявших государственной ценности. Причем земли, арендованные крестьянами в прошлом для расширения своих хозяйств, временно сохранялись в их пользовании до проведения землеустройства. Конфискации подвергались «нетрудовая» аренда и хозяйства, основанные преимущественно на наемном труде. Изъятые земли старались передавать в пользование нарождающимся государственным и коллективным хозяйствам. Кроме того, запрещалась купля-продажа земли [13. С. 3—6; 27. С. 17].

По мнению современных исследователей, земельная политика Сибревкома встретила определенное противодействие со стороны местных советских органов. «В результате в одних местах директивы Сибревкома реализовывались и проводился курс на максимальное расширение посевных площадей, в других — на жесткое ограничение крупных хозяйств, в том числе и крестьянских» [1. С. 71].

Сибревком по отношению к сельским предпринимательским хозяйствам региона продолжил политику, направленную на их национализацию. Но, как указывает П.П.Вибе, вопрос о размерах таких хозяйств не был четко определен земельными органами. Поэтому к ним относили не только предпринимательские хозяйства, имевшие несколько тысяч десятин земли, большое количество скота и инвентаря, широко применявшие наемный труд, но и относительно средние по сибирским масштабам фермерские хозяйства, имевшие несколько сотен десятин земли, где владельцы зачастую лично принимали участие в производственном процессе [5. С. 168].

Несмотря на это Сибревком имел четкие ориентиры своей деятельности в этом направлении на ближайшую перспективу. В соответствии с действующим аграрным законодательством предполагалось образовать «из бесполезных и часто вредных для деревни хозяйств

деревенской буржуазии и кулачества школы трудового хозяйства» [21. С. 79]. По мнению Сибревкома, в бывших предпринимательских хозяйствах должны быть созданы доступные для трудового населения питомники племенного скота, склады общественных машин, рассадники улучшенных семян, школы обработки земли, кузницы и мастерские. Данные программные установки и предопределили судьбу сельскохозяйственного предпринимательства в Сибири.

В конце 1919 — начале 1920 гг. земельные органы Западной Сибири приступили к учету и обследованию частновладельческих имений, а также культурных и показательных хозяйств, принадлежавших казне и различным общественным учреждениям [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 50]. Перед специалистами, отправляемыми на места для выполнения данного задания, были поставлены следующие задачи: создать рабочие комитеты и администрацию по управлению хозяйствами, произвести подробный учет живого и мертвого инвентаря, технических заведений, собрать сведения по эксплуатации хозяйств в предыдущий период, а также составить подробный список имеющихся в хозяйствах наемных рабочих и служащих [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 293. Л. 107—107 об.].

Значительная часть предпринимательских хозяйств, имевших нетрудовой характер или важное в культурном отношении значение, была национализирована и использована для создания совхозов. К весне 1920 г. в Омской губернии было обследовано и взято на учет 257 крупных частновладельческих участков общей площадью 350 тыс. дес. Но из них были национализированы только 139 хозяйств, так как остальные являлись трудовыми или полутрудовыми и не подвергались действию аграрного законодательства [28. С. 83]. На базе 75 национализированных предпринимательских хозяйств, в основном Омского и Петропавловского уездов, было создано 50 совхозов, что составляло 41% от числа советских хозяйств всей Сибири [14. С. 85]. Из крупных сельских предпринимательских хозяйств, на основе которых были образованы совхозы, можно выделить хозяйства И.М.Карзина, Т.Т.Подковырова, Ф.Ф.Штумпфа, И.Ф.Лобачева, А.И.Даниленко, Г.И. и Я.И.Шварцев, Я.И.Романенко, Е.М.Красюкова, А.П.Бодылевского, В.Р.Штейнгеля, И.С.Зайцева, И.С.Леженкина, П.Н. и Д.Н.Николенко, Т.Д.Левашова, И.С.Цыбульского, Г.П. и Д.П.Шевченко и др. [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 2—3, 54 об.— 55; Д. 642. Л. 1—1 об.; Д. 659. Л. 17—20 об., 23—26, 31, 35, 41, 45—46, 54—57 об., 59—60 об., 62, 66, 71—73, 76—78 об.; Д. 685. Л. 7; Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 215. Л. 122 об.— 124].

В Томской губернии на ноябрь 1920 г. числилось 13 совхозов, под которые были отведены свободные и частновладельческие земли, а также земельные угодья, принадлежавшие казне и общественным учреждениям [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184. Л. 151; Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 89. Л. 2—3 об.]. Из них только 4 совхоза были организованы на основе предпринимательских хозяйств Г.И.Фуксмана, Горохова, Чернышева, Диденко [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 101. Л. 2, 16—16 об.]. Отметим, что общей характерной чертой национализированных частновладельческих хозяйств Томской губернии было то, что они носили «любительский характер», так как «представляли из себя по преимуществу дачные места, при которых и было небольшого размера сельское хозяйство» [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 233. Л. 14]. Из всех частных хозяйств, учтенных в данной местности, по своей организации и значению выделялось имение Г.И.Фуксмана, где содержался племенной скот различных пород и был рассадник домашней птицы [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184. Л. 165 об.].

В кратком отчете о деятельности Сибирского земельного отдела в 1920 г. указывалось, что «вначале организация совхозов сводилась лишь к простому переименованию бывших частновладельческих имений в совхозы без внесения каких-либо существенных изменений в постановку хозяйства» и даже без смены существовавшего административного аппарата [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 184. Л. 71].

Однако с началом полевых работ, когда выяснилось, что из-за недостатка рабочих рук, семенного зерна, необходимого сельскохозяйственного оборудования и инвентаря организовать

хозяйственную деятельность всех совхозов не удастся, часть из них ликвидировали, передав землю, постройки, скот и инвентарь для создания колхозов или возвратив прежним владельцам. В результате, по данным В.И.Шишкина, например, количество совхозов в Омской губернии сократилось до 41 к августу и до 36 к ноябрю 1920 г. [28. С. 84].

Обследование бывших предпринимательских хозяйств выявило безрадостную картину. Пройдя через потрясения революции и Гражданской войны, многие имения утратили часть своего имущества, а некоторые представляли собой жалкие остатки бывшего экономического процветания. В хозяйстве Е.М.Красюкова в 1912 г. имелось 750 дес. посева, 240 голов крупного рогатого скота, 300 лошадей и 26 верблюдов; при национализации имущества в хозяйстве было 160 дес. посева, 37 голов скота, 10 лошадей, 10 верблюдов [12. С. 82—86; 7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 735. Л. 15 об., 18—18 об.]. На момент национализации в другом, ранее хорошо известном в Западной Сибири хозяйстве братьев Г.И. и Я.И.Шварц имелось 1 200 дес. пашни, 8 лошадей, 8 волов, 16 голов рогатого скота. Была конфискована и гордость Шварцев — трактор «Румель» [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 811. Л. 2—3, Д. 719. Л. 47, 153].

Более всего пострадали хозяйства, расположенные в непосредственной близости к Транссибирской железнодорожной магистрали, так как отступавшие колчаковские войска «угоняли за собой скот, расхищали имущество, особенно упряжной инвентарь и корма», а наступавшая Красная армия «вынуждена была из этих же хозяйств черпать свое продовольствие и фураж». Уполномоченные Омского губземотдела по итогам обследования в начале 1920 г. докладывали, что «все частновладельческие хозяйства сильно пострадали при отступлении белых: произведен их полный разгром, некоторые имения превращены в пепел. Почти изо всех хозяйств уведены лошади, угнан скот, почти полностью уничтожено тонкорунное овцеводство» [2. С. 29]. В предпринимательском хозяйстве Я.И.Ремпенинга было угнано около 40 чистокровных племенных лошадей, а взамен оставлено 20 «никуда не годных лошадей». Военные зарезали до 80 племенных овец, всех поросят и всю птицу. Был расхищен фураж, инвентарь, продукты питания. Причем в отчете уполномоченного С.Д.Лебедева особо отмечалось, что соседние селения в расхищении имения участия не принимали [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 746. Л. 26—26а].

В ноябре 1919 г. серьезный ущерб понесло хозяйство Ф.Ф.Штумпфа. При отступлении белых, с которыми ушел и владелец, имение было сильно разграблено местным населением. Сразу после восстановления советской власти агентами губернской продовольственной комиссии в хозяйстве был произведен массовый убой оставшегося скота. Расхищение имущества Ф.Ф.Штумпфа, в том числе и личных вещей, продолжалось и в начале 1920 г., хотя в то время жалкие остатки бывшего образцового сельскохозяйственного предприятия имели уже статус советского хозяйства [5. С. 169].

Хозяйству В.Р.Штейнгеля был нанесен незначительный ущерб, военные реквизировали только 29 рабочих лошадей и вывезли библиотеку, состоявшую из 500 книг по животноводству, ветеринарии и агрономии. Но общее положение в хозяйстве было очень сложным. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в ноябре 1919 г. на его территории было много больных тифом белогвардейцев и австрийских военнопленных, наблюдался захват со стороны местного населения лесных дач [20. С. 157—158].

Революционная неразбериха и военные действия сказались и на состоянии предпринимательских хозяйств Томской губернии. В отчете Томского губернского управления совхозами говорится, что принятые им национализированные хозяйства «находились в состоянии полного разорения: все ценное имущество было распродано или увезено бывшими владельцами и отступающей белой армией, корма, продовольствие и инвентарь расхищены, постройки приведены в негодность... большинство хозяйств не имели ни лошадей, ни сбруи, ни машин, ни фуража, ни рабочих рук» [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 83. Л. 66].

В материалах по обследованию и учету бывших частновладельческих хозяйств имеются свидетельства того, что некоторые сельские предприниматели в силу тех или иных

обстоятельств уезжали вместе с отступавшими войсками далее на восток страны, а некоторые погибли в эти смутные годы Гражданской войны. Известно, что оставили свои предпринимательские хозяйства братья Г.П. и Д.П.Шевченко, Г.Г.Попов, Н.П.Ковалев, М.Т.Чернов, Д.С.Горбунов, П.Грушин, а Л.И.Коптелов и Власов были убиты местным населением, братья С.В. и Г.В.Бартель — расстреляны [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 724. Л. 1, Д. 733. Л. 26, Д. 749. Л. 14, Д. 765. Л. 13, 16—16 об., 21. Д. 774. Л. 44—45, Д. 796. Л. 4 об., Д. 1761. Л. 10 об.; 25. С. 120]. М.А.Дедерер в ноябре 1919 г. умер от эпидемии [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 293. Л. 137—138.]. Кроме того, В.А.Польгов, Н.Н.Оанч, братья Ф.К. и В.К.Розвезевы, братья И.А. и А.А.Романтеевы и др. были арестованы в конце 1919 — начале 1920 гг. за контрреволюционную деятельность [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 793. Л. 22—22 об., Д. 795. Л. 2—2 об., Д. 800. Л. 1—2, Д. 802. Л. 1—2].

Национализации и преобразованию в совхозы были подвергнуты и средние по масштабам фермерские хозяйства Западной Сибири, которые в основном принадлежали немцам. Как правило, такие хозяйства были образованы путем покупки в частную собственность небольших по площади земельных участков и «по своей конструкции носили капиталистический характер» [6. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 51]. Так, уполномоченный Омского губернского управления советских хозяйств Калачев в декабре 1919 г. взял на учет хозяйства Р.Г.Шпехта (600 дес.), Г.Ф.Янцена (562 дес.), И.Ф.Матиса (337 дес.) и С.Дика (457 дес.). В своей хозяйственной деятельности владельцы пока еще были свободны, но обязаны «все продукты хозяйства сдавать в губпродком, получая квитанции» [4. С. 260—261].

Отметим, что при национализации хозяйств происходила конфискация имущества. Данная мера осуществлялась в соответствии с Временной инструкцией переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли, где был очень четко прописан ее механизм. Определенную ценность представлял сельскохозяйственный инвентарь, которым многие предпринимательские хозяйства были хорошо оснащены, породистый скот и лошади, а также предприятия и оборудование для переработки сельскохозяйственной продукции, поэтому им в инструкции и уделялось основное внимание. Так, все промышленные предприятия, связанные с сельским хозяйством, переходили в ведение волостных, уездных, областных и федеральных Советов. Весь живой и мертвый инвентарь отчужденных имений поступал в ведение земельных отделов волостных Советов, а семенной материал распределялся между нуждавшимся земледельческим населением [7. Ф. Р-1111. Оп. 1. Д. 7. Л. 17—17 об.]. При этом никаких денежных компенсаций, расчетов с их прежними владельцами, то есть сельскими предпринимателями, не предусматривалось и не производилось [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 293. Л. 156].

Кроме того, документы свидетельствуют о том, что местное сельское население в массовом порядке укрывало у себя разнообразное имущество (племенной скот, сельскохозяйственное оборудование и инвентарь и др.), которое было незаконным образом присвоено в бывших предпринимательских хозяйствах. Сибирская деревня не спешила его возвращать даже под угрозой наказания по законам революционного времени, и все многочисленные призывы советских органов в этом отношении имели отрицательный результат [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 60а. Л. 98, 119, Д. 61. Л. 2—2 об., Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 174, 216.].

В связи с аграрными преобразованиями в сельском хозяйстве Сибири на базе бывших предпринимательских хозяйств возникали не только совхозы, но и другие формы коллективного сельскохозяйственного производства. Для координации деятельности в этом направлении существовали различные специальные органы, но в мае 1920 г. начал функционировать подотдел обобществления Сибземотдела, который и возглавил всю работу по социалистическому преобразованию в крае [28. С. 93]. В его задачу входила регистрация коллективных хозяйств, снабжение их семенами, машинами и другим необходимым инвентарем.

В течение 1920 г. подотделом совхозов и обобществления Омского губземотдела было зарегистрировано 184 сельскохозяйственных объединения, из них 77 коммун, 97 артелей и 10 товариществ. Наибольшее число коллективных хозяйств возникло в зерновых уездах Западной Сибири. Так, на Омский и Славгородский уезды приходилось 81,1% всех коммун, 86,6% артелей и 100% товариществ [16. С. 22—23]. Объясняется это тем, что как раз в обозначенных уездах и были сосредоточены до революции крупные предпринимательские хозяйства.

В Омском уезде в начале 1920 г. артели и коммуны получили в свое распоряжение 36 частновладельческих хозяйств со всем имуществом [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 51, Д. 416. Л. 63]. По подсчетам А.К.Касьяна, в 1920 г. 63,5% всех коммун и 14,2% артелей в Омской губернии были организованы на землях бывших частновладельческих, арендаторских и монастырских хозяйств [15. С. 16]. Так, коммуна «Украинская» была образована на участке, ранее принадлежавшем предпринимателю И.Я.Мамонтову, коммуна «Жизнь» — на землях М.А.Красильникова, коммуна «Сибирский коммунар» получила земли Г.Е.Грязнова [16. С. 137]. Аналогичные объединения возникли и в бывших предпринимательских хозяйствах Д.В.Фурмана, П.А.Липатникова, Н.Я.Смирнова, Г.В.Деркача, Л.Ф.Федорова, П.Букреева, И.Калинина, Высоцкого, Поспеева и др. [26. Ф. 1. Оп. 1. Д. 92. Л. 1—1 об.].

В 1920 г. трудовая артель была создана в бывшем предпринимательском хозяйстве И.П.Зименса. Ее организаторами являлись проживавшие в нем немцы-переселенцы, которые прибыли в Сибирь в период Первой мировой войны. Артельщики были обязаны сдавать «все излишки продуктов и кормов губпродукту по твердым ценам». Из имевшихся 160 дес. пашни они должны были произвести посев на 120 дес., а остальную землю вспахать не менее трех раз за лето. По окончании сельскохозяйственных работ весь инвентарь и скот следовало вернуть подотделу губернского управления совхозами, причем при возвращении «советских» лошадей необходимо было предоставить бесплатно корм на весь зимний период [5. С. 177].

Огромную ценность для образованных совхозов и колхозов представляли знания, предприимчивость, умение организовать дело, опыт прежних владельцев. С учетом этого, а также из-за нехватки кадров приоритет при назначении на должность временных управляющих принадлежал бывшим владельцам [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 53 об.; 24. С. 123]. Так, известные в регионе предприниматели Г.П.Телегин, Р.Г.Шпехт, К.И.Каллен, Л.Я.Шварц, Н.Я.Шварц, братья Ф.К. и В.К.Розвезевы, И.М.Карзин, Т.Т.Подковыров, Н.М.Хаймович, Ф.М.Саяпин, П.И.Косицын и другие в первые месяцы после национализации хозяйств временно исполняли обязанности управляющих [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65—66, Д. 782. Л. 40, Д. 798. Л. 7, Д. 800. Л. 2, Д. 805. Л. 1—2, Д. 806. Л. 21 об., Д. 813. Л. 1—1 об., Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 127. Л. 8; 6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 78. Л. 2—2 об., Д. 157. Л. 73].

Сельские предприниматели, несмотря на национализацию хозяйств и конфискацию инвентаря, пытались продолжить свои позитивные начинания, предлагали для советских земельных органов возможные варианты улучшения сельскохозяйственного производства в регионе. Например, в январе 1920 г. было описано хозяйство известного в Сибири предпринимателя Р.Г.Шпехта, находившееся в Бородинской волости недалеко от г.Омска. Чуть позже Р.Г.Шпехт и П.Д.Зейферт обратились с докладом в отделение животноводства Омского губернского земельного отдела, в котором изложили свой проект создания крупных скотоводческих центров в Бородинской волости. Проанализировав ситуацию после окончания в крае Гражданской войны, авторы проекта подвергли серьезной критике деятельность советских хозяйств, созданных в бывших частных имениях: «Думают лишь о сегодняшнем дне — завтра не существует. Мы не видели не только каких-либо приготовлений к недалекой уже весне и лету, но даже не слышали и каких-либо планов о дальнейшей работе. Жизнь здесь идет по инерции по старым рельсам» [5. С. 173]. В своем докладе Р.Г.Шпехт и П.Д.Зейферт обратили внимание на то, что в Бородинской волости в силу ее

природных особенностей необходимо создавать не зерновые хозяйства, а рентабельные питомники животноводческого профиля.

По мнению авторов проекта, в Бородинской волости можно было бы «расквартировать» до 650 голов крупного рогатого скота в национализированных имениях Марковских, Зейферта, Штефана, Липатникова и др. Для этого предприниматели предлагали объединить национализированные хозяйства в две группы — западную, которая стала бы базой молочного скотоводства, и восточную, где сосредоточилось бы культурное коневодство [5. С. 173].

Следует отметить, что уездный агроном в своем сопроводительном письме к проекту предлагал обязательно привлечь к его реализации самих авторов, характеризуя их как людей, хорошо знавших местные условия и пользовавшихся доверием у населения. Но проект Р.Г.Шпехта и П.Д.Зейферта так и остался нереализованным. Возможно, что одной из причин невнимания к нему явилась критика авторами молодых и беспомощных советских хозяйств. Главной же причиной, по мнению П.П.Вибе, было желание советской власти, насаждавшей новые социалистические порядки в деревне, отстранить любым путем бывших предпринимателей от принадлежавших им ранее «средств производства» [5. С. 175].

И действительно, со временем партийные организации принимали меры к «очищению совхозов от враждебных элементов и наведению в них большевистского порядка». Так, 10 сентября 1920 г. по этому вопросу на заседании Омского губбюро РКП(б) был заслушан доклад Дьякова. В результате обсуждения проблемы Губбюро предложило Губземотделу: «В срочном порядке заменить лиц, стоящих во главе совхозов, из помещиков и контрреволюционеров работниками, выдвинутыми ячейками» [16. С. 21]. В письме заведующего Омским губуправлением советских хозяйств А.Гудовича Тарскому уездному отделу также указывалось, что «оставлять прежних владельцев управляющими недопустимо» [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 293. Л. 107].

Таким образом, по мере подготовки советскими органами профессиональных управленческих кадров бывшие владельцы увольнялись с занимаемых должностей. Правда, некоторые бывшие предприниматели, в силу своего опыта и профессионализма, все же продолжили работать в новой системе управления. Например, Р.Г.Шпехт, который не смог остаться в своем хозяйстве, был назначен управляющим Кокчетавского конного завода, Е.И.Хаймович работал в отделении животноводства Губземотдела на должности омского уездного специалиста, Т.Т.Подковыров и Т.И.Колмаков являлись специалистами того же отделения, но по овцеводству [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 13. Л. 61 об., Д. 248. Л. 10, 53, Д. 293. Л. 126, Д. 739. Л. 82, Д. 743. Л. 114; 6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 158. Л. 34].

Г.П.Телегину, хозяйство которого было национализировано в конце 1919 г., в начале 1920 г. удалось зарегистрировать свою строящуюся вальцевую мельницу, производительностью до 2 тыс. п. в день в мукомольном отделе Омского губсовнархоза и получить крупные государственные авансы на ее достройку в размере 211 тыс. рублей. После выполнения всех необходимых строительных работ, укомплектования штата служащими мельница стала функционировать, а сам Г.П.Телегин был избран председателем фабрично-заводского комитета советского хозяйства. Позже бывший предприниматель был обвинен в «агитации против советских порядков» и отстранен от управления как совхозом, так и мельницей [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 806. Л. 4, 21 об., 122—122 об., 125—126 об., 158, 163].

По действующему законодательству предпринимательские хозяйства, являясь нетрудовыми, национализировались «без всякого выделения инвентаря, за исключением белья, одежды и необходимой обстановки, если таковой нет у владельца в другом месте» [24. С. 124]. Бывшие владельцы и их семьи были выселены из собственных имений и фактически оставлены без всяких средств к существованию. Об этом красноречиво говорят всевозможные заявления прежних владельцев, их жен и детей (Я.И.Шварца, Т.Т.Подковырова, М.И.Колосовской, братьев Н.И., Ф.И., Я.И. и А.И.Кузнецовых, Н.Н.Оанча, Е.М.Красюкова, вдов

С.Я.Бартель и И.Изаак) с просьбами выделить земельные участки по установленной трудовой норме с инвентарем для существования и ведения простого крестьянского хозяйства [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 707. Л. 1—1 об., Д. 708. Л. 1—2 об., Д. 734. Л. 6, Д. 735. Л. 46, Д. 765. Л. 13, Д. 793. Л. 9—9 об., Д. 1080. Л. 22 об.]. Например, в заявлении Я.И.Шварца на имя управляющего совхозом № 16 Я.И.Портненко указывалось: «При национализации моего хозяйства и паровой мельницы 1 января 1920 г. я остался без всяких средств, потому что мне не было выдано из этого хозяйства никакого пособия для дальнейшего существования или ведения маленького сельского хозяйства. Не имея ни кола, ни двора, живя по чужим дворам в полуразрушенных землянках, мне будущей весной обязательно нужно выстроить свой собственный домик и посеять несколько десятин хлеба. Хотя сыновья мои все мобилизованы, и находятся на казенной службе, и обещают мне помочь, но чем они помогут, когда у них самих нет ничего?» [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1802. Л. 23]. Далее в заявлении была просьба выделить необходимый сельскохозяйственный инвентарь и семенной хлеб для ведения трудового хозяйства. Отметим, что уполномоченный по обследованию и учету советских хозяйств И.Топорков не возражал против наделения Я.И.Шварца необходимым живым и мертвым инвентарем, в силу того что бывший владелец «принимал горячее участие в физической работе, так как руки его были в мозолях» [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1802. Л. 24—24 об.]. После длительного рассмотрения в марте 1922 г. заявление Я.И.Шварца было удовлетворено [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1080. Л. 22 об.].

В изучаемый период наблюдается существенное понижение социального статуса бывших владельцев предпринимательских хозяйств, их близких родственников. Так, в марте 1920 г. Г.И.Фуксман был задержан и помещен в концлагерь «до окончания гражданской войны». Позже он был лишен избирательных прав, работал извозчиком [9. С. 257].

Интересны в этой связи, документально зафиксированные в 1920 г. слова Леонгарда Яковлевича Шварца, сына Я.И.Шварца: «Я крестьянин ниже средний», — писал он в губернское Управление советскими хозяйствами, указывая, что никогда не эксплуатировал наемного труда [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 728. Л. 65—66.]. С одной стороны, налицо была сознательно заниженная самооценка (имел в собственности 4 рабочие лошади, 24 единицы сельскохозяйственных орудий и в общей собственности с братьями Н.Я., Я.Я. и Л.Я.Шварц двигатель «Бенц» с молотилкой Шредера) — Леонгард Яковлевич должен был убедить Управление снять с учета и передать ему его долю имущества для ведения самостоятельного хозяйства, с другой — здесь в устах сына Я.И.Шварца легко заподозрить и известное самоуничижение: «я — крестьянин».

Советская власть, встав на путь ликвидации предпринимательских хозяйств, стремилась создать мощный сектор коллективных предприятий, которые бы имели культурно-показательное значение в области земледелия и животноводства. Но если бывшие частновладельческие хозяйства предпринимательского типа в предшествующие два десятилетия были высокотоварными и многие из них являлись центрами аграрной культуры, то коллективные хозяйства в изучаемый период имели скромные показатели [1. С. 114—115]. Советскими земельными органами прежняя система производственных отношений была фактически уничтожена, а новая создавалась очень медленно и с большими трудностями.

Очень часто в исторической литературе, особенно советского периода, нестабильные показатели и трудности в деятельности первых сибирских совхозов объяснялись «тяжелым наследством», доставшимся от бывших частновладельческих хозяйств. При этом указывалось не только на разгром и реквизиции имущества в этих хозяйствах со стороны отступавших белых войск, но и «на ярко выраженный экстенсивный характер» их деятельности в дореволюционный период.

Действительно, многие предпринимательские хозяйства, на базе которых создавались совхозы и колхозы, в предреволюционный период имели экстенсивную систему полеводства с применением отдельных элементов интенсификации [18. С. 88—123]. Современники

отмечали, что это делало их похожими на «американские пшеничные фабрики, работающие сложнейшими машинами на большой территории и при самой экстенсивной системе полеводства». Но с точки зрения экономической и агрономической наук это было оправданным явлением для того периода. В экономических и почвенно-климатических условиях Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. рациональным хозяйством, которое могло дать наивысший доход, можно было считать хозяйство, увеличивающее производство продукции экстенсивным путем. «Только то хозяйство может считаться рациональным, только то хозяйство может обеспечить постоянно высокий чистый доход, — писал известный специалист по организации хозяйств А.С.Ермолов, — которое организовано строго в соответствии с условиями места и времени, отвечает всем требованиям окружающей его среды и не противоречит им. С этой точки зрения нет ни безусловно хороших, ни безусловно плохих систем земледелия, каждая система земледелия хороша, если она соответствует условиям места и времени и обеспечивает высокий чистый доход» [19. С. 238—239]. Позиция А.С.Ермолова получила поддержку и в сибирских агрономических кругах. Так, в 1895 г. правительственный агроном Томской губернии В.Г.Бажаев указывал: «Наиболее рационально и целесообразно то хозяйство, которое всего более соответствует всей совокупности естественных и экономических условий, а не то, которое всего более интенсивно» [3. С. 1].

Необходимо указать, что со временем ситуация, конечно, стала изменяться, появились признаки «относительной земельной тесноты», и это бы ускорило процесс интенсификации в таких хозяйствах, тем более что многие сельские предприниматели, особенно имевшие крупное производство, еще в дореволюционный период стали уделять этому большое внимание [18. С. 88—123].

Поэтому ссылаться только на экстенсивный характер как главную причину всех проблем колхозно-совхозного строительства будет некорректным. Нам представляется, что ответ на этот вопрос более сложен. В 1919—1920 гг. перспективы бывших частновладельческих хозяйств оценивались очень неоднозначно. Так, известный специалист в области теории аграрной политики В.Н.Соколов полагал, что не все частные хозяйства могут служить основой для создания советских хозяйств как «культурно-агрономических центров». И дело тут не только в «сибирских расстояниях», но и в том, что сибиряк склонен был рассматривать эти владения «как “трудоу” собственность, родственную и действительно сходную с его захватным, “заимочным” хозяйством» [11. С. 28].

Поэтому те трудности, которые имели место в деятельности первых совхозов в регионе, объясняются как раз отсутствием на тот момент материально-технической базы, финансовых возможностей у советских земельных органов для ее создания, в целом сложной социально-экономической и политической ситуацией в регионе. Кроме того, необходимо учитывать и сибирскую специфику восприятия таких хозяйств, отмеченную В.Н.Соколовым.

Подчеркнем, что даже современники считали, что те надежды, которые возлагались на «советские фабрики зерна», не оправдались, по крайней мере на начальном этапе их организации [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 78. Л. 38]. Так, в докладе заведующего подотделом обобществления советских хозяйств Сибземотдела в 1920 г. указывалось: «Советские хозяйства Сибири, стоящие по программе на почетном месте в схеме хозяйственного строительства, ставящие себе задачи не только сельскохозяйственного производства, но и культурно-показательных баз и очагов, в настоящее время влачат жалкое существование, приближаясь быстрыми и верными шагами к распаду и многие, может быть, к гибели» [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 83. Л. 27]. Более того, в 1921 г. В.Н.Соколов, ставший заведующим Сибземотделом, констатировал, что совхозы Сибири «совершенно не использовали того, что они имели, и не сделали того, что могли сделать». За год своего существования, считал В.Н.Соколов, они оказались «в значительно худшем состоянии, чем были раньше» [6. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 417. Л. 254 об.— 255].

Следует отметить, что различные ревизии и проверки деятельности совхозов в Западной Сибири констатировали, что «окружающее население настроено враждебно и разными способами тормозит работу последних» [6. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 157. Л. 216 об., Д. 197. Л. 13 об.]. При этом контрольные органы РКП(б) выявили многочисленные факты расхищения имущества колхозов и совхозов, а также сдачу ими в аренду земли и инвентаря, за что фактически и были лишены своих хозяйств сельские предприниматели в 1919—1920 гг. [1. С. 114].

В нашем распоряжении есть масса архивных документов, которые говорят о том, что образованные в начале 1920-х гг. на базе предпринимательских хозяйств совхозы и колхозы из-за «организационно-хозяйственной слабости» практически не использовали собственный потенциал как в области производства сельскохозяйственной продукции, так и в области агрокультурного влияния на местное население [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 1735. Л. 1—8]. На это обстоятельство неоднократно указывалось в материалах работы Особых контрольных комиссий по Омской губернии, специально созданных в 1924 г. по распоряжению Народного комиссариата земледелия с целью выяснения характера и результата деятельности советских хозяйств [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 659. Л. 1—1 об., 2—3 об., 5—8, 11—11 об.]. В частности, в делопроизводственных материалах комиссии при рассмотрении истории организации и хозяйственной деятельности советских хозяйств в регионе постоянно подчеркивается, что то или иное хозяйство «в прежнее время велось лучше», «совхоз ничего не дает населению, сравнительно с прежним владельцем» и т.д. [7. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 659. Л. 20, 31—32 об., 40—40 об., 54—57 об., 60 об., 71—73, 76—78 об.].

Таким образом, национализация земли, конфискация усовершенствованных машин и орудий, живого инвентаря, разграбление предпринимательских хозяйств войсками и местным населением в изучаемый период ослабили позиции сельских предпринимателей в Западной Сибири. Более того, социально-экономические мероприятия советской власти в конце 1919—1920 гг., сопровождаясь целым комплексом деструктивных воздействий на сельский социум, привели к исчезновению частной инициативы и уничтожению предпринимчивости. В новых условиях многолетний опыт и хозяйственный потенциал предпринимателей оказались невостребованными. Советская власть, разрушив прежнюю систему производственных отношений, отраслевую мобильность и специализацию, использовала бывшие предпринимательские хозяйства для образования коллективных и государственных хозяйств. Этот процесс приобрел массовый характер и привел в начале 1920-х гг. к ликвидации сельскохозяйственного предпринимательства в Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке. Очерки истории / Отв. ред. В.А.Ильиных. Новосибирск, 2008.
2. Антошин Ю.Г., Анисков В.Т. Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки. Новосибирск, 1971.
3. Бажаев В.Г. О системах земледелия в Томской губернии. Томск, 1896.
4. Вибе П.П. Национализация немецких предпринимательских хозяйств Сибири в 1919—1920 гг. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф.: В 3 ч. Омск, 2006. Ч. 1.
5. Вибе П.П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект. Омск, 2007.
6. Государственный архив Новосибирской области.
7. Государственное учреждение Омской области «Исторический архив Омской области».
8. Декреты Советской власти. М., 1973. Т. 6.
9. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000.
10. Закон о земле, о социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию. Омск, 1919.
11. Земельный вопрос в Сибири. М., 1919.
12. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.
13. Известия Сибирского Революционного Комитета (Омск). 1920. № 1.

14. Касьян А.К. Борьба трудящихся Омской губернии за ликвидацию последствий колчаковщины в сельском хозяйстве (конец 1919 — 1920 гг.) // Из истории Западной Сибири и Омской области. Омск, 1963.
15. Касьян А.К. Первые шаги колхозного строительства в Омской деревне. Омск, 1958.
16. Касьян А.К. Социально-экономическое развитие деревни Юго-Западной Сибири в доколхозный период (конец 1919 — 1928 гг.) Омск, 1976.
17. Крестьянство Сибири в период строительства социализма 1917—1937 гг. Новосибирск, 1983.
18. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX — начале XX века. Омск, 2009.
19. Крохалев Ф.С. О системах земледелия. Исторический очерк. М., 1960.
20. Куроедов М.В. История Омского района. Омск, 2003.
21. Медведев В.Т. Деятельность Ревкомов Западной Сибири по ликвидации последствий колчаковщины (ноябрь 1919 — 1920 гг.) // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972.
22. Сборник постановлений и распоряжений Сибревкома за 1920 год. Омск, 1921.
23. Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 — декабрь 1925: Сб. док. и мат-лов. Новосибирск, 1959.
24. Фогт А.А. Национализация немецких крупных частновладельческих и арендаторских хозяйств в 1919—1921 гг. // Музей и общество на пороге XXI в.: Мат-лы Всерос. науч. конф. Омск, 1998.
25. Храмов А.А., Клычников А.Н. Переселенцы и старожилы в селе Анисимово (Боровлянское) Барнаульского уезда (Опыт анализа Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX — начале XX вв. (на материалах массовых источников): Сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Н.Разгон. Барнаул, 2002.
26. Центр документации новейшей истории Омской области.
27. Шишкин В.И. К вопросу об аграрной политике Советской власти в Сибири в 1920 году // Социально-экономическое и политическое развитие Сибирской деревни в советский период. Новосибирск, 1974.
28. Шишкин В.И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1985.

**«СТАНЦИЯ ОТПРАВЛЕНИЯ — СССР,
СТАНЦИЯ НАЗНАЧЕНИЯ — КОММУНИЗМ!»:
ИСТОРИЯ СТРАНЫ В ЛОЗУНГАХ 1920-х гг.****“DEPARTURE STATION — USSR,
DESTINATION STATION — COMMUNISM!”:
HISTORY OF THE COUNTRY IN 1920’s SLOGANS**

Аннотация. В статье по наиболее популярным в СССР лозунгам 20—30-х гг. анализируется состояние массового сознания, формирующегося под все более определяющим воздействием официальной идеологии.

Ключевые слова: лозунг; агитация; пропаганда; печать; идеология; коммунистическая партия; советское государство; 1920-е гг.

Abstract. The article is devoted to the most popular slogans in USSR during 1920s-1930s. The author analyses the condition of the collective consciousness that was formed under the crucial influence of the official ideology.

Key words: a slogan; agitation; propaganda; press; ideology; communist party; Soviet state; 1920s.

Сведения об авторе: Булюлина Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры документной лингвистики и документоведения.

Место работы: Волгоградский государственный университет.

About the author: Elena Vladimirovna Bulyulina, Candidate of History, Associate Professor of the Department of Linguistics and bond of Document.

Place of employment: Volgograd State University.

Контактная информация: 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100, ауд. 3-06 Б; тел. (8442) 405599, доб. 659. E-mail: bulyulina@mail.ru

Лозунг (от нем. *Lozung* — призыв) — краткая, концентрированная формулировка основной идеи, задачи, требования; кратко выраженный ведущий принцип. Лозунг обращается к конкретному субъекту с тем, чтобы стимулировать выполнение им неких ближайших или отдаленных целей [5]. Для политики лозунги являются очень важным и специфическим способом влиять на сознание людей в силу неких присущих им особенностей. Прежде всего, лозунги образно воплощают ту или иную идею и направлены на эмоции. Их основные функции — организационная, мобилизационная, предписывающая. В силу своего назначения лозунг должен удовлетворять следующим требованиям: быть кратким, понятным, конкретным, четким. От частого повторения лозунги превращаются в идеологические клише, стереотипы мышления людей, и «чем чаще повторяются, тем больше оседают в подсознании масс» [7. С. 6].

Большевистская агитация и пропаганда всегда придавала большое значение лозунгам. Агитационно-пропагандистская работа имела классовую направленность, она обращалась к тем слоям населения, которые являлись опорой власти, прежде всего, к рабочим и крестьянам. Низкий общеобразовательный и культурный уровень трудящихся облегчал возможности внедрения в массовое сознание официальной идеологии. Лозунги не предполагали обсуждений, они имели законченный вид готовых истин, многократно повторяясь, звучали привычно и создавали предсказуемую реакцию на них.

Коммунистическая партия большевиков имела значительный пропагандистский опыт, накопленный за период борьбы с самодержавием, и справедливо считала пропаганду важным оружием в борьбе за строительство нового строя. Не случайно уже в декабре 1917 г. был образован отдел революционной пропаганды при ЦК РКП(б), на базе которого впоследствии был создан знаменитый Агитпроп — отдел советской агитации и пропаганды, призванный объединить и возглавить «агитационно-пропагандистскую и культурно-просветительскую работу всех видов» [3. С. 513]. При этом к началу 1920-х гг. компартии удалось укрепить сеть массовой печатной пропаганды, установить единоличное руководство печатью и обеспечить воздействие прессы на массовое сознание [6].

Средства массовой информации многократно усиливали воздействие лозунгов на население. Ежедневно воспроизводимые на страницах печати, лозунги обретали широчайшую аудиторию.

Приведенные ниже лозунги публиковались на протяжении 1920-х гг. в газете «Борьба», органе Царицынского губернского комитета РКП(б) — ВКП(б), впоследствии переименованной в «Сталинградскую правду» (в 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград). Работая с этим источником, автор настоящей статьи постоянно сталкивался с лозунгами. Показалось любопытным собрать их в хронологическом порядке. При этом выяснилось, что каждый лозунг «работал» лишь в определенное время, так как являлся выражением конкретной ситуации. Как яркий мазок кисти, лозунг освещал тот или иной эпизод истории, собранные же вместе, они представили широкое полотно событий и реалий такой своеобразной эпохи становления и развития советской государственности.

В начале 1920-х гг. популярны были лозунги, связанные с призывом в Красную Армию («Спешите! Красная конница ждет вас!»; «Юноша, почему тебя нет в рядах допризывников?»; «Призывник, помни срок явки!»), сбором сельскохозяйственного налога («Неплательщики налога — враги трудового народа!»; «Кто не внесет общегражданского налога в июне, в июле будет платить втрое!»), восстановлением народного хозяйства («Штыком победили — победим молотом!»; «Дружный труд рабочих и крестьян вгонит разруху в могилу!»; «На трудовом фронте решается наша судьба!»), субботникам и воскресникам («Завтра воскресник! Коммунисты — вперед, беспартийные — не отставай!»; «Кто не пойдет на воскресник, то жаждет страданий трудового народа!»). Появляются многочисленные лозунги о борьбе с неграмотностью: «Темнота нас губит»; «Где у безграмотного колос, у грамотного — два!»; «Только грамотная мать — опора своему ребенку»; «Убьем наукой засуху и голод!», и даже такой: «Берегите работников просвещения, ибо их у нас мало».

Из года в год не прекращалась антирелигиозная пропаганда: «Церкви, синагоги и мечети — под школы и народные дома!»; «Религия — орудие эксплуатации!»; «С уничтожением народного невежества исчезнет религиозный дурман»; «Армия безбожников — в бой с мракобесием!». Советская власть исходила из того, что религиозное мировоззрение вредно для рабочих и крестьян, атеизм же, напротив, стал государственно признанным и насаждался в принудительном порядке. В конце 1921 г. при Агитпропе была создана специальная комиссия по вопросам антирелигиозной пропаганды во главе с Е.Ярославским. Очень важным считалось преодоление элементов религиозности в повседневной жизни, «борьба» с церковными праздниками, обрядами и внедрение новых форм быта: «Вместо пасхального обжорства — помощь беспризорным детям, вместо религиозных праздников — революционные!».

Из ведения церкви было изъято оформление записей актов о рождении, бракосочетании и смерти и передано отделам ЗАГС при исполкомах советов. Целью отстранения церкви от повседневной жизни населения объясняется и популяризация идеи кремации покойников. И хотя первое учреждение по ритуальному сжиганию трупов появилось в Москве в 1922 г. [4. С. 101], в провинции лозунги о «советском крематории» появились позднее: «Даешь наш советский крематорий!» (1927 г.).

С начала нэпа и практически до конца 1920-х гг. не исчезали лозунги о кооперации: «Через кооперацию уменьшим нужду!»; «Дайте средства кооперативам, и они победят спекулянтов»; «Бьем частный капитал рабочей кооперацией!». В период военного коммунизма товарно-денежные отношения практически были свернуты, все виды кооперации — потребительская, промысловая, сельскохозяйственная, кредитная — были объединены и превращены в государственный распределительный аппарат, работающий под руководством Наркомата продовольствия и его отделов на местах. С переходом к нэпу усилилось значение потребительской кооперации в снабжении населения продуктами и промышленными товарами. Шли кампании по привлечению населения в кооперативы, целенаправленно вытеснялся частник с рынка. Частный торговец объявлялся врагом государства, слова «спекуляция», «спекулянт» приобрели ярко выраженную негативную окраску: «Долой спекулянтов!»; «Ни копейки частному торговцу!». На потребительскую кооперацию возлагались задачи борьбы со спекулянтами, осуществления торговли, заготовок и снабжения населения. К 1928 г. почти все звенья кооперативной системы были огосударствлены.

С начала и до конца 1920-х гг. звучат лозунги о государственных внутренних займах — важнейшем источнике пополнения государственной казны. Каждый работавший гражданин был вынужден ежегодно подписываться на заем в размере хотя бы одного ежемесячного оклада. Согласно официальной пропаганде, подписка на очередной заем была добровольной и проходила в обстановке «трудового и политического подъема». Средства массовой информации активно агитировали в пользу займов: «Кто купил облигации хлебного займа, тот получил дешевый хлеб»; «Дадим государству месячный заработок займы!»; «Ни одного члена профсоюза без облигации!»; «Бей буржуазию трудовым рублем, давай свои деньги займы только государству!».

Для современного читателя не совсем понятно пристальное внимание советской печати к теме рабселькоров (рабочих и сельских корреспондентов): «Рабкоры и раборки! С пером в руке помогайте партии строить социализм!»; «Рабкор пишет — вся губерния слышит»; «С пером в мозолистой руке — вперед, за культуру!». Движение рабкоров зародилось в 1922 г. Поначалу рабочих корреспондентов выбирали на партийных и рабочих собраниях и вручали им наказы, о чем писать в газету. К середине 1920-х гг. это движение стало по-настоящему массовым. Позднее развернулось движение селькоров. К 1926 г. число рабселькоров в стране превысило 200 тыс. человек [6]. Зачастую информация рабселькоров становилась сигналом для вмешательства в негативную ситуацию партийных и государственных органов: «Рабселькор — активный помощник прокуратуры».

Появление лозунга «Самоубийство — результат отрыва от общественности» связано со смертью Сергея Есенина 27 декабря 1925 г. Его предсмертное стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» впервые было опубликовано в «Красной газете» (вечерний выпуск) 27 декабря. Маяковский писал: «Сразу стало ясно, сколько колеблющихся этот сильный стих... подведет под петлю и револьвер». Настроения безысходной тоски и разочарования оказались в эти годы близки многим. Но представителями власти владели иные чувства. 19 января 1926 г. в «Правде» была опубликована статья Троцкого «Памяти Сергея Есенина», в которой говорилось: Есенин погиб потому, что «был несроден революции». Ему вторил Бухарин: «Советские устремления... оказались совсем не по плечу Есенину». Самоубийство объявлялось стремлением «уйти от действительности» и сурово осуждалось.

К этому же периоду относятся многочисленные лозунги о борьбе с пьянством: «Долой пивнушку из рабочего поселка!»; «Пьяница и хулиган — враги производства!»; «Общественная работа — противоядие от пьянства». До 1925 г. на территории РСФСР воспрещались изготовление и продажа спирта и крепких спиртных напитков. С окончанием Гражданской войны государство все больше обращает внимание на то, что запрет стимулирует самогонварение, доходы от продажи самогона оседают в карманах частных. 30 ноября 1923 г. всем местным исполкомам советов был разослан циркуляр «О борьбе с самогонварением». В нем указывалось, что «изготовление самогона, уничтожая большие запасы хлеба и других продуктов, причиняет вред населению республики, увеличивая преступность и внося элемент разложения в строящееся пролетарское общество...» [2. Ф. Р-37. Оп. 2. Д. 67. Л. 23]. Этот документ положил начало «беспощадной войне с самогонщиной», не принесшей, впрочем, заметных успехов. Декретом от 28 августа 1925 г. в стране официально была разрешена государственная торговля водкой (получившей в народе название «рыковка» по фамилии председателя СНК А.И.Рыкова). А уже в июне 1926 г. появляются тезисы ЦК ВКП(б) «О борьбе с пьянством». Отмечается рост алкоголизма среди коммунистов и рабочих. Начинаются акции по борьбе с пьянством и тесно связанным с ним хулиганством, что находит свое отражение в появляющихся на страницах печати лозунгах: «Осиновый кол хулиганству!», «Самогонщиков-отравителей народа — под суд!».

Начиная с 1927 г., все чаще появляются лозунги о борьбе с бюрократизмом: «Бюрократизм — на прицел, волокиту — на мушку!»; «Войну волоките и бюрократизму!» и т.п. Эта тема для советского государства не была нова. Уже созданному в 1918 г. Наркомату государственного контроля вменялась в обязанность борьба с бюрократизмом и волокитой

в государственных учреждениях. Занимался этим и сменивший Наркомгоскон в 1920 г. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, и его местные органы. Усиление централизации управления в ведущих отраслях народного хозяйства и одновременная специализация управления по отраслям находили свое выражение в разукрупнении наркоматов. В составе наркоматов образовывались многочисленные главки, сектора, отделы, функциональные части, что приводило к неоправданной аппаратной множественности, перманентному росту управленческого персонала. Сталинградская губернская РКИ, проводя анализ поступления и разрешения жалоб, установила, что в 1927 г. 31% всех поступивших жалоб были жалобами на бюрократизм и волокиту в советских учреждениях [2. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 718. Л. 13—15]. Как показала история, против этих врагов лозунги бессильны...

Обращает на себя внимание крайне милитаризированная лексика лозунгов. В словаре официальной пропаганды постоянно встречаются слова «бой», «армия», «огонь», «фронт», «война», «смерть» и т.п. Особенно она усиливается к концу рассматриваемого периода, что связано не только с нагнетанием в обществе ощущения военной угрозы от «капиталистического окружения», которое достигло своего апогея в 1927—1929 гг. [1. С. 36—58] («Тучи военной угрозы сгущаются, будь начеку!»; «Враги не спят, будь в боевой готовности!»), но и с процессами, происходившими в политической жизни страны («Огонь по правым шатаниям и троцкизму!»; «Сметем вредителей с лица земли!»; «Единым фронтом — против озлобленного врага!»). В лозунгах объявляется война не только внешним и внутренним врагам, реальным и мнимым, но и бюрократизму, неурожаю, бесхозяйственности и т.д., включая суслика (лозунг 1923 г. — «Смерть суслику!»), который одно время, как воробей в Китае, был объявлен главным уничтожителем зерна, подрывающим благосостояние сельского хозяйства Советской республики.

Реалии времени отражают и следующие лозунги: «Трудовой народ, строй воздушный флот!»; «ГПУ — глаза и уши пролетариата»; «Рабочий! Что ты сделал для раскрепощения жены?»; «Работницы, сбросьте цепи кухни и пеленок!»; «Кино — друг массы»; «Забот с себя снимает массу, кто носит деньги в трудсберкассе!» и др.

Лозунги, являясь инструментом официальной агитации и пропаганды, использовались для социализации формирующейся «новой исторической общности» — советского народа. Тем не менее, отдавая должное эффективности идеологической машины Советской власти, ошибочным будет преувеличивать ее воздействие на население. Документально собранные свидетельства подтверждают, что советское общество было далеко не однородным и проявляло устойчивость к идеологической обработке. Если бы это было не так, не появлялись бы, как выражение живого народного духа, частушки, в которых обыгрывались идеологические клише того времени, подобные той, что была зафиксирована агентами Сталинградского ОГПУ в 1929 г.:

Кто сказал, что Ленин умер?
Я на днях его видал:
Без подштанников, в рубашке
Пятилетку догонял.

Однако это уже предмет другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубев А.В. Советское общество и «военные тревоги» 1920-х гг. // Отечественная история. 2008. № 1.
2. Государственный архив Волгоградской области.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. Ч. 1. М., 1954.
4. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 гг. СПб., 1999.
5. Политическая энциклопедия: В 2 т. Т.1. М., 1999.
6. Соскин В.Л. Российская советская культура (1917—1927 гг.): Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004.
7. Хевеши М.А. Толковый словарь идеологических и политических терминов советского периода. 2-е изд., доп. М., 2004.

О ПРИЧИНАХ
ШКОЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 1958 г.ON REASONS BEHIND
SCHOOL REFORM OF 1958

Аннотация. Рассматривая предысторию школьной реформы 1958 г., автор связывает ее с идейно-политической жизнью СССР «эпохи XX съезда».

Ключевые слова: КПСС; школьная реформа; «оттепель»; инакомыслие; административно-командный режим.

Сведения об авторе: Прищепа Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

Место работы: Сургутский государственный университет.

Контактная информация: 628408, г. Сургут, ул. Энергетиков, д. 8; тел. (3462) 350351.
E-mail: pai@kir.sorgu.ru

Abstract. The author of the article examines the education reform that took place in 1958, its prehistory and links it with the political life in USSR during the “20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union epoch”.

Key words: Communist Party of the Soviet Union; school reform; “Khrushchev’s Thaw”; dissidence; administrative and command regime.

About the author: Alexander Ivanovich Prishchepa, Doctor of History, Professor of the Department of History of Russia.

Place of employment: Surgut State University.

Как нам представляется, адекватным шагом по усилению коммунистического воспитания молодежи явилась школьная реформа в СССР 1958 г., направленная на воспитание у подрастающего поколения цеховых традиций, производственного послушания рабочих и колхозников СССР.

На наш взгляд, предпринятая во второй половине 50-х гг. реформа системы народного образования и высшей школы была предопределена не только общесоциальной обстановкой на «укрепление связи школы и жизни», «стирание различий между физическим и умственным трудом», но и лавинообразным нарастанием молодежного инакомыслия, усилением, как отмечалось в партийных документах, «антисоветских, враждебных вылазок». В соответствии с законом от 24 декабря 1956 г. поступление в вуз полностью стало зависеть от работы на производстве и обуславливалось не блестящими результатами в средней школе, а производственным стажем, «общественным лицом» абитуриента и его политическими критериями. Помимо этого вузы должны были оставлять все больше мест «трудящимся» и строить сложную систему опосредованных звеньев между предприятиями и учебными заведениями [3. С. 364—365].

Еще в январе 1957 г. бюро Свердловского обкома КПСС, обеспокоенное политическими настроениями в вузах города, приняло постановление «Об улучшении состава принимаемых в вузы студентов в 1957 г.» и обязало ректоров и секретарей партийных организации высших учебных заведений принять все необходимые меры к широкому привлечению в институты работающей молодежи и обеспечить в 1957 г. прием более половины студентов из числа лиц, имеющих производственный опыт. Стремясь «оработить» вузовскую молодежь, Свердловский обком КПСС настоятельно рекомендовал руководителям предприятий и вузов создавать подготовительные курсы для подготовки рабочих к поступлению в вузы [4. Ф. 4. Оп. 57. Д. 17. Л. 19].

О политической значимости этого постановления свидетельствует то, что через месяц, в феврале 1957 г., бюро Свердловского обкома КПСС, пристально контролировавшее его выполнение, вернулось к рассмотрению вопроса «Об улучшении состава принимаемых в вузы студентов в 1957 г.» и констатировало, что большинство вузов города активно включилось в работу по подготовке рабочей молодежи для поступления в высшие учебные заведения. При семи вузах города были созданы подготовительные курсы, для поступления

на которые к 1 февраля 1957 г. было подано около 1500 заявлений. С особым удовлетворением бюро горкома КПСС отмечало, что большую работу по привлечению рабочей молодежи к учебе провели Уральский государственный университет и Уральский политехнический институт [4. Ф. 161. Оп. 28. Д. 17. Л. 31], доставившие ему год назад столь большое беспокойство.

До недавнего времени в исторической литературе отмечалось, что в целом в стране и в партийной среде разоблачение культа Сталина было встречено с пониманием и одобрением [1. С. 202]. Однако вся политика КПСС в последующие три десятка лет и реагирование на нее «молчаливого большинства» заставляют усомниться в истинности такого категоричного утверждения. Новейшие исследования дают основание сделать вывод о том, что и партийные верхи, и партийная масса, и беспартийные в большинстве своем, помня уроки 30-х гг., весьма осторожно выражали свое отношение к столь резкому повороту от прославления, почти обожествления к развенчанию «великого вождя и учителя» [1. С. 202].

Этому способствовала и двусмысленная позиция ЦК КПСС в отношении ознакомления населения с докладом Н.С.Хрущева. Сразу после окончания XX съезда партии текст доклада был издан в виде маленькой красной книжки, доступной только для членов КПСС. Хотя в конце марта 1956 г. по указанию Н.С.Хрущева она была открыта для обсуждения на собраниях всех граждан старше 14 лет, их проведение и обсуждение текста строго контролировали представители партийных органов. В апреле 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС обсудило «неправильное поведение» 1-го секретаря Орджоникидзевского РК КПСС Швецова, «грубо нарушившего указания вышестоящих партийных органов о порядке ознакомления с докладом Н.С.Хрущева на XX съезде “О культе личности и его последствиях”», и указало ему на недопустимость игнорирования вышестоящих партийных органов [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 7. Л. 6].

Гораздо решительней действовала молодежь. В г.Свердловске эпицентром разоблачения культа личности Сталина и выражения инакомыслия стали студенческие аудитории трех крупнейших вузов Урала — Уральского политехнического института им. С.М.Кирова, Уральского государственного университета им. А.М.Горького и Уральского педагогического института. Состоявшиеся в октябре — ноябре 1956 г. отчетно-выборные комсомольские собрания этих вузов в буквальном смысле потрясли партийную власть г.Свердловска. 13 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС специально рассмотрело вопрос «О факте антипартийного, антисоветского выступления на XII отчетно-выборной комсомольской конференции Уральского политехнического института им. С.М.Кирова» и с глубокой тревогой отметило, что на ней имел место факт «антипартийного, антисоветского выступления делегата конференции, студента 4-го курса физико-технического факультета А.А.Немелкова», в котором были «клеветнические заявления и выпады против партии, комсомола, государства и народа». Весьма показательно, что, по признанию самого бюро обкома партии, «этому выступлению сразу же не дано было решительного отпора» [4. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 4].

Для наведения порядка на конференции потребовалось вмешательство самых высоких партийных властей города. Однако ни экстренно командированный на следующий день на конференцию секретарь Свердловского горкома КПСС Осипов, ни присутствовавшие на ней секретарь обкома ВЛКСМ Мазырин и секретарь парткома института Веселов не смогли противостоять демократическому напору участников конференции и «дать решительный отпор выступлениям, поддерживающим Немелкова». «Только на третий день, — отмечалось в постановлении бюро Свердловского обкома КПСС, — правильный ход конференции был обеспечен» [4. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 5].

Еще больший импульс инакомыслию придали решения XX съезда КПСС в Уральском педагогическом институте. Здесь была предпринята попытка утвердить демократические принципы в организации студенческой жизни и комсомольской работы в вузе. 1 ноября

1956 г. после окончания собрания студенческого актива института группа его участников — члены ВЛКСМ Северова, Бродский, Фельдман и ряд других студентов — по своей инициативе самовольно организовали выборы «комиссии по выработке требований к администрации и партийным органам института». Подготовленный этой комиссией «Проект решений студенческого коллектива» содержал, как отмечалось в постановлении бюро Свердловского обкома КПСС 20 ноября 1956 г., «целый ряд ошибочных формулировок и предложений» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 56]. Наиболее активные инакомыслящие студенты педагогического института организовали обсуждение проекта в учебных группах и подразделениях вуза. «Эти недопустимые действия группы студентов», как и в Уральском политехническом институте, «не получили должного отпора со стороны комсомольской организации» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 11. Л. 56], что свидетельствовало о глубоком сдвиге в сознании значительной части свердловской студенческой молодежи.

Массовый характер «разнузданные и демагогические выступления об изживании комсомола» с требованиями «свободы критики», «свободы слова», «демократии» приняли на отчетно-выборном комсомольском собрании отделения журналистики Уральского государственного университета, состоявшемся в конце октября 1956 г. Общий характер комсомольского собрания студентов-журналистов был необычен даже в сравнении с ситуацией, сложившейся в политехническом и педагогическом институтах. На собрании в УрГУ кричали, свистели, стучали ногами. Выступления коммунистов встречали криками: «Долой с трибуны!», «Хватит!» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 27]. Выдвижение кандидатов в состав бюро ВЛКСМ прошло в шумной обстановке, много было отводов и самоотводов. Студенты Антонов, Черкизов, Скоп, Абдрашидов, Лиханов и многие другие выступали против мелочной, перестраховочной опеки партийного бюро комсомольской жизни факультета, требовали демократических изменений в комсомоле и партии, свободы идеологических дискуссий. Много критических замечаний было высказано по вопросам организации учебного процесса в университете. Студенты требовали введения свободного посещения лекций, увольнения с работы некоторых преподавателей, повышения студенческой стипендии [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 27—31]. Эти предложения были включены в резолюцию собрания, подготовленную Скопом, Карповичем и Плотниковым. Собрание не осудило ее как «политически вредную», на чем настаивало большинство студентов-коммунистов и присутствовавших преподавателей. Из 153 человек за осуждение проголосовало лишь 37% участников собрания [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 31]. После прямого вмешательства и под давлением партийного бюро филологического факультета и парткома университета на второй день собрания была предложена коренным образом переработанная резолюция. Однако и в ее окончательно принятом варианте в результате последовавших на собрании дополнений и изменений «отсутствовала принципиальная политическая оценка выступлений Черкизова, Скопа и других, а также первого проекта резолюции» [4. Ф. 161. Оп. 27. Д. 57. Л. 31].

Меры в отношении «взбунтовавшегося факультета» Уральского государственного университета со стороны партийных властей города были особенно крутыми. Были исключены из комсомола и университета почти все активные участники собрания [2. Ф. 1. Оп. 2. Д. 26262. Т. 3. Л. 141—142]. 13 ноября 1956 г. (спустя менее недели после случившегося) решением бюро Свердловского обкома КПСС от обязанностей ректора университета был освобожден Г.И.Чуфаров с традиционной для того времени формулировкой «по состоянию здоровья» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 64. Л. 7]. 27 ноября 1956 г. бюро Свердловского обкома КПСС приняло специальное постановление «О фактах нездоровых проявлений среди студентов филологического факультета Уральского университета им. А.М.Горького», в котором обвиняло бывшего ректора университета в «потере чувства партийности и государственной ответственности за воспитание молодежи., высокой требовательности к преподавательскому составу» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14]. Этим постановлением бюро обкома

КПСС инициировало расправу над преподавателями, «утратившими политическую бдительность, допускавшими либеральное, примиренческое, беспринципное отношение к фактам нездоровых настроений» [2. Ф. 4. Оп. 55. Д. 66. Л. 14]. Прислушавшись к голосу обкома, Ученый совет УрГУ 31 января 1957 г. рассмотрел вопрос «О поведении преподавателя т.Куканова Александра Михайловича». В ходе его обсуждения заслуженного фронтовика, участника боев под Халхин-Голом, сражения под Сталинградом, штурма Вены и освобождения Венгрии осуждали за высказывания о том, что «у нас возрождается обстановка 37-го и 49-го годов», за совместные с преподавателем университета Тмарченко неортодоксальные заявления о нарушениях норм партийной жизни, об ограничении критики и демократии в партии и обществе [2. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 381. Л. 12]. В предложенной профессором Ф.П.Быстрых резолюции Ученый совет осудил «демагогические, нездоровые взгляды и настроения преподавателя А.М.Куканова» и попросил ректорат освободить его от работы в Уральском университете [2. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 381. Л. 31].

Таким образом, в середине 50-х гг. инакомыслие приобретает новый импульс в советском обществе. Борьба за лидерство после смерти Сталина, попытки реформирования, разоблачение культа личности, начало реабилитации его жертв и особенно закрытое совещание XX съезда КПСС — все это способствовало раскрепощению духовной жизни людей, побуждало их к размышлению над глубинным содержанием происходящих событий. Они вызвали острые дискуссии в рядах творческой интеллигенции и особенно студенческой молодежи о бюрократическом гнете партийного и государственного аппарата и необходимости большей свободы СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995.
2. Государственный архив Свердловской области.
3. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1994.
4. Центр документации общественных организаций Свердловской области.

**«ЧЕРНОБЫЛЬСКИЙ СЛЕД»
 В РАСПАДЕ СССР**

**“TRACES OF CHERNOBYL DISASTER”
 IN USSR COLLAPSE**

Аннотация. На сравнительном материале автор рассматривает техногенные и политические последствия трагедии «распечатанного атома» на Фукусимской АЭС в Японии и Чернобыльской 1986 г. в СССР, анализируя цену, уплаченную человечеством за неусвоенные исторические уроки «повторения пройденного».

Ключевые слова: Чернобыльская катастрофа; атомная энергетика; М.С.Горбачев; распад СССР.

Сведения об авторе: Дроконова Ольга Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарно-экономических дисциплин.

Место работы: Тюменский государственный нефтегазовый университет, филиал в г. Нижневартовске.

Контактная информация: 628616, г. Нижневартовск, ул. Ленина, д. 5; тел. 912 5305752.
 E-mail: oldrok@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the comparative analysis of the anthropogenic and political repercussions of the Fukushima Nuclear Accident in Japan and the Chernobyl tragedy in 1986, USSR. The author of the article attempts to analyze the price paid by the humanity for failing to learn a historical lesson and repeating mistakes of the past.

Key words: Chernobyl Disaster; nuclear power industry; M.S.Gorbachev; collapse of the Soviet Union.

About the author: Olga Nikolaevna Drokonova, Candidate of History, Associate Professor of the Department for humanitarian-economic studies.

Place of employment: Tyumen State Oil and Gas University branch in Nizhnevartovsk.

События марта 2011 г. на Фукусимской АЭС в Японии, когда, казалось бы, в значительной степени по вине природной стихии мир увидел повторение невыученных «чернобыльских уроков», вновь подняли вопрос об оправданности применения «мирного атома» и его истинной цене. Японские власти и администрация ФАЭС оказались еще менее готовы к ликвидации страшных последствий ядерной катастрофы, чем советские власти в 1986 г. Знаменитая японская электроника выходила из строя под влиянием радиационного излучения. У пилотов вертолетов, поливавших взорвавшиеся 1-й и 3-й реакторы водой, сдавали нервы и они опустошали емкости, не долетая до цели. Использованная для охлаждения реакторов зараженная морская вода сливалась обратно в океан. Число добровольцев, получивших красивое патриотичное название «50 самураев», оказалось катастрофически недостаточным для предотвращения развития событий по худшему сценарию.

Мир узнал даже о том, что тип фукусимских «кипящих реакторов» 1960-х гг. создания был не столь совершенен. Не говоря уже о прогнозах специалистов по технике безопасности, предупреждавших владельца Фукусимской АЭС компанию «Тэпко» еще в 2007 г. о том, что в случае возникновения цунами шансы на благополучный исход составят 10%, и необходимо принять срочные меры для строительства заградительных дамб — чего, как известно, сделано не было. И все это происходило на фоне неотвратимо приближавшегося *печального юбилея*.

Четверть века назад мир потрясла катастрофа Чернобыля. Десятки сел, деревень, поселков и городов, оставленных жителями. Неописуемо прекрасная, но отныне убийственно опасная природа. Миллионы исковерканных человеческих судеб. Страшная трагедия мирного времени, граничащая — по масштабам последствий — с необъявленной войной...

Отголоски случившегося еще долго будут слышны в Украине, Белоруссии и России. Так же, как долго еще не смолкнут споры об истинной цене «мирного атома». Но если суть и значение произошедшего для Восточной Европы и мира в целом очевидны и вряд ли нуждаются в пояснениях, то вопрос о роли Чернобыля в судьбе Советского Союза требует отдельного рассмотрения. Тем более, что распад СССР дал исследователям невиданный ранее шанс приблизиться к пониманию истинных масштабов, причин и специфики этой техногенной катастрофы через обращение к целому комплексу документальных источников,

совсем недавно рассекреченных новыми украинскими властями (по сообщению пресс-службы СБУ (Службы безопасности Украины) гриф «секретно» снят более чем с полусотни документов КГБ УССР 1971—1991 гг., касающихся строительства и работы ЧАЭС, а также ликвидации последствий аварии (ЛПА)).

Для Джеффри Хоскинга как стороннего наблюдателя и советолога было очевидно, что взрыв ЧАЭС стал «поворотным моментом» в истории перестройки и СССР, выявив «смертельно опасные недостатки централизованной административно-экономической системы», которая обладала «ужасными техническими возможностями», но была при этом «совершенно секретной, неряшливой и абсолютно безответственной». Чернобыль продемонстрировал и опасности, «которые принесла ограниченность гласности», породив «враждебность за границей и панику в самом СССР» [4. С. 444].

Чернобыльская атомная электростанция имени В.И.Ленина была не только первой из введенных в строй в Украинской ССР, но и являлась особым объектом союзного масштаба, символом и детищем эпохи «развитого социализма». Емкий термин «халатность», особо распространенный в те годы, ярко характеризовал все этапы ее проектирования, строительства и эксплуатации.

Избранный тип реактора — РБМК-1000 — был самым *небезопасным* из возможных. Строительство велось с многочисленными отступлениями от проекта, с грубыми нарушениями технологии и, вероятно, при отсутствии у строителей понимания, *какой именно* объект возводился. Первоначально предполагалось, что «вопросы подбора, расстановки и обучения строительно-монтажного и эксплуатационного персонала Чернобыльской АЭС должны проводиться более тщательно, чем на обычных энергетических предприятиях, т.к. последствия халатного или злоумышленного отношения и действий персонала АЭС могут привести к более тяжелым и опасным для окружающих последствиям» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 2—9].

К сожалению, этим благим намерениям не суждено было в полной мере воплотиться в жизнь. При строительстве 3-го и 4-го энергоблоков АЭС Комитетом госбезопасности УССР была выявлена масса значительнейших недостатков. Оперативные мероприятия по «контрразведывательному обеспечению» работы станции [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 33—35] позволили обнаружить трещины и смещения несущих конструкций перекрытий, разрушение их термического защитного слоя и потерю железобетонными конструкциями их свойств из-за почти двукратного превышения расчетных температур (160°C в помещениях барабанов-сепараторов при допустимых проектом 90°C!) [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 5—6].

Но даже и плохо отстроенные 3-й и 4-й энергоблоки оказывались — с точки зрения аналитиков КГБ УССР — еще не худшим вариантом. Построенные раньше 1-й и 2-й энергоблоки были «менее надежны в плане безопасности окружающей среды», т.к. в случае разрыва трубопроводов контура многократной принудительной циркуляции (КМЩ) системы аварийного отключения и безопасности не могли обеспечить локализацию утечки теплоносителя, следствием чего стало бы радиоактивное заражение местности [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 33—35].

Ситуацию усугублял тот факт, что на сварных швах трубопроводов КМЩ, закупленных для Чернобыльской и ряда других советских АЭС *в Югославии* и произведенных с использованием *французских сварочных материалов*, отмечалось большое количество брака. Суммарная стоимость 10 комплектов этих трубопроводов составляла 371 миллион рублей (в ценах января 1983 г.), но при этом качество их оставляло желать лучшего.

То же относилось и к другому оборудованию, поставлявшемуся для оснащения строящейся АЭС [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 315—316]. Повышенного внимания требовало также состояние контрольно-измерительных приборов станции, которые были «недостаточно надежны» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 126—129].

Первая пятилетка работы Чернобыльской атомной станции (1977—1981 гг.) ознаменовалась 29 аварийными остановками, включая 8, случившихся по вине персонала [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 126—129]. На фоне такой отнюдь не радужной картины примечательными оказались инициативы местных властей.

В 1978 г. Чернобыльский райисполком решил изучить возможность использования пруда-охладителя ЧАЭС площадью более 15 кв. км со среднегодовой температурой воды около 24°C для промышленного разведения рыбы [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 71—74]. И хотя поначалу предполагалось, что руководство Иванковского рыбкомбината должно было консультироваться с «научными учреждениями», учитывать мнение дирекции ЧАЭС и результаты обследования водоема местной медико-санитарной части и районной санитарно-эпидемиологической службы, реалии вышли за все мыслимые рамки исходных благих намерений.

Уже к началу 1981 г. на пруде-охладителе Чернобыльской АЭС насчитывалось более 40 рыболовецких сетей по 60—80 метров каждая, и 2—3 раза в неделю с их помощью ловили рыбу, которая в дальнейшем поступала на реализацию за наличный расчет частным лицам в обход всех официальных органов и санэпиднадзора. Причем дирекция АЭС не давала рыбкомбинату заключений «о возможности использования пруда-охладителя для производства рыбы», т.к. не гарантировала «исключения аварийных сбросов активной воды» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 71—74]. Контрольный анализ рыбы, выловленной в феврале 1981 г., показал превышение предельно допустимой концентрации (ПДК) по радиоактивному стронцию-90. В связи с этим санэпидслужба МСЧ-126 выдала предписание Чернобыльскому цеху гослова Иванковского рыбкомбината о запрещении отлова из пруда-охладителя и уничтожении контрольной партии рыбы. Однако радиоактивную рыбу продолжали ловить и продавать местному населению, а представителей СЭС не допускали на территорию пруда-охладителя. О происходящем информировали и Киевский обком Компартии Украины, о реакции которого по рассекреченным документам судить сложно.

9 сентября 1982 г. произошла аварийная остановка 1-го энергоблока, при которой впервые возник вопрос об оценке радиационной обстановки прилегающих к АЭС территорий для принятия решения о *возможной эвакуации населения*. Межведомственная комиссия из представителей Института биофизики Минздрава СССР и научно-исследовательского и конструкторского института энерготехники Министерства среднего машиностроения СССР выявила повышение радиационного фона на территории станции в 14 раз *от ПДК (!)*, а в санитарно-защитной зоне — *в 40 раз (!) от исходного естественного фона местности*. В 14-километровой зоне фиксировались даже «горячие частицы», которые, как признавалось экспертами, «в случае попадания в организм человека могут вызвать тяжелые заболевания». В заключении комиссии, тем не менее, говорилось о том, что «проведение мероприятий по эвакуации населения... не вызывается необходимостью» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 5. Арк. 243—245].

Таким образом, к недочетам в проектировании и строительстве ЧАЭС добавлялась еще и недостаточная серьезность восприятия складывающейся ситуации. Незадолго до печально знаменитого 26 апреля 1986 г. аналитики КГБ УССР обеспокоились и режимом эксплуатации станции. По распоряжениям объединенного диспетчерского управления Южными энергосистемами (ОДУ Юга) на АЭС ежегодно десятки раз снижали мощность, что, по мнению ведущих специалистов станции, сказывалось на надежности и долговечности работы реакторов Чернобыля. «Технический проект реактора РБМК-1000» также гласил, что он «должен работать в базовом режиме» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 167—168].

Последующие события отчетливо демонстрировали правоту контрразведчиков и явное игнорирование их многочисленных предупреждений — как властями республики, так и министерством энергетики СССР и Союзатомэнерго. Третья очередь строительства ЧАЭС (5-й и 6-й энергоблоки, которые предполагалось запустить в работу в конце 1986 и в 1988 гг. соответственно) проводилась с еще большим числом нарушений, чем прежде. До 300 кв. м бетонных перекрытий 5-го энергоблока оказывались непригодными для последующей

эксплуатации из-за образовавшихся внутри них пустот. Причиной столь серьезного брака была ставшая традиционной советская безалаберность. При отсутствии щебня нужной фракции (диаметром 5—20 мм) применялся более крупный материал, имевшийся в наличии (20—40 мм), вследствие чего бетонная смесь не смогла заполнить пустоты между арматурой [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 169—170]. Предсказать последствия запуска в работу 5-го энергоблока сложно. Тем более, что, судя по резолюции на соответствующем секретном документе, власти должны были лишь «проконтролировать ход и результаты обследований» [1. Ф. 65. Спр. 1. Т. 32. Арк. 169—170], а не *санкционировать демонтаж непригодных перекрытий*. Не взорвись реактор 4-го энергоблока в апреле 1986-го, и, кто знает, не ожидала ли Чернобыльский регион авария еще большего масштаба?!

Причины произошедшей техногенной катастрофы, несмотря на четверть века исследований, до конца не ясны. Явные ошибки проектирования, низкая надежность и непредсказуемость реакторов типа РБМК-1000, многократные нарушения технологии строительства, игнорирование правил эксплуатации — каждый из этих факторов в отдельности и все они, вместе взятые, вполне могли стать спусковым механизмом трагедии.

Официальная правительственная комиссия по многовековой отечественной традиции искала не причины, а *виновных*, причем исключительно из числа персонала станции. Создатели РБМК-1000, руководители проектных институтов и строительных организаций, усилиями которых ЧАЭС изначально была *атомной бомбой замедленного действия*, не понесли никакой ответственности.

Среди нетрадиционных версий катастрофы называлась и сейсмическая активность: взрыв произошел через 20 секунд после землетрясения в 2—3 балла по шкале Рихтера (об этом в своей статье «Когда земля вскрикнула» сообщал И. Яницкий, руководитель Центра инструментальных наблюдений за окружающей средой и геофизических процессов (Литературная газета. 24 апреля, 1996 г.). Информацию эту подтверждали и сейсмограммы трех ближайших станций Украинской комплексной сейсмологической экспедиции, и записи сейсмографов в АН УССР и областных центрах). Однако до недавнего времени данный факт игнорировался, поскольку по проектным расчетам железобетонные конструкции ЧАЭС должны были с легкостью переносить сейсмическую активность до 7 баллов, которая фактически в 16 раз превосходит по силе 3-балльное землетрясение. Вопрос о *практической (не расчетной!) надежности* данной АЭС — с учетом ставших достоянием обществу допущенных при сооружении станции грубых нарушений проекта и строительных технологий — *остаётся открытым*.

26 апреля 1986 г. в 1 час 25 минут реактор 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС *взорвал СССР*. Советская СИСТЕМА, сомнения в надежности которой еще совсем недавно квалифицировались как преступление против государства, дала колоссальнейший сбой. И впервые всерьез возник вопрос об истинных масштабах тупика, в который зашла страна. Выражаясь словами испанского журналиста Рафаэля Пок де Фелиу, Горбачев сделал «шаг к переосмыслению ситуации... под влиянием страшного удара, подорвавшего оптимизм руководителей страны» [3. С. 98], каковым и была чернобыльская катастрофа.

Действительно, случившееся необходимо было переосмыслить. Но для этого не хватало времени — ликвидировать последствия нужно было в кратчайшие сроки — и информации: даже первые лица страны в первые дни «не знали, какого черта там (в Чернобыле.— О.Д.) происходит» [3. С. 101]. На место вылетела оперативно созданная чрезвычайная государственная комиссия во главе с заместителем Председателя Совета министров СССР Б.Е. Щербиной, который констатировал, что ситуация находится под контролем.

Происходящее оценивалось по-разному. По мнению стороннего европейского наблюдателя, ликвидация катастрофы происходила «в типичных русских декорациях дезорганизованности и коллективной неразберихи, смешанных с массовой жертвенностью и самоотдачей людей» [3. С. 102].

Для журналиста местной житомирской газеты Аллы Ярошинской, ставшей впоследствии народным депутатом первого советского Съезда и автором ряда всемирно известных работ о Чернобыле, ситуация представлялась «преступлением без наказания». В качестве главного преступника рассматривался Кремль или, в крайнем случае, коммунистические власти УССР [5]. Их вина сводилась к недостаточному информированию населения, просчетах в эвакуационных мероприятиях, сокрытию истинных доз облучения, полученных населением, и целому ряду других вопиющих фактов.

Однако желание встать на сторону «кричащей» правоты Ярошинской наталкивается на ряд явных противоречий. Во-первых, хоть и не сразу, но население проинформировали о случившемся, что стало *беспрецедентным фактом за всю предшествующую почти 70-тилетнюю советскую историю* (ранее вполне традиционно замалчивались не только аварии на Чернобыльской АЭС, но и аналогичные ситуации, случавшиеся с участием «мирного атома» в других районах СССР, например, при пуске Ленинградской АЭС и атомного реактора в курчатовском институте в Москве, не говоря уже о радиоактивных выбросах производственного объединения «Маяк»). И произошло это *не только и не столько* под давлением Запада, как представлялось многим соотечественникам по бывшему СССР, но, вероятно, благодаря позиции М.С.Горбачева, который руководствовался иными идейными и этическими принципами, нежели его предшественники. Вполне возможно, что и само понятие «гласность», впервые озвученное на январском Пленуме следующего за «чернобыльским» 1987 г., рождено в муках этой грандиозной катастрофы, ставшей следствием целой системы ошибок и просчетов.

Во-вторых, большую часть решений по основным вопросам эвакуации и отселения людей из пострадавшей 30-километровой зоны принимали не в Кремле, а на местах. «Прокляті москалі» могли лишь выделять средства и специалистов для ликвидации аварии и обеспечения населения пострадавшей республики всем необходимым. Увы, период, следовавший за апрелем 1986 г., совпал с резко неблагоприятными экономическими факторами: сокращением притока «нефтедолларов», на которые страна привыкла жить за предшествовавшие 20 лет брежневского «застоя»; спадом производительности труда, в том числе в сельском хозяйстве, и ростом дефицита. Пустыми были полки магазинов *всей страны*, а не одной только УССР в соседних с зоной отчуждения районах.

Кроме того, столь свойственный времени националистический подтекст и привычка использовать Чернобыль в качестве козыря в политической предвыборной борьбе (а ведь А.Ярошинская на этой радиоактивной «волне» дважды становилась народным депутатом СССР, а в дальнейшем — мэром г.Житомира) заставляют относиться к оценкам этого известного украинского публициста со здоровой долей скепсиса.

Фотокорреспондент АПН по УССР Игорь Костин, с апреля по декабрь 1986 г. подробно освещавший ход работ по ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС, сделал из случившегося совсем иные выводы: «Чернобыльская беда выявила лучшее в нас — способность к состраданию, готовность к самопожертвованию, убежденность в том, что чужого горя не бывает» [2]. Именно такие впечатления вынес И.Костин из многочисленных вылетов с пилотами вертолетов, сбрасывавших в дымящийся кратер взорвавшегося реактора песок и свинец. Такие мысли посещали его на крыше 3-го энергоблока, где лежали и излучали чудовищные дозы радиации обломки реактора № 4. Туда в тяжелом защитном снаряжении шли знаменитые «крышные коты», у каждого из которых было не более двух десятков секунд, чтобы не только подобрать и сбросить в жерло 4-го реактора очередной обломок, но и успеть вернуться.

У Костина тоже было только 20 секунд на то, чтобы, рискуя здоровьем, заснять крышу 3-го и черный пролом 4-го реактора, с замиранием сердца надеясь, что его снимки помогут ликвидаторам оптимизировать работу и покажут миру самоотверженный труд этих отважных

людей. А главное, затаив дыхание, верить, что за бесконечные 20 секунд жесткое радиоактивное облучение не засветит заветные кадры фотокамеры, как бывало не раз.

По прошествии четверти века стало очевидно, что Чернобыльская катастрофа сумела выявить не только лучшее, но и худшее в сердцах и умах людей. Она стала разменной монетой в большой политической игре националистов, как будто и не было пострадавших от радиации *российских территорий* Белгородской, Брянской, Калужской, Орловской и Тульской областей. Зародившаяся и, во многом благодаря Чернобылю, окрепшая политика гласности сделала доступной для отечественной и мировой общественности «цепную реакцию» межнациональных конфликтов в Советском Союзе.

Судьбы Чернобыльской атомной электростанции и СССР оказались очень похожи. ЧАЭС имени В.И.Ленина воплощала все лучшее и все худшее, что было в советской системе: высокие устремления, противостоящие полному безразличию; самоотверженный труд на фоне бесхозяйственности и безнаказанной халатности; блистательный в своей сообразительности ум в противовес безграничной глупости и приземленности. При исключительном безразличии проектировщиков, строителей и части эксплуатационного персонала обеспокоенность будущим АЭС проявляла лишь советская контрразведка, и, как следствие, станция посреди бескрайних реликтовых лесов Полесья взорвалась. При исключительном безразличии подавляющего большинства населения и традиционной настороженности офицеров реформируемого КГБ судьбой советской страны в не менее бескрайних и прекрасных лесах Беловежья тихо скончался СССР.

Чернобыль не стал первопричиной распада СССР. Хотя его трагический радиоактивный «след» остался частью истории СССР периода распада.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документальный архив Службы безопасности Украины.
2. Документы ЧАЭС: Заметки Игоря Костина — Жаркое лето в Чернобыле. URL: <http://chernobil.info/?p=3768>
3. Пок де Фелиу Р. Эпоха перемен: Россия глазами испанского корреспондента. М., 2005.
4. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917—1991. Смоленск, 2000.
5. Ярошинская А.А. Чернобыль: Двадцать лет спустя. Преступление без наказания. М., 2006.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902.9:737.1

М.М. Чореф
Нижевартовск, Россия

M.M. Choref
Nizhnevartovsk, Russia

ОТ «Imperatorēs divī» К «Ἐν τούτῳ νίκας», ИЛИ РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСКАНИЯ ПЕРВЫХ ИРАКЛИДОВ: НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RELIGIOUS SEARCH OF THE FIRST HERACLIDES: NUMISMATIC ASPECT

Аннотация. В ходе поиска параллелей между монетным делом Византии и религиозными реформами первых Ираклидов автором выяснено, что победы Ираклия I (610—641) не только привели к принятию нового императорского титула — «βασιλεύς», но и отразились в монетной эмиссии.

Ключевые слова: Византия; Таврика; Херсон; нумизматика; Ираклиды.

Abstract. While searching for connection between Byzantine coin business and religious reforms of the first Heraclideses, the author came to a conclusion that the victories achieved by Heraclius I (610-641) not only led to adoption of a new imperial title — «βασιλεύς», but were also reflected in monetary emission.

Key words: Byzantium; Tauris; Kherson; numismatics; Heraclideses.

Сведения об авторе: Чореф Михаил Михайлович, соискатель кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков Института истории и политических наук Тюменского государственного университета.

Место работы: МБОУ «Гимназия № 1».

About the author: Mikhail Mikhailovich Choref, applicant for the Department of Archeology, Ancient and Medieval History, Institute of History and Political Science at Tyumen State University.

Place of employment: Municipal budgetary general education institution “Gymnasium № 1”.

Контактная информация: 628616, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 36; тел. 964 1709641.

E-mail: choref@ukr.net

ἸΣΤ. ἔχεις οὐκοῦν, ὃ βασιλεία, τὸ ζητούμενον αὐτοσχέδιον ἔρμαιον. ἐκεῖνος ἀνεψύχωσεν, ὥσπερ ἐκ τάφου τινὸς τῆς ἀλογίας ἀναλαβόμενος, οἷάπερ ἸΑλκηστὶν τινα ἀλεξικάκου τινὸς Ἡρακλέους ἀναστησάμενος ῥόμη.

(Theoph. Simoc. Hist., Διάλογος, 9:10—12)

Anne se préoccupait des monnaies, surtout des monnaies de cuivre, qui sont les basses et les populaires; elle voulait y faire grande figure.

(Victor Hugo. L'Homme qui rit)

Известно, что в римской религиозной традиции практиковалось посмертное обожествление выдающихся личностей. Вернее всего, оно сформировалось вследствие развития культа ларов. Так, первым его удостоился легендарный Ромул, по легенде, взятый живым на небо. Возводили храмы и оказывали божеские почести его преемникам: Нуме Помпилию и Сервию Туллию. Во времена поздней республики возник культ победоносных полководцев, высшей точкой развития которого стало обожествление Гая Юлия Цезаря. В последующем римские императоры разрешили почитать и себя как потомков Divi Iulius. Правда, первоначально их не считали богами. Гай Октавий Цезарь Август разрешал строить храмы, посвященные его гению-покровителю, но божеские почести он решительно отвергал. Однако уже его ближайшие преемники ввели свой культ по всей империи. Так, Гай Цезарь Германик (Калигула) (37—41) учредил себе и храмы, и жрецов (Suet. Gajus Caesar Caligula, Cap. XXII: 3—12). В дальнейшем, если не считать случаи цезарианского

безумия Нерона Клавдия Цезаря¹ (54—68), Тита Флавия Домициана (81—96), именовавшего себя «*dominus et deus*» (Suet. Titus Flavius Domitianus, Cap. XIII: 4), и Луция Элия Аврелия Коммода (Марка Аврелия Коммода Антонина) (180—192), провозгласившего себя Гераклом (Scriptores historiae Avgustae. Antoninus Diadumenus, 7: 10), культ императоров развивался поступательно и без заметных эксцессов. При жизни их почитали как Отцов Отечества и потомков богов, а после смерти обожествляли². По всей империи строили храмы цезарям, повсеместно устанавливали им памятники. Однако почитание правителей носило официозный характер, его трактовали как ординарное выражение лояльности Римскому государству [16. P. 400—407].

Ситуация изменилась к середине III в. Общий кризис античного мира привел к значительной трансформации государственного культа. Сначала, при Гае Мессии Квинте Траяне Деции (249—251) в 250 г. от всех жителей империи потребовали участия в общественных жертвоприношениях [18. P. 626—627]. Конечно, можно объяснить это требование исключительно стремлением властей выявить тайных христиан, подозреваемых в антигосударственной деятельности. Однако примечательно, что всем участникам жертвоприношений, в том числе и жрецам языческих культов, выдавали справки — *libelli* [18. P. 315, 627]. Вернее всего, мы имеем дело с одним из многих общенародных молений, традиционно устраиваемых в Риме во времена бедствий или больших побед. И не случайно в их молитвенную формулу было включена просьба о «*благополучии августов*». Очевидно, что неисполнение эдикта расценивали как свидетельство нелояльности. Те же причины подвинули Публия Лициния Аврелия Валериана (254—260) в 257 и в 258 гг. издать эдикты против клириков и представителей римской знати, принявших христианство [18. P. 630, 644—645]. Однако и эти меры не смогли сплотить подданных вокруг правителей. И во второй половине III в. эфемерные императоры эпохи «тридцати тиранов» восприняли персидские традиции своего прижизненного обожествления. Очевидно, что они не ставили перед собой цели добиться всеобщего преклонения. Вряд ли у них было время строить такие планы. Да, они были и «*победительны*», и «*трофееносны*». Но они вели бесконечные войны, причем большинство из них погибло в сражениях или в результате заговоров. Правители же они считанные годы. Вернее всего, безродные ставленники армии желали отгородиться пышным ритуалом от не всегда верных подданных. Не удивительно, что наивысшая степень развития культа императора совпала с периодом первой тетрархии (293—305). Тогда империей управляло два августа: Гай Аврелий Валерий Диоклетиан (284—305), создавший эту систему и провозгласивший себя Йовием, а также его друг и соправитель Марк Аврелий Валерий Максимиан (286—305, 306—308), объявленный Геркулием [18. P. 70, 171]. Обожествленным правителям помогали их цезари, не удостоенные собственного культа.

¹ Крайне интересно то, что у него представления о своем неземном могуществе сочетались с вульгарным атеизмом. По словам Гая Светония Транквилла, «*Religionum usquequaque contemptor, praeter unius deae Syriae. Hanc tox ita sprexit, ut urina contaminaret, alia superstitione captus, in qua fola pertinacissime haesit. Siquidem icunculam puellarem, cum quasi remedium insidiarum a plebejo quodam, et ignoto muneri accepisset, detecta confestim conjuratione pro summo numine, trinisque in die sacrificiis colere perseveravit, volebatque credi monitione ejus futura praenosceret*» (Suet. Nero Claudius Caesar, Cap. LVI: 1—3) — «*Ко всем святыням он относился с презрением, кроме одной лишь Сирийской богини (תַּרְטָמָה (Тарата). Считалась супругой Дагона, не единожды упомянутого в Библии. Изображалась в виде рыбы или русалки. Важнейшими центрами ее культа были Аскалон (ныне Ашкелон), Гелиополь (сейчас Баальбек) и Эдесса (совр. Шанлы-Урфа).— М. Ч.), да и то стал ею гнушаться настолько, что мочился на нее. Его обуяло новое суеверие, и только ему он хранил упрямую верность: от какого-то неведомого плебея он получил в подарок маленькую фигурку девушки как охрану от всех коварств, и когда тотчас после этого был раскрыт заговор, он стал почитать ее выше всех богов, принося ей жертвы трижды в день и требуя, чтобы все верили, будто она открывает ему будущее*».

² Практиковалось обожествление и членов императорской семьи, а также их приближенных. К примеру, Публий Элий Траян Адриан (117—138) объявил божеством своего фаворита Антиноя (Scriptores historiae Avgustae. Hadrianus. 14).

В благодарность они должны были унаследовать власть после отставки августов, и, соответственно, стать богами [18. Р. 71, 75]. Однако, как ни универсальна была система тетрархии, она не смогла удовлетворить требования многочисленных полководцев, вступивших в борьбу за власть после отречения Диоклетиана Йовия. В конце концов, одержал победу Гай (Луций или Марк (?)) Флавий Валерий Константин (306—337), ставший первым императором-покровителем христиан. Однако он не перестал поддерживать языческие культы и от ординарной для позднего Рима императорской титулатуры не отказался. И хотя наследники Константина провозгласили христианство государственной религией, они, как и их языческие предшественники, продолжали именовать себя *Imperatore divis*. Подобное положение сохранялось в ранней Византии [10. С. 32—33].

Однако уже в первой половине VII в., т.е. в период правления первых Ираклидов, от этой концепции отказались. Заметим, что подобные явления весьма редки в мировой истории. Целью нашего исследования стало выявление причин этих преобразований. А так как разменные монеты являются точнейшим индикатором состояния дел в раннесредневековом государстве, то мы попытаемся проиллюстрировать историю правления первых Ираклидов на сериях меди периода их правления.

Величайшие потрясения, пережитые Романией в начале VII вв., не могли не повлиять на духовный настрой ее жителей. Знать и народ, подавленные невзгодами, надеялись только на чудо. Как никогда упал престиж государственной власти. Ведь ни один из *Imperatorēs divī* конца VI в. не смог остановить вторжения аваров и славян, доходивших до Константинополя, обезопасить Восток, умиротворить столичные партии и, главное, примирить монофиситов и халкидонитов. Да и о каком пиетете перед правителями могла идти речь, если власть в империи смог захватить «*полуварвар из племени киклопов*», «*распутный кентавр*» тиран Фока, казнившего последнего императора из Дома св. Юстиниана¹ [4], вырезавшего его семью и залившего земли Византии кровью ее подданных? Романию охватила смута: восстали Киликия, Сирия, Палестина и вся Малая Азия, волновался Египет. Многие видели в происходящем «перст Божий». Все ждали чуда. И оно произошло. В 608 г. экзарх далекого западного Карфагена консуляр Ираклий отказался посылать в столицу хлеб. Местные жители и окрестные варвары поддержали его. Экзарх собрал армию и двинул ее на Египет [19. Р. 290—298]. Командование он поручил Никите — сыну своего помощника патрикия Григоры [19. Р. 295—296]. Успех сопутствовал всем их начинаниям. В первом же бою повстанцы разбили верные Фоке войска и вскоре заняли Египет. Население повсеместно поддерживало инсургентов. Однако ни экзарх Ираклий, ни патрикий Григора и не пытались захватить престол. Развивая успех, карфагеняне собрали большой флот и отправили его на Константинополь. Командование им было поручено сыну экзарха — молодому Ираклию. Экзарх Ираклий и патрикий Григора решили отдать престол тому из командиров инсургентов, которому первому удастся войти в столицу [19. Р. 297]. Одновременно формировались органы управления освобожденными территориями. Судя по скупым свидетельствам древних историков, ими управлял совет, состоявший из византийских вельмож и римских сенаторов. При этом большую роль в управлении играли старший и младший Ираклии. На монетах² (рис. 1, 1—2), выпускавшихся в освобожденных провинциях, изображали обоих правителей, причем, судя по надписи «*dNERACLIO CONSULE(I)*» («*Domini nostri Heraclii consulēs*») — «*Господа наши Ираклии консулы*»³,

¹ О таврических монетах с изображением св. Юстиниана на реверсе см.: [11. С. 139—143; 12].

² Очевидно, что их датировали по индикту. Так, самые ранние выпуски повстанцев поступили в обращение в тринадцатый год индикта (609/610 г.). Их эмиссия закончилась в следующем году [13. Р. 353. Pl. 10, 164, 167].

³ Действительно, варварская латынь легенды аверса этой монеты создает определенные проблемы дешифровщику. Но очевидно, что *CONSULE* не может быть прочитано как *consulis* — «*консула*». Вернее всего, конечная «*I*» должна была, по мнению монетчика, также обозначать множественное число. Да и сам факт появления на ней обоих правителей в консульских одеяниях опровергает устоявшуюся точку зрения на прочтение

младший Ираклий во время восстания был избран *consulē populi romani*¹ — «консулом римского народа». В 610 г. карфагенские корабли с изображением Богородицы на парусах подошли к Константинополю [19. Р. 298]. Фока не смог организовать им никакого сопротивления. «Тиран» бежал, но был схвачен и казнен [19. Р. 299].

Собственно, ничего нового не произошло. Неправедного старого царя сменил молодой и, как считалось, более богобоязненный. Саул погиб, а к власти пришел Давид. Именно так воспринимали эти события византийские историки. Казалось бы, всенародные надежды начинают оправдываться. Считали, что к власти пришел избранный Богом император. Тем более что молодой Ираклий I (610—641) заявил о своей приверженности православию. Мало того, он сделал Константинопольского патриарха Сергия своим главным советником. Два года молодой правитель пытался успокоить империю. Идеи умиротворения отразила монетная эмиссия. На смену небрежно выбитым разменным монетам Фоки и инсургентов в обращение поступили изящно оформленные медные выпуски Ираклия I (рис. 1,4).

К сожалению, Ираклий I принял империю в крайне незавидном положении. Ее провинции были разорены длительными войнами и восстаниями [19. Р. 299—300]. Чиновники вышли из-под контроля центрального правительства. Бунтовала армия, годами недополучавшая жалование. Денег в казне не хватало². Границы некогда могучей империи оказались открыты для варваров, регулярно разорявших не только приграничные провинции, но и доходивших до крупнейших городов Средиземноморья. И Ираклию I пришлось воевать — отстаивать целостность своего государства. Первые годы выдались на удивление трудными. В 614 г. персы захватили Иерусалим и увезли Животворящий крест Господень [19. Р. 300]. В 616 г. они вторглись в Египет, а уже в 619 г. пала Александрия [19. Р. 301]³. Положение империи казалось столь безысходным, что Ираклий I раздумывал о переносе столицы на запад — в спокойный и безопасный Карфаген. Только просьбы патриарха удержали его в Константинополе [1. С. 440]. Император решился на борьбу с казалось бы неодолимыми противниками. Для этого он был вынужден пойти на меры, немыслимые для его предшественников.

Во-первых, Ираклий I, нарушив придворный этикет, сам возглавил войско. Во-вторых, раз казна была пуста⁴, то он повелел конфисковать часть церковных сокровищ [19. Р. 302—303]. Ираклий I стал императором-полководцем, героем народных легенд. Его походы в Персию длились семь лет (622—628 гг.). Они носили характер священной войны за возвращение Животворящего креста Господня и во имя торжества христианской веры [19. Р. 303—304]. Переломным стал 626 г., когда в отсутствие императора авары, славяне и персы осадили Константинополь [19. Р. 315—317]. Однако горожане во главе с патриархом Сергием отстояли столицу. А уже 15 мая 628 г. в Храме св. Софии читали народу письмо императора, сообщавшего подданным о разгроме персов и гибели их царя — «высокомерного и богоборного... богоненавистного Хосроя». Столица ликовала. В 629 г. Ираклий I вернулся в Византий. Его встречали как героя, равновеликого Александру Македонскому.

надписи. Мы уверены, что надпись δΝΕΡΑCΑΙΟ CONSULAE(I) нельзя читать как *Domini nostri Heraclii consulis*. Также нет оснований видеть в ней надпись *Dominoꝝ nostroꝝ Heraclioꝝ consulum* — «Господ наших Ираклиев консулов», так как слово *consulēs* не имеет окончание *-um* родительного падежа множественного числа.

¹ Только этим обстоятельством можно объяснить его появления в консульском одеянии на датированных монетах периода восстания (рис. 1,3).

² О сложном состоянии государственных финансов говорит перечеканка монет императоров V—VI вв. Причем переделка шла в такой спешке, что прежние изображения даже не сглаживали (рис. 1,5). Часто монеты били на случайных заготовках (рис. 1,6).

³ На рис. 1,7 приведено изображение монеты в двенадцать нуммов, чеканенной в те годы в Александрии от имени персидского царя Хосрова II Парвиза (591—628). Примечательно, что фигура правителя на ее аверсе обрамлена изображениями солнца и луны.

⁴ Перечеканка монет продолжалась. На рис. 1,8 приведено изображение фоллиса Ираклия I, Ираклия II Константина и Ираклона, выпущенного в Константинополе в 615—624 гг. [13. Р. 357. Pl. 20,354].

Ведь ему удалось не только вернуть Животворящий крест Господень и восточные провинции, но и посадить на персидский трон своего ставленника [19. Р. 326—327]. Всеобщий пиетет позволил Ираклию I изменить свою титулатуру. Так, если каждый император из Дома св. Юстиниана именовал себя согласно римской традиции «ἐν ὀνόματι τοῦ δεσπότου Ἰησοῦ Χριστοῦ τοῦ θεοῦ ἡμῶν αὐτοκράτορ καίσαρ... ἀειτέβαστος αὐγουστος» — «*во имя Господа Нашего Иисуса Христа самодержец кесарь... вечносвященный август*», то в преамбуле новеллы 629 г. он и его старший сын Ираклий II Константин выступали как «πιστοὶ ἐν Χριστῷ βασιλεῖς» — «*верные во Христе цари*» [15. Р. 24]. Можно, конечно, объяснять это новшество стремлением повысить авторитет Византии на международной арене, как это делал В.Е.Вальденберг [2. С. 111; 3. С. 142]. Однако, с нашей точки зрения, оно могло быть мотивировано значительно более существенными идеями. Во-первых, принятием титула «βασιλεύς» Ираклиды подняли себя до уровня библейских царей — Мессий «*избранного народа*»¹. Во-вторых, βασιλεῖς периода античности были не столько правителями, сколько первосвященниками государственного культа. В рассматриваемом случае, очевидно, речь шла о положении «*первого христианина*» и «*господина вселенной*». Как помним, ромеи называли василевсами только своих государей и крайне неохотно признавали право на этот титул за иностранными монархами. Но в любом случае, βασιλεῖς — Ираклиды должны были восприниматься современниками как Мессии. Питать эти представления должна была и процедура инаугурации. Вернее всего, при Ираклидах был введен обряд миропомазания, сохранившийся в Византии до конца ее существования и распространившийся со временем повсеместно по всей Европе².

Заметим, что свершения Ираклия I отразила и монетная эмиссия. В обращение поступили полноцветные изящно оформленные медные монеты³ с изображением правителя в военных доспехах (рис. 1,9).

Казалось бы, Византия находится на пике своего могущества. Ираклий I, окрыленный внешнеполитическими успехами, решил на очередную революцию. Он решил примирить⁴ монофиситов и халкидонитов. Император поддержал концепцию патриарха Сергия, выработавшего учение о монофелитизме и моноэнергизме. Однако это начинание не получило всеобщей поддержки. Идею Сергия не восприняли большинство церковных иерархов Запада. Однако она оказалась весьма перспективной на Востоке. Первым успехом Сергия стало объединение с официальной церковью Армении на Соборе 633 г., прошедшем в Феодосиюполе. На нем армяне-монофиситы признали Никейский символ веры⁵ [7. С. 294]. В том же году ставленник Сергия Кир, патриарх Александрийский, ранее назначенный Ираклием I наместником Египта, провозгласил «*Пакт об объединении*»⁶, в котором призвал

¹ В иудейской традиции משיח — «*Машиахом, Мессией, помазанником*» являлись цари, происходившие из Дома Давида, правившие по воле Божьей. Допускаем возможность и того, что Ираклиды желали приравнять себя к חשמונאים — «*Хашмонаим, Хасмонеям*», освободившим Иудею от апостатических Селевкидов.

² Известно, что история возвышения большинства древнейших европейских королевских династий окружена легендами, важнейшим элементом которых является предание о Божьем избрании. К примеру, Хлодвиг (481—511) — первый франкский король Галлии из дома Меровингов — будто бы был помазан на царство мирром, принесенным с неба ангелом, принявшим для этого вид голубя. Правда, об этой истории ничего не было известно св. Григорию Турскому, составившему жизнеописание первых франкских королей. Вернее всего, начало преданию положил Реймский архиепископ Гинкмар, возглавлявший самую почетную кафедру Франции во второй половине IX в.

³ Их также выбивали на ранее выпущенных монетах.

⁴ Заметим, что поиск компромисса начался еще в первые годы правления Ираклия I. Так, по инициативе императора и патриарха Сергия прошел Александрийский собор 616 г. На нем пытались примирить петритов и дамианитов [7. С. 296].

⁵ В середине VII в. в Армении возобладала актиститская церковная партия, добившаяся отмены решений Феодосиюпольского собора [7. С. 294].

⁶ Состоял из девяти анафематизмов. За расплывчивость формул получил в среде халкидонитов наименование ἡ ὕδρωβαφῆς ἔνωσις — «*бесцветное, водой писаное объединение*» [1. С. 460].

к объединению православных и монофиситов. Он содержал формулу, предложенную еще св. Дионисием Ареопагитом: «Он не был человеком не как не-человек, но как из людей произошедший, пребывающий над людьми и превыше человека, воистину ставший человеком и затем все совершивший не как Бог божественное и не как человек человеческое, но как ставший мужем Бог некой новой, богомужней энергией с нами жительствовавший» [5. С. 777, 779]. Как видим, догматический компромисс был первоначально провозглашен в форме моноэнергизма [7. С. 297]. Вслед за этим Кир попытался подчинить себе монофиситов. Однако его власть признали только греки и сирийцы. Копты сохранили верность монофиситскому патриарху Вениамину [7. С. 297]. Критически восприняли новшества и халкидониты. Софроний — лидер палестинского монашества — обратился к реформаторам с критикой *Пакта*, по мнению богослова, позволяющего реабилитировать монофиситство и возродить ересь Аполлинария. Сергей был вынужден пойти навстречу консерваторам. Он издал так называемое *Ψήφος* (греч. «мнение, судебное постановление»). *Псифос* предписывал Киру никому более не позволять рассуждать ни об одной, ни о двух энергиях во Христе, хотя в тексте давалось понять, что его автор предпочитает формулу с единой энергией [7. С. 298]. Издание этого документа на время примирило фракции халкидонитов. Однако уже в 634 г. Софроний, избранный патриархом Иерусалимским, не затрагивая вопрос о «двух энергиях» во Христе, выступил с критикой учения о «единой энергии». Конец полемике положило завоевание Палестины арабами (638 г.). В том же году Сергей получает поддержку с Запада. За «единую энергию» высказался папа Гонорий [7. С. 299]. Воспользовавшись ситуацией, патриарх подготовил проект *Εκθήσις* (греч. «изложение») императорского эдикта, в котором кодифицировал монофелитский символ веры. Однако в 639 г. Сергей умер, так и не дождавшись одобрения *Экфисиса*. Его преемник Пирр созвал в 640 г. собор в Константинополе, на котором добился принятия этого документа. Издание *Экфисиса* означало конец политики времен *Псифоса*. Во вновь принятом догматическом документе декларировалось единство воли (θέλημα) во Христе, вытекающее из единства энергии. Моноэнергетизм перерос в монофелитство.

Но вернемся к Ираклию I. Если принятие им титула «βασιλεύς» давало нам только основания предполагать о его «мессианстве», то характер проводимых им реформ совершенно убеждает в нашей правоте. Очевидно, что Ираклий I ставил перед собой мессианские задачи [6. С. 121—149]. Он считал для себя возможным не только примирение всех направлений христианства, но и крещение Персии, а также ее подчинение Византии. И, как мы помним, были моменты, когда время исполнения этих замыслов казалось близким. Одно время даже его современники согласились с тем, что Ираклию I была уготована роль если и не Мессии, то его ближайшего предвестника. В любом случае, его почитали при жизни как святого. Обо всем этом говорила и официальная имперская идеология. В частности, с 628 г. и до конца правления Ираклия I в обращение поступали медные монеты с каноническим изображением императора — святого воина-покровителя империи (рис. 1,9—12). Очевидно, что такой характер почитания правителя не допускал его именованья *divi*. Вследствие этого в Византии утвердилось привычное христианское понимание сущности монархической власти. Заметим также, что отнюдь не случайно св. Ираклия изображали с таким знаковым для современников культовым символом, как длинный крест. Как помним, его держали в правой руке не только ангелы, но и св. Юстиниан на меди таврического чекана конца VI — начала VII в. Только учитывая это, мы можем осознать апокалиптический ужас, охвативший ромеев после сокрушительных поражений, нанесенных Византии прежде неведомыми врагами — мусульманами. Казалось бы, неизбежное крушение Романии представлялось гибелью всего мира. Можно сказать, что конец истории наступал, но совсем не по тому плану, который был намечен для него в официальной идеологии Ираклия I. И на его разменных монетах продолжали оттискивать каноническое изображение правителя (рис. 1,10—12). Правда, само качество их чекана разубеждало

ромеев во всемогуществе чествуемого святого императора. Дело в том, что критическое состояние экономики подвигло власти периодически портить стопу разменных денег. Сначала их чеканили на половинках монет прежних эмиссий (рис. 1,10), а позже и на бесформенных обрубках (рис. 1,11—12). Так что не стоит удивляться безуспешности официальной пропаганды. Ромеи видели в арабском нашествии кару за несправедную политику императора. Однако выступать против него не решались. Неудачи считали временными, а авторитет императора — непререкаемым. Именно этим обстоятельством можно объяснить сохранение его изображения на монетах ближайших наследников. Так, при Ираклоне (641) в обращение поступила медь с канонической фигурой основателя династии на аверсе¹ (рис. 2,1). Очевидно, что, по мнению непопулярного правителя, ее выпуск мог бы укрепить его пошатнувшийся авторитет. Традиция размещения изображения святого Ираклия на разменной меди сохранялась и при Константе II (641—668). В первые годы его правления в обращение поступили бронзы, на аверсе которых было оттиснуто хорошо узнаваемое изображение бородатого правителя², держащего длинный крест (рис. 2,2—6). Вокруг фигуры была размещена знаковая для каждого ромея легенда: «Εν τούτω νίκας» — «*сим победиши*». Ведь, как помним, по мнению верующих, одной из величайших заслуг Ираклия I стало возвращение Животворящего креста Господня.

Однако наследники святого императора не были столь харизматичны. Они были вынуждены пойти навстречу оппозиции и заняться поисками решения проблем, возникших в результате принятия *Экфисиса*. Об остроте догматической полемики говорит факт восстания в 646 г. Григория — экзарха Карфагена, опиравшегося на поддержку противников монофелизма. Неизвестно, чем мог бы закончиться этот мятеж, но в 647 г. его предводитель пал в бою с арабами. Император Константин II был вынужден пойти на компромисс с диофелитами. Вскоре после подавления движения Григория он отменяет *Экфисис* и возвращается к политике *Псифоса*. В том же 647 г. император издает *Τύπος τῆς πίστewς* (греч. «образец веры»), согласно которому запрещалось «враждовать, спорить и какого бы то ни было рода обсуждения вопроса об одной воле и одной энергии или о двух энергиях и двух волях» [7. С. 301]. Учтем, что *Типос* был законом, а не догматическим документом. И его неприятие жестоко преследовалось. Кроме того, принятие *Типоса* говорит о стремлении императора контролировать Церковь. Самим фактом его принятия он провозгласил себя ее первосвященником. Но диофилиты посчитали уступки Константа II незначительными, а претензии чрезмерными и не приняли *Типос*. В 649 г. папа Мартин на Латеранском соборе предал его анафеме. Фактически император был обвинен в ереси. Константин II был вновь вынужден переключить свое внимание на ситуацию в Италии. Однако его попытки усмирить мятежников руками Олимпия — экзарха Равенны — закончились неудачей. Наместник императора предпочел встать на сторону папы. Два года (650—652) он был императором Италии. По сути, на два года возродилась Западная Римская империя. Когда же после смерти Олимпия Равеннский экзархат снова вошел в состав империи, папа Мартин был арестован и доставлен на суд в Константинополь. Победа монофелитов нашла свое отражение

¹ Заметим, что ее издатели П.Ю.Сабатье и А.Коэн отнесли ее к правлению Ираклия I [17. Pl. XXXI,28]. Действительно, на монетах основателя династии встречается изображение его второй жены Мартины. Правда, размещали его исключительно на меди, выбитой до приобщения Ираклона к власти. К примеру, хорошо известны фоллисы 615—627 гг., на аверсе которых оттиснуты бюсты самого Ираклия I (в центре), его старшего сына Ираклия II Константина (641) (справа) и Мартины (слева) [13. P. 374]. Кстати, изображение одного из них приведено нами на рис. 1,8. Считаем, что монеты с фигурами Ираклона и Мартины могли появиться в обращении только в период правления упомянутого младшего сына Ираклия I. Косвенным подтверждением нашей правоты является редкость этих бронз, объясняемая непродолжительностью его правления.

² И хоть качество чекана в тот период было не очень высоким, на всех известных монетах нижнюю часть лица императора обрамляет окладистая борода. Правда, передавали ее не очень реалистично. Часто бороду обозначали несколькими линиями. Вернее всего, именно это обстоятельство и позволило Ю.П.Сабатье и А.Коэну выделить медь с изображением безбородого правителя [17. Pl. XXXII,21] (рис. 2,2).

в чеканке западных провинций, в том числе и Сицилии. В 654 г. в их эмиссионных центрах было налажено производство красиво оформленных медных монет, на аверсе которых было оттиснуто каноническое изображение св. Ираклия¹ и фигура молодого Константа II (рис. 2,7—11).

Вернее всего, в это же время в Таврике прошла эмиссия фоллисов с изображениями самого василевса и Константина — его старшего сына и соправителя на аверсе и св. Ираклия на реверсе (рис. 2,13—15). Эти монеты примечательны тем, что при их изготовлении были задействованы всего две пары штемпелей. Для первой характерны крупные, хорошо проработанные рельефные фигуры императора и его наследника (рис. 2,13—14). Причем резчик смог не только мастерски воспроизвести одеяния правителей, но и их прически. Обратим внимание на характерные завитки волос, обрамляющие головы этих Ираклидов. Заметим, что мода на такую укладку волос появилась при Константе II. Не менее примечательна густая борода, копной ниспадающая на грудь старшего августа. Отметим, что таким изображали Константа II в последний период его правления. Не менее изящно оформлен и реверс: изображенный мужчина определенно похож на Константа II. Очевидно, что они родственники. Однако усы у него прямые, а не закрученные кончиками вверх, его волосы свободно ниспадают вниз, в них не заметны завитки. Кроме того, пышная борода этого мужчины разделена надвое. В свою очередь, наличие в его правой руке длинного креста дает нам основание видеть в нем святого. А так как он определенно не схож с таврическими воспроизведениями образа св. Юстиниана (рис. 2,16—17), то у нас есть все основания видеть в нем фигуру св. Ираклия, как помним, изображавшегося бородатым и усатым. Вторая пара штемпелей была изготовлена со значительно меньшим искусством. С ее помощью на аверсе выбивали мелкие, нереалистичные, небрежно переданные изображения правителей (рис. 2,15). Хотя фигура св. Ираклия на реверсе передана вполне традиционно.

Обратим внимание на символьные обозначения, различимые на оборотных сторонах этих монет. Литеру «К», просматривающуюся правее фигуры св. Ираклия, очевидно, следует считать монограммой имени Константа II², а буква «В», размещенная ниже, очевидно, является эмиссионным символом — меткой монетного двора Воспора (sic!). Мы согласны с точкой зрения Ф.Грирсона и В.А.Сидоренко, отнесших подобные монеты к выпуску этого города [8. С. 374—376. Табл. XIII; 14. Р. 38—39].

Дальнейшее развитие монетного типа византийской меди отразило перемены во внутренней политике Константа II. В 660 г. он превратил свое правление в тиранию, имевшую характерные черты теократии. Желая обеспечить передачу власти своим сыновьям — Константину, Тиверии и Ираклию — император сначала насильно постриг в монахи, а позже убил своего брата Феодосия. Недовольство населения вынудило его в 661/2 гг. покинуть Константинополь. Однако в 662 г. Константин II, официально не отменяя *Tunoc*, организовал и провел судилище над одним из лидеров диофелитов — св. Максимом Исповедником. Против него было выдвинуто множество политических обвинений. Остановимся на анализе только одного из них, с точки зрения судей, самого важного. В ходе процесса подсудимого обвинили в том, что он не признает императора первосвященником. На провокационный вопрос «Τί οὖν; οὐκ ἔστι πᾶς βασιλεὺς Χριστιανὸς καὶ ἱερεὺς» св. Максим Исповедник решительно ответил «οὐκ ἔστιν» [1. С. 487]. Нарушителя императорской воли подвергли бичеванию, отрубили ему правую руку и отрезали язык, после чего сослали в Лазик, в крепость Схимарис. Не пережив страданий, 82-летний старец умер.

¹ Заметим, что ныне принято трактовать фигуру бородатого вооруженного императора с длинным крестом в правой руке как изображение Константа II. Действительно, с 650-х гг. и до конца правления упомянутого внука Ираклия I изображали бородатым. Однако традиционное с 628 г. изображение святого воина-императора на аверсе изучаемых монет Константа II не дает нам оснований усомниться в нашей правоте.

² Как, собственно, и считал ее первооткрыватель И.И.Толстой [9. С. 775—776. № 282. Pl. 56,282].

Заметим, что сама расправа со св. Максимом Исповедником стала одним из самых одиозных, но не единственным проявлением тирании императора-первосвященника. Последние восемь лет его правления стали периодом жесточайшего гонения на диофелитов. Конечно, можно по-разному объяснять политику Константа II в 660—668 гг. Однако, судя по монетам, он стремился организовать культ себя и своей семьи. В последний период его правления на монетах появляются изображения императора и всех принцев его дома (рис. 2,12). Но его надежды на эффективность жесточайшей тирании и действенность имперско-теократической пропаганды не оправдались. Его старший сын и наследник Константин IV Погонат (669—685) прекратил гонения и, не отменив *Тупос*, стал поддерживать диофелитов. Со временем учение монофелитов было вовсе отвергнуто. Только немногочисленные сирийские христиане-марониты остались верными идеям Сергия и Кира. Они до сих пор почитают Ираклия I как святого [7. С. 292]. О претензиях же василевсов на первосвященство и вовсе забыли.

Как видим, стремления упрочить императорскую власть, создать новую идею ее легитимизации, подвинули первых Ираклидов отказаться от ее обожествления. В ходе многолетних религиозных исканий была апробирована мессианская идея, оказавшаяся неэффективной в кризисной ситуации первой половины VII в. Та же участь постигла и воскрешенный арабами-мусульманами ветхозаветный образ царя-первосвященника. Ему не дано было воплотиться в весьма сложной структуре многополярного византийского общества.

В конце концов, в империи вернулись к традиционному представлению о неизбежности сотрудничества светской и духовной властей, сформулированному еще в Евангелии: «Ἀπόδοτε οὖν τὰ Καίσαρος Καίσαρι·καὶ τὰ τοῦ θεοῦ τῷ θεῷ» (Мф. 22:21) — «возвратите кесарю кесарево, а Божье Богу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Болотов В.В. Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918. Т. IV: История церкви в период вселенских соборов.
2. Вальденберг В.Е. Государственное устройство Византии до конца VII века // Византийская философия. СПб., 2008. Т. 3.
3. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
4. Геростеригиос А. Юстиниан Великий — император и святой. М., 2010.
5. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб., 2002.
6. Лурье В.М. Александр Великий — «последний римский царь». К истории эсхатологических воззрений в эпоху Ираклия // Византинороссика. СПб., 2003. Т. 2: Деяния царя Александра. Уникальный памятник средневековой тюркетики из села Мужы Ямало-Ненецкого автономного округа. Материалы коллоквиума, проведенного Санкт-Петербургским Обществом византино-славянских исследований 10—12 сентября 1998 г.
7. Лурье В.М. История византийской философии. Формативный период. СПб., 2006.
8. Сидоренко В.А. Медная чеканка византийского Боспора (590—668 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. X.
9. Толстой И.И. Византийские монеты. СПб., 1914. Вып. VII: Монеты Константа II и Константина Погоната.
10. Удальцова З.В. Особенности экономического, социального и политического развития Византии (IV — первая половина VII в.) // Культура Византии (IV — первая половина VII в.). М., 1984.
11. Чореф М.М. К истории монетного дела византийской Таврики в конце VI — начале VII веков // Мат-лы науч. конф. «Ломоносовские чтения» 2010 года и Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2010» / Под ред. В.А.Трифоновой, В.А.Иванова, В.И.Кузищина, Н.Н.Миленко. Севастополь, 2010.
12. Чореф М.М. «Ab exterioribus ad interiora», или Некоторые недоуменные вопросы истории христианской Таврики // Христианство в регионах мира. СПб., 2011. Вып. 3 (в печати).
13. Grierson P. Byzantine Coins. L., 1982.
14. Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in the Dumbarton Oaks Collection and the Whittemore Collection / Ed. A.R.Bellinger and P.Grierson. Washington, 1968. Vol. II. P. II.

15. *Novellae constitutiones post imperatorem Iustinianum (Ius graeco-romanorum)* / Ed. Zachariae von Lingenthal. Leipzig, 1857. P. III.
16. *Pliny Letters* / Trans. W.Melmoth, Rev. W.M.L.Hutchinson. L., 1924. Vol. II.
17. Sabatier J., Cohen M.H. *Description générale des monnaies Byzantines frappées sous les empereurs l'Orient depuis Arcadius jusqu'à la prise de Constantinople, par Mahomet II. P.*, 1862. T. I.
18. *The Cambridge Ancient History* / Ed. A.K.Bowman, P.Garnsey, A.Cameron. Cambridge, 2007. Vol. XII. — *The Crisis of Empire, A.D. 193—337.*
19. *Thephanis Chronographia* / Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883. Vol. I.

Рис. 1. Медные монеты Ираклия I

1—3 — периода восстания: фоллисы чекана Кипра (1) и Александрии (2), а также деканнумий эмиссии Карфагена (3); 4 — фоллис первого года правления, чекан Константинополя; 5 — фоллис Ираклия I и Ираклия II Константина третьего года правления, чекан Константинополя; 6 — деканнумий Ираклия I, чекан Константинополя; 7 — монета в двенадцать нуммов, чекан Александрии (620-е гг.); 8 — фоллис Ираклия, Ираклия II Константина и Мартины (615—624 гг.), чекан Константинополя; 9 — константинопольский фоллис Ираклия I (630 г.); 10 — фоллис 631—640 гг., чекан Константинополя; 11 — сицилийский фоллис, выпущен в последние годы правления Ираклия I; 12 — константинопольский фоллис 640—641 гг.

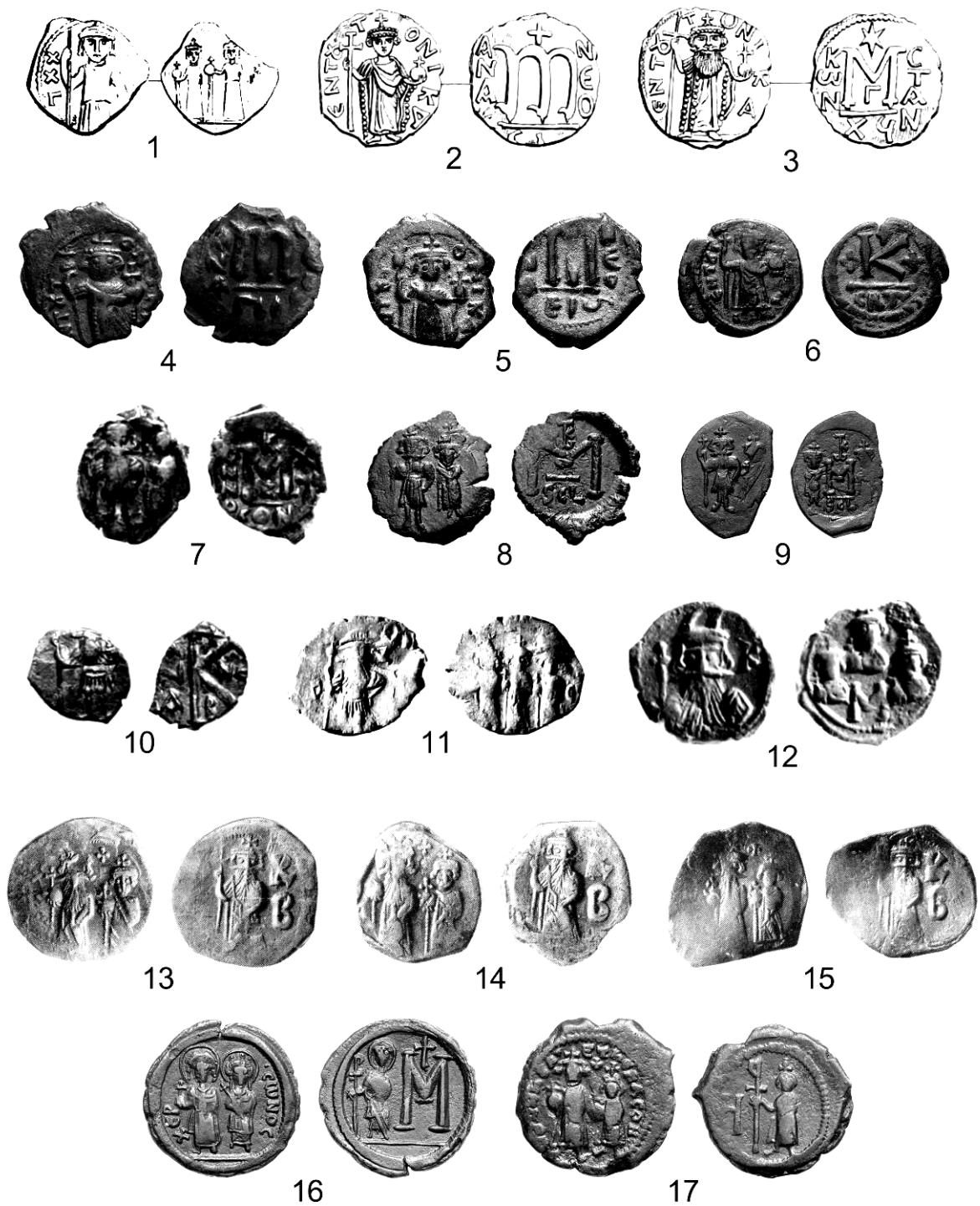

Рис. 2. Медные монеты наследников Ираклия I

1 — фоллис Ираклона; 2—7 — фоллисы Константа II серии «Εν τούτω νίκας», чекан Константинополя; 8, 9 — фоллисы 650-х гг. сицилийской чеканки; 10 — константинопольский гемифоллис 655—656 гг.; 11 — константинопольский гемифоллис 659—668 гг.; 12 — фоллис последних лет правления Константа II, чекан Константинополя; 13—15 — боспорские фоллисы Константа II; 16—17 — таврические фоллисы с изображением св. Юстиниана на реверсе

**ПОНИМАНИЕ ПРИЧИН ОБРАЩЕНИЯ
 В КАТОЛИЦИЗМ И ПРОТЕСТАНТИЗМ
 В ПОЛЕМИКЕ МЕЖДУ КАТОЛИКАМИ
 И ПРОТЕСТАНТАМИ В АНГЛИИ
 ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI —
 НАЧАЛЕ XVII ВЕКА**

**UNDERSTANDING REASONS BEHIND
 CONVERSION OF PEOPLE TO CATHOLICISM
 AND PROTESTANTISM IN DISPUTE
 BETWEEN CATHOLIC AND PROTESTANT
 CHURCHES OF ENGLAND IN THE SECOND
 HALF OF XVI — EARLY XVII CENTURY**

Аннотация. В статье рассмотрены обсуждающиеся в современной британской историографии проблемы определения причин и мотивов переходов в католицизм и протестантизм среди англичан во второй половине XVI — первые десятилетия XVII вв.

Abstract. The article deals with the problems of studying the reasons and motives which led to conversion of people in England to Protestantism or Catholicism in the second half of XVI — first decades of XVII century. These problems are rather actively discussed in contemporary British historiography.

Ключевые слова: протестантизм в Англии в XVI—XVII вв.; английский постреформационный католицизм; религиозная полемика; причины обращения.

Key words: Protestantism in England in XVI—XVII centuries; the English Post-Reformation Catholicism; religious polemics; causes of conversion.

Сведения об авторе: Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории.

About the author: Vladimir Nikolaevich Erohin, doctor of History, professor of the department of Documentation Study and General History.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628616, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б, каб. 310; тел. (3466) 272300.
 E-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

В британской историографии с середины XX в. стали появляться исследования в жанре case-study, в которых обсуждались факторы, влиявшие на определение и поддержание своей религиозной принадлежности отдельными лицами [4]. Ранее для социальной истории в XIX—XX вв. было характерно стремление выявить то, как могли влиять на индивидуальную религиозность те или иные макрофакторы, действие которых проявлялось в рамках всего общества.

С 1970—80-х гг. в британской историографии стала все заметнее проявляться тенденция к тому, чтобы попытаться определить, как в рамках общего социального контекста, побуждавшего индивида сделать тот или иной выбор в определении своей религиозной принадлежности в эпоху Реформации, когда этот выбор стал возможен, тот или иной конкретный человек все же делал свой индивидуальный выбор в пользу протестантизма или католицизма. Как одна из тенденций в эволюции методологических подходов социальной истории в современной британской историографии проявилось стремление историков выявить то, как человек осмысливает свою принадлежность к определенному социальному статусу или к той или иной вероисповедной общности. Заслуживающую внимания работу, посвященную этим проблемам, опубликовал М.Квестьер.

Он привлекает внимание к тому, что в изучении реформационного и постреформационного времени важно попытаться выявить личностную мотивацию в религиозном поведении человека, и стремится проследить, как происходили обращения в католицизм и переходы в протестантизм в XVI—XVII вв. [6]. Британский историк считает необходимым рассмотреть вопрос о том, что заставляло человека думать, что он стал протестантом или католиком, и каковы были цели тех, кто стремился обратить человека в ту или другую религию. Исследование в данном случае перемещается на личностный уровень понимания происшедшего. По мнению М.Квестьера, нуждается в обсуждении также вопрос: или политики использовали реформационные идеи для достижения своих целей, или же распространение

протестантских идей влияло на происходившие политические конфликты, возможно, даже иногда предопределяя их. Ему интересен анализ индивидуальной неопределенности в решении вопроса о принадлежности к тому или иному исповеданию, изучение того, как происходило разрешение религиозных сомнений человека. Это по-новому, как считает М.Квестьер, позволило бы взглянуть на центральные вопросы в изучении истории Реформации.

Британский историк пришел к мнению, что в своем решении стать католиком или протестантом люди могли сознательно руководствоваться и политическими, и религиозными мотивами, так что интерес в исследовании может представлять то, как в сознании человека взаимодействовали политические и религиозные соображения, что можно изучать на примере обращения. М.Квестьер полагает, что в сознании обращенного, если в нем боролись политические и религиозные мотивы, существовало постоянное напряжение, эти мотивы не смешивались, один из них не подчинял другой, они сочетались друг с другом и продолжали действовать каждый из своей сферы. К тому же обращение, считает М.Квестьер, не однажды случившееся событие, а фактор длительного действия в человеческой жизни, и рассуждает о том, что путем изучения «микрокосма обращения» можно попытаться выявить то, как Англия становилась протестантской страной [6. Р. 1—4].

Проблему подсчета обращенных в католицизм в XVI—XVII вв. М.Квестьер называет «неподатливой» — свидетельства здесь очень фрагментарны, тенденции в них уловить сложно. С усилением давления на католиков их число несколько уменьшалось, с ослаблением административного нажима — увеличивалось, но это характеризует, по мнению М.Квестьера, действия самой административной машины, а не религиозные процессы как таковые. Среди протестантов существовал аргумент, что истинная церковь должна увеличивать количество своих приверженцев, и, согласно этому критерию, католическая церковь ему не соответствовала, поскольку в XVI в. число католиков в Европе уменьшалось [6. Р. 8—9].

Историки отмечают трудности в использовании для изучения проблем обращения в качестве источника работ по полемическому богословию, поскольку содержание полемических сочинений касалось, прежде всего, взглядов немногочисленной профессиональной элиты в составе духовенства — это были свои внутренние споры духовных лиц разных деноминаций в рамках христианства, во всей своей полноте непонятные и даже чуждые более широкому кругу [2. Р. 51; 1. Р. 131]. По мнению М.Квестьера, при спорах на религиозные темы на каждый полемический аргумент можно было найти одинаково весомый контраргумент, а письменное слово в XVI—XVII вв. по силе воздействия уступало влиянию диспута или устного выступления.

Вместе с тем, отмечает М.Квестьер, можно утверждать, что у полемических произведений была все же более широкая аудитория, чем только лишь духовные лица и ученые-богословы. Само появление таких произведений в значительных количествах означало в Англии XVI в. существование рынка для такой продукции. При этом следует иметь в виду, что полемика между католиками и протестантами велась в манипулятивной манере — полемисты отстаивали свои доктрины и стремились переспорить оппонента, а не всесторонне проанализировать аргументы противной стороны. Одним из приемов эффективной полемики было стремление превратить в центральный вопрос то, что оппонент не хочет обсуждать по какой-то существенной причине [6. Р. 13, 19, 21]. Как считает Дж. Скарисбрик, католики чувствовали себя победителями в полемике с протестантами, поскольку смогли найти ошибки, умолчания, путаницу у протестантских полемистов. Среди католиков даже были мнения, что, если бы католикам была бы дарована религиозная терпимость, церковь Англии не устояла бы в открытой полемике с ними [11. Р. 180—182].

Как выявили исследователи английской богословской полемической литературы конца XVI — первых десятилетий XVII вв., посвященной пониманию характеристик истинной церкви, истинная церковь должна была быть единой, всеобъемлющей, апостольской и в то же

время видимой, непогрешимой [5. Р. 187—210; 3. Р. 161—178]. Католики в этой полемике стали развивать аргумент, что не нужно бесконечно вопрошать об истинности доктрины католической церкви — этот путь является сложным и запутывающим даже для образованных. Поэтому все, что нужно тому человеку, который еще не принял решения об истинности той или иной церкви, — это проследить непрерывную институциональную преемственность в исповедании веры к временам основания церкви, и в дальнейшем можно быть уверенным в знании, что в этой церкви исповедуется истинная христианская вера. Католики в полемике с протестантами считали полемически эффективным в публичном споре и действенным по своим последствиям обратиться к ним с вопросом: «А где была ваша церковь до Лютера?».

Этот исторический аргумент католики использовали для того, чтобы придать прошлому церкви римско-католический характер, поскольку история католической церкви была непрерывной и преемственной. Те, кто в XVI—XVII вв. переходил в католицизм, обычно упоминали среди мотивов перехода то, что Рим представляет собой видимую преемственную церковь. Протестанты же в полемике противопоставляли им аргумент, что истинная церковь невидима, а также кальвинистский аргумент о том, что в земном воплощении истинная церковь может быть невидима для тех, кто не принадлежит к числу избранных, а церковь сама по себе не может изменить волю Бога относительно принадлежности к числу избранных или осужденных. Единство протестантских церквей мыслилось протестантами как согласие по фундаментальным пунктам доктрины, а не как непосредственное общение в рамках одной церковной структуры. Истинная церковь как невидимая, в протестантском толковании, существовала всегда, определяясь верностью Христу и Писанию, а папистская церковь только затемняла ее своей внешностью, и с этой невидимой церковью протестанты проводили свою преемственность, утверждая даже, что они не лютеране, кальвинисты и тому подобное — они отождествили себя с учениями этих людей, поскольку протестантские духовные лидеры придерживаются истинного учения Христа [6. Р. 32]. При таком подходе получалось, что и в средневековой коррумпированной «папистской» церкви были искренние приверженцы неискаженных истин первоначального христианства, в число которых в истории церкви в Англии попадали Джон Уиклиф и его идейные последователи, лолларды.

Протестантам было труднее убедить оппонентов в том, что нужно ходить в церковь, так как не было полной определенности в том, какую роль, по протестантским понятиям, церковь играет в спасении человека. В протестантской церкви поэтому недоставало дисциплины, и протестантские церкви могли превратиться в совокупность раздробленных конгрегаций. Аргументы протестантского и католического полемического богословия в XVI—XVII вв. не производили, как считает М.Квестьер, однозначно убедительного впечатления в том, что истина находится только на одной стороне, и полемическая литература сама по себе, по его мнению, не давала достаточной причины для обращения, но ее роль заключалась в том, что чтение такой литературы могло посеять мысли, первоначальные сомнения, которые впоследствии могли привести к обращению [6. Р. 34—36].

Обобщая известные факты и мнения историков, М.Квестьер приходит к выводу, что обращения были кульминацией самых разнообразных влияний, которые только могли вывести внутренний мир человека из уравновешенного состояния. Причины обращений можно искать в широком спектре от самых низких мотивов, связанных с материальным благосостоянием и безопасностью, до принципиальных размышлений о том, учение какой церкви можно считать истинным, и к тому же, по христианским понятиям, обращение было также результатом действия благодати. В толковании английских протестантов, переход из римской церкви в протестантизм и наоборот был одним из проявлений процесса, в котором «избранные и осужденные собираются соответственно в Сионе и в Вавилоне», осуществляя Божественный план, а не какие-то решения в своем индивидуальном выборе.

Для убежденных протестантов рекузанство, то есть упорная приверженность католицизму в постреформационный период, когда в Англии утвердился протестантизм, или конформизм были не формально-административными, а духовными категориями. Обращение в свою религию и католики, и протестанты были склонны также преподносить как преодоление одержимости дьяволом.

Католики утверждали также, что протестантское понимание благодати и предопределения, особенно в кальвинистской трактовке, превращало Бога в невысказанного тирана, спасающего и осуждающего людей без учета их дел. Протестантский Бог становился «творцом греха», «монстром предопределения», решения которого об избрании и осуждении превращали людей в марионеток, лишенных всяких следов свободы воли [6. Р. 77, 95, 102].

М.Квестьер считает, что в XVI в. не все религиозные обращения были результатом действия светских по характеру причин, и появились случаи, когда у некоторых людей не было прямой связи между их политическими и религиозными взглядами, хотя у духовенства переход в другое исповедание мог объясняться амбициями, открывающимися карьерными возможностями. Власти в Англии XVI—XVII вв., видимо, стремились обеспечить лишь политически необходимую и приемлемую в церковном отношении степень конформизма в обществе. Католических священников, переходивших в протестантизм, церковь Англии стремилась по возможности хорошо материально обеспечить, чтобы они вновь не отпали от него, пытаясь также использовать бывших католиков в полемике [10; 6. Р. 39—43; 8. Р. 347—360; 7. Р. 45—64; 9; 13].

Официально все должностные лица в государстве и в церкви в Англии были за достижение конформизма, но были отличия в том, какими путями им виделось достижение этого состояния, что, в свою очередь, зависело от того, какое место то или иное лицо занимало в церкви или государственном аппарате. Как обращает внимание М.Квестьер, у английского казначейства в обращении с католиками со временем появился материальный интерес: если для церкви главным было достижение конформизма, казначейство склонялось к тому, чтобы католики регулярно платили штрафы, пополняли финансы государства и не становились конформистами, что стало особенно заметным в первые десятилетия XVII в. по мере того, как в Англии нарастали финансовые проблемы в ходе борьбы монархов династии Стюартов с выходившим из-под контроля парламентом. Давление на католиков по этой причине не доходило до ареста имущества, потому что многие под этой угрозой становились конформистами, а казна теряла постоянно уплачивавшиеся штрафы. Действия церковной и светской властей по отношению к католикам становились более согласованными только в случае обострения политической угрозы со стороны католиков. По мнению М.Квестьера, это одна из причин того, что в Англии сохранился католицизм — мало кто из католиков-рекузантов перешел к искреннему исповеданию протестантизма [6. Р. 162—167].

Умеренные протестанты мягче обращались с католиками, надеясь таким путем эффективнее воздействовать на них. И католики, и протестанты стремились обратить умирающих и преступников в тюрьме и перед казнью [12. Р. 144—167]. Сами тюрьмы и суды католики расценивали как способствующие действию провидения и спасения, но к таким оценкам среди католиков были относительно более склонны иезуиты. При попытках обращения протестантов иезуиты советовали не накалять спор с ними, поскольку ересь — это гордыня, публично отказаться от своих убеждений человеку трудно, и поэтому в разговоре с протестантами считали более эффективным убедительно порассуждать на отвлеченные темы, вопросы спасения, и постараться вызвать интерес к католическим взглядам своими суждениями [6. Р. 188, 199], заронив сомнения в душу протестанта.

М.Квестьер настаивает, что не следует понимать Реформацию только как политический процесс. В XVI в. современники не могли отделить друг от друга политические, церковные, интеллектуальные, евангельские аспекты обращения. Светские политики могли использовать духовных лиц в политических и пропагандистских целях, но верующие считали себя

в первую очередь не сторонниками или противниками государства и церкви Англии, а находящимися под воздействием благодати, вне зависимости, шла ли речь о католиках или о протестантах. Религиозные конфликты этого времени, считает М.Квестьер, полностью непереводимы в политические категории, а переходы из протестантизма в католицизм в Англии в XVI—XVII вв. в основе своей не были политически или полемически мотивированными. К тому же религиозная ситуация в Англии была такова, что ни отпадения в католицизм, ни переход католиков в протестантизм не могли изменить то, как был решен в Англии церковный вопрос по воле королевской власти [6. Р. 201—204]. Английская католическая миссия, действовавшая с 1574 г., когда в страну прибыли первые католические священники-англичане, закончившие семинарии на континенте, не смогла оказать заметное влияние на изменение религиозной ситуации в Англии и возродить католицизм, поэтому английские католики в последней четверти XVI в. связывали свои надежды на католическую реставрацию в стране с иностранной интервенцией, имея в виду, в первую очередь, Испанию. Далее же, начиная с первого десятилетия XVII в., британские историки, изучающие английский постреформационный католицизм, находят в среде английских католиков свидетельства того, что англичане-католики осознали нереальность реставрации католицизма в Англии и стали смиряться с тем, что им впредь придется стать религиозным меньшинством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Aveling J.C.H. The English Clergy, Catholic and Protestant, in the 16th and 17th Centuries // Rome and the Anglicans. Berlin; N.Y., 1982.
2. Aveling J.C.H. The Handle and the Axe. L., 1976.
3. Lake P. The Significance of the Elizabethan Identification of the Pope as Antichrist // JEH. 1980. Vol. 31.
4. McGrath P., Rowe J. The Recusancy of Sir Thomas Cornwallis // Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology. 1961. XXVIII. Part 3.
5. Milton A. The Church of England? Rome and the True Church: The Demise of a Jacobean Consensus // Fincham K.C.(Ed). The Early Stuart Church, 1603—1642. L., 1993.
6. Questier M. Conversion, Politics and Religion in England, 1580—1625. Cambridge, 1996.
7. Questier M. Crypto-Catholicism, Anti-Calvinism and Conversion at the Jacobean Court: The Enigma of Benjamin Carier // JEH. 1996. Vol. 47.
8. Questier M. John Gee, Archbishop Abbot and the Use of Converts from Rome in Jacobean Anti-Catholicism // Recusant History. 1993. Vol. 24.
9. Questier M. Loyalty, Religion and State Power in Early Modern England: English Romanism and the Jacobean Oath of Allegiance // Historical Journal. 1997. Vol. 40.
10. Questier M.C. Sir Henry Spiller, Recusancy and the Efficiency of the Jacobean Exchequer // Historical Research. 1993. Vol. 66.
11. Scarisbrick J.J. The Reformation and the English People. Oxford, 1984.
12. Sharpe J. «Last Dying Speeches»: Religion, Ideology and Public Execution in Seventeenth Century England // Past and Present. 1985. № 107.
13. Walsham A. Church Papists: Catholicism, Conformity and Confessional Polemic in Early Modern England. Rochester, 1993.

**ВОЕННЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ
 В КАЗАХСКУЮ СТЕПЬ: К ВОПРОСУ
 О МЕТОДАХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ
 МЕЖРОДОВЫХ КОНФЛИКТОВ КАЗАХОВ
 В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.
 (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

**MILITARY EXPEDITIONS
 TO KAZAKH STEPPE:
 METHODS OF MANAGING INTERTRIBAL
 CONFLICTS BETWEEN KAZAKHS
 IN THE FIRST HALF OF XIX CENTURY
 (BASED ON ARCHIVAL INFORMATION)**

Аннотация. Статья посвящена изучению политики Российской империи в отношении межродовых конфликтов, раздиравших казахское общество в XVIII — первой половине XIX вв. На основе архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, автор исследует военные экспедиции, которые в совокупности с другими методами способствовали прекращению междоусобиц в Степи.

Ключевые слова: казахи; межродовые конфликты; барымта; Младший жуз; Средний жуз; военные экспедиции; «силовые» методы.

Сведения об авторе: Перфильев Александр Леонидович, кандидат исторических наук.

Место работы: Нижневартовский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 628616, г. Нижневартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. 904 4833510.
 E-mail: delagardi@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the politics of the Russian Empire, with particular regard to intertribal conflicts, which raged in Khazakh communities in XVIII — first half of XIX centuries. Based on the archives, research for the first time used in scientific, the author analyzes military expeditions, which alongside other methods helped end Steppe discords.

Key words: Kazakhs; intertribal conflicts; “barymta”; junior jhuz; middle jhuz; military expeditions; methods of force.

About the author: Alexander Leonidovich Perfiljev, Candidate of History.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

К началу 30-х гг. XVIII в., когда начинается вхождение казахских степей в состав Российской империи, у казахов еще господствовала родоплеменная структура организации общества. Традиционно казахское общество подразделялось на три жуза: Старший (Улы), Средний (Орта) и Младший (Киши). Время их возникновения остается дискуссионной проблемой в исторической науке. Еще в конце XVIII в. автор «Описания всех обитающих в Российском государстве народов» И.Георги указывал, что «никто не запомнит, с каких времен и по каким причинам разделились киргисцы на три орды» [2. С. 177]. По мнению составителей сборника «Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений)» С.К.Ибрагимова, Н.Н.Мингулова, К.А.Пищулиной и В.П.Юдина, первое упоминание о жузах в исторических (в персо- и тюркоязычных) источниках относится к началу XVII в. [6. С. 242—243]. Однако, как утверждает И.В.Ерофеева, если придерживаться данных генеалогических и документальных материалов дореволюционного периода, то ясно прослеживается, что казахские жузы существовали еще задолго до начала XVII в. [4].

С середины XVIII в. в связи со все более углублявшимися процессами децентрализации трех казахских жузов, ослаблением ханской власти, усилением барымты в Казахстане обостряются межродовые усобицы. Особенно ожесточенными они были в Младшем жузе, чему способствовали восстание Срыма Датова и борьба за власть между султанами и родовыми старшинами в 70—90-е гг. XVIII в. Междоусобицы усугублялись еще и тем, что в традиционном казахском кочевом обществе еще сильно был развит институт кровной мести, а сами конфликты зачастую сопровождались неоправданной жестокостью.

Вплоть до 20-х гг. XIX в. российские власти старались избегать прямого вмешательства во внутренние дела казахов, придерживаясь общего курса «...как можно менее входить во внутренний распорядок киргизов, ... [предоставив] им управляться и ведаться внутри

степи своими обычаями» [8. С. 172]. Но со временем к российской администрации приходит понимание того, что межродовые конфликты прямо влияют на обстановку на русско-казахской границе, провоцируя «обиженные» рода нападать на пограничную линию. Кроме того, из-за напряженной обстановки в Степи нарушалась транзитная торговля с ханствами Средней Азии, и падало влияние России в самих казахских кочевьях. Поэтому российские власти начинают искать способы прекращения усобиц и стабилизации положения в казахских жузах [3. С. 213—214].

В 1823 г. в инструкции МИДа, данной начальнику военной экспедиции Ф.Ф.Бергу, предписывалось собрать сведения о том, «существуют ли какие-либо родовые между ими (казахами. — *А.П.*) распри, и какими средствами всего удобнее можно было бы склонить их к примирению, обеспечив оное на долгое время» [7. С. 499]. В июле 1825 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д.Горчаков предписал Омскому начальнику С.Б.Броневскому составить краткую выписку по всем делам о барымте и грабежах казахов с 1819 г. [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 605. Л. 1]. Поручение было дано с целью выявления масштабов и причин усобиц в Степи и разработки мер для их прекращения.

Естественно, что первоочередными мерами по прекращению конфликтов между казахами стало использование «силовых» методов. В XVIII — первой половине XIX вв. сибирские и оренбургские власти широко использовали практику так называемой «пограничной баранты» или репрессалий, когда в ответ на набеги казахов в их кочевья посылались военные отряды «для отмщения» и «возвращения похищенного».

С начала XIX в. в кочевья казахов стали отправляться отряды, целью которых было прекращение усобиц самих казахов путем насильственного возвращения похищенного и угнанного скота «обиженным» родам. Первые упоминания об этой практике содержатся в документах начала XIX в. В 1804 г. командир Илецкой защиты майор Матерн, отвечая на просьбу султана Ширгазы о возвращении угнанных у него 44 лошадей, послал в степь военный отряд [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 206. Л. 27]. В течение 10-х — первой половины 20-х гг. XIX в. для обеспечения безопасности хана Младшего жуза от нападений сторонников Каратая или Арынгазы (а также от обычных барымтачей) при нем практически постоянно находился отряд казаков [7. С. 299].

Использование практики отправки в Степь военных отрядов для усмирения враждовавших родов продолжилось и после отмены ханской власти в жузах. Так, в августе 1826 г. султан-правитель Западной части Младшего жуза Шингали Урманов с отрядом, состоявшим из 3000 казахов и 500 уральских казаков при двух орудиях, отправился вглубь казахских кочевий «для усмирения беспокойных и злонамеренных киргиз» [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 107. Л. 8].

Оренбургский военный губернатор П.П.Сухтелен обосновывал эти жесткие меры в письме министру иностранных дел К.В.Нессельроде в сентябре 1830 г. следующим образом: «Главнейшие мои заботы состояли в том, чтобы хищные киргизы, почуяв сделанное ими злодеяние, не могли и думать, что останутся без наказания за оное» [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 135. Л. 6 об. — 7].

Подобная политика проводилась и в сибирском ведомстве. В отчете Каркаралинского окружного приказа от 1824 г. указывалось, что отправка в Степь военных команд «для возвращения просителю собственности и охранения личной его безопасности ... производят ныне самый желаемый успех — постепенное усмирение дикого к барантам, по наследству от предков, народа». Но особо отмечалось, что воинские отряды посылались в Степь только по просьбам самих султанов и старшин, при этом обо всех подобных случаях докладывалось начальству. Сами же военные команды действовали только «для содействия к получению обратно похищенного имущества, имея преимущественно в виду возстановление тишины и спокойствия между необразованной толпой ордынцев». Командиры военных отрядов снабжались инструкциями о необходимости «безпристрастного разбирательства»,

а по возвращении из Степи они были обязаны подать в приказ подробный рапорт «о надлежащем исполнении данных им поручений» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 7—8 об.].

Главное отличие этих разбирательств от будущих съездов 1830—1860-х гг., на которых также рассматривались дела по обычному праву, заключалось в том, что в этот период даже для удовлетворения одного иска требовалось командирование в Степь целой воинской команды, что признавало и само приказное начальство: «не предвидится, чтобы разбирательства по барантам ныне могли быть решаемы без употребления на сей конец, хотя бы одного или двух посланных в киргизские аулы военных людей» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 12—12 об.].

Местные сибирские власти настаивали на сохранении практики посылки военных отрядов в Степь (но обязательно по просьбам казахского начальства). Отказ от этого, считали в Каркаралинском приказе, мог быть расценен кочевниками как свидетельство слабости русской власти в Степи, а также «нельзя будет успеть в судебном первоначальном устройстве округа; без сих непосредственных агентов [т.е. русских военных] и нельзя будет иметь настоящее сведение как о духе народном, равномерно и о расположении его вообще к водворению. Ни на усердие старшего, ни на волостного султана никак еще с твердостью положиться невозможно» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 13—13 об.].

В обоснованности выводов окружного начальства, на месте столкнувшегося с проблемами урегулирования междоусобиц казахов, можно убедиться при анализе дел, решенных методами, которые были предложены местными властями.

В марте 1824 г. у заседателя окружного приказа Улжебая Уртавова и подведомственных ему аулов Кучум-Каракисетской волости было угнано до 400 лошадей. Посланный в Степь для разбирательства урядник Рязанцев вернулся обратно, т.к. султан-ответчик Каратай выступил «за миролюбивое решение без всякого письменного производства по степному заведению» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 15—15 об.]. Таким образом, даже сама угроза отправления военного отряда для удовлетворения иска потерпевшей стороны заставляла обидчиков решать спорные дела миром.

В августе 1824 г. казахи Байбурунской, Кучумовской и Тараклинской волостей угнали у султана Абулмамета Букеева и подведомственных ему казахов Каракисетской волости до 500 лошадей. Посланный в Степь отряд из 30 человек под руководством урядника Козырева вернул скот обратно. В сентябре 1824 г. казахи Чор-Каракисетской волости угнали у казахов-алтаевцев «лошадей в значительном числе». Для разбирательства был отправлен отряд того же Козырева в составе 40 казаков, «вследствие чего возвращены угнанные лошади и удовлетворены просители по обоюдному согласию» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 16—16 об.].

Еще в сентябре 1820 г. казахи Сарымской, Кулюковской и Утемишевской волостей напали на владения султана Газы Букеева, угнав у него 82 лошади, 16 верблюдов и до 2400 баранов. В сентябре 1824 г. по распоряжению Каркаралинского окружного приказа был командирован в степь мулла Салих Сагитов, толмач Михайлов и команда из 10 казаков с урядником. В результате истец получил в удовлетворение своей претензии 19 баранов, одного верблюда и 5 лошадей, «каковым решением дело сие приведено к окончанию».

Бии Чанчаровской и Каракисетской волостей обратились в октябре 1824 г. в окружной приказ за разрешением спора с казахами Чор-Каракисетской волости, которые «в давно прошедшее время» угнали у них до 3500 лошадей. В степь был командирован сотник Давыдов с командой в 35 человек. По решению биев с казахов Чор-Каракисетской волости было взыскано в удовлетворение истцов 2700 лошадей и 77 верблюдов.

В 1823 г. барымтачи Тобуклинской волости угнали «значительное число» рогатого скота и баранов у казахов Канжигалинской волости и до 40 лошадей у казахов Чор-Каракисетской волости. Для разбирательства были посланы: в Канжигалинскую волость урядник Путинцев, в Тобуклинскую — урядник Быков с сыном султана Батыра Ачимантаем (Батыр

Букеев был управляющим Чор-Киргизской волости). Сам факт появления военного отряда в Степи заставил барымтачей вернуть похищенное «миролюбивым образом, по степному обычаю» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 360. Л. 17—19 об.].

В октябре 1826 г. в Каркаралинский окружной приказ обратился временный управляющий Дадан-Тобуклинской волостью ходжа Сарыкул Садырхожин, который «для порешения междоусобных претензий» между тобуклинцами и коянши-тогайцами просил командировать нескольких казаков. В ответ на эту просьбу Каркаралинский окружной приказ дал предписание начальнику военной стражи Каркаралинского округа сотнику Карбышеву назначить урядника с несколькими казаками для отправки в «беспокойную» волость [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 448. Л. 3—3 об.]. Однако на этот раз С.Б.Броневской не согласился с отправкой военного отряда, вынеся вердикт: «Не могу изъявить согласие на командирование казаков в Дандан-Тобуклинскую волость по удаленности кочевков от приказа» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 448. Л. 7]. Хотя отряд так и не был послан, но слух о его возможной отправке произвел эффект на виновных в отгоне лошадей скота — они отделились от границ, не желая возвращать похищенное и опасаясь уголовного преследования.

В первой четверти XIX в. большую активность проявляли казахи Козганской и Туртукульской волостей. Только за период с 1819 по 1824 гг. они угнали у казахов других волостей свыше 2 000 лошадей [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 363. Л. 10, 11 об., 12, 14 об., 17 об., 20—20 об., 21 об.]. В декабре 1824 г. начальник Омской области С.Б.Броневской обратился с воззванием к султанам, биям, старшинам и почетным казахам Туртукульской и Козганской волостей, в котором он упрекал их в том, что «в киргиз-кайсацкой степи появились многия беспокойные люди, которые, производя баранту и даже убийства, не раскаялись поныне в своих преступлениях; а родона начальники их сами подавали повод к тому или не хотели удерживать от сего. По таковым беспорядкам не малое число киргиз доведены до совершенного разорения и нищеты, оставлены без дневного пропитания». Теперь же, когда, по словам омского начальника, «воплъ и жалобы разоренных от баранты киргиз достигли наконец до верховного правительства», готовится к выступлению в Степь «императорское войско» для «усмирения непослушных». Давая последний шанс враждующим родам на примирение, С.Б.Броневской обещал, что если и на этот раз не будут удовлетворены взаимные иски, то «вслед за сим вступит к вам команда для взыскания всего, что было отнято и пограблено сильным у слабого» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 363. Л. 23—24 об.].

Данное послание должно было быть прочитано публично в аулах Туртукульской, Козганской, Кылды-Караульской и Ногай-Караульской волостей в течение 25 дней. Чтобы казахи были уверены, что данное донесение исходит именно от начальства, советовалось, чтобы его зачитывали грамотные татары и муллы. Начальнику Каркаралинского окружного приказа Елгину было поручено выехать в урочище Кызылтау, чтобы предупредить казахов о скором появлении казачьей команды, которую они не «должны опасаться, и даже наоборот, могут идти навстречу к команде, если узнают, что она выступила в степь и есть ли имеют претензии на Туртукульскую и Козганскую волости» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 363. Л. 25—26 об., 29—29 об.].

Отдельно С.Б.Броневской обратился к наиболее влиятельному бию Туртукульской волости Чону Идигину с требованием удовлетворения всех претензий, в противном случае начальник Омской области обещал «нарядить в подведомственную вам волость военную команду для взыскания ограбленного в разные времена скота и имущества» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 605. Л. 58—58 об.].

Параллельно с обращениями к знатным и влиятельным ордынцам враждовавших родов С.Б.Броневской отдал приказ о подготовке двух военных отрядов, каждый в составе трех эскадронов, 50 пеших стрелков и двух конных орудий. Один из отрядов формировался в форпосте Песчаном под командованием полковника Парерацкого, а другой в крепости

Пресновской под командованием бригадного командира майора Симанова [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 363. Л. 31].

Начальник Каркаралинского окружного приказа Елгин, по приказу отправившийся в урочище Кызылтау, докладывал с места, что новость об отправке военной команды была воспринята казахами спокойно. Более того, к урочищу Кызылтау для «миролюбивого между собою с каракисецкими волостями по прежним своим барантам решения» прибыли султан Нуралы, Абет и бий Чон Идыгин из Туртукульской волости. Сами бии и султаны Туртукульской и Козганской волостей писали С.Б.Броневскому, что готовы удовлетворить претензии «по справедливости».

Однако не все казахи встретили посланников сибирской администрации благосклонно. Бий Туртукульской волости Туруайгыр прямо говорил одному из чиновников: «Я с Россией никаких сношений не имею, у нас в волости воров нету, лошадей не угоняли, а есть ли России угодно отобрать силою оружия, так мы сами без такового не отдадим». Бий несколько раз бросал письмо от войсковой канцелярии на землю, говоря, что Россию «знать не хочет». Тем не менее, угроза появления военного отряда в Степи и увещевания местных властей заставили биев враждовавших родов удовлетворить иски по взаимным угонам скота. Потребность в военном давлении, таким образом, отпала, и приказ об отправке казачьих команд был отменен [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 363. Л. 81, 107—107 об., 137—137 об., 147, 150—150 об.].

В продолжение своей политики в 1831 г. С.Б.Броневской обратился к Сибирскому Комитету с ходатайством о разрешении командировать военные отряды для разбора межродовых споров казахов за пределы округов Среднего жуза и даже на территорию Старшего и Среднего жузов [5. С. 255]. Это предложение противоречило действовавшему законодательству. Согласно § 65 и 66 «Устава о сибирских киргизах» преследование казахов внешних округов, виновных в барымте, было запрещено, если они уходили в другие округа [8. С. 98—99]. Мотивировал свою просьбу начальник Омской области тем, что «ограбленные киргизы, теряя надежду на возвращение своей собственности, пушаются сами на баранту, и даже некоторые волости убежали из округов единственно от сей причины» [5. С. 255].

Необходимо отметить, что между сибирским и оренбургским ведомствами существовало определенное соперничество, вызванное и разными подходами в управлении Младшим и Средним жузами, и личными неприязненными отношениями между губернаторами двух регионов. Однако в вопросах, касавшихся преследования казахов, виновных в бырымте, совершенной в пределах «чужого» жуза, чиновники обоих ведомств пытались проводить согласованную политику.

В качестве наглядного примера удачного взаимодействия местных властей можно привести дело, возникшее в 1835 г. между казахами Младшего и Среднего жузов. Летом 1835 г. казахи кыпчакского рода Младшего жуза, подведомственные султану Джанторе Джигангерову, отбарантовали у казахов Кокчетавского приказа Среднего жуза до 3000 лошадей. В октябре того же года у баимбетовцев Кыпчаковской волости было угнано еще 700 лошадей. При нападении был убит почетный бий Алыпкаш Наков, а 7 человек захвачено в плен [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 866. Л. 3]. Старшина Атагаевской волости Джингара Байтокин обратился к омскому начальству командировать вместе с ним нескольких казаков «для решения с виновными по киргизским обычаям».

Ввиду того, что в барымте были виновны казахи оренбургского ведомства, сибирское пограничное начальство обратилось в ОПК с просьбой посодействовать возвращению баимбетовцам лошадей. Пограничная комиссия, в свою очередь, в январе 1836 г. дала султану-правителю Восточной части Младшего жуза Чутаю Бахтыгирееву поручение «учинить разыскание и, буде окажется оное справедливым, то захватить виновных и возвратить похищенное» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 866. Л. 1—1 об., 7, 8—8 об.].

В итоге для решения междоусобных претензий было решено направить в кочевья кипчакского рода султана-правителя Чутая Бахтыгиреева, старшину «обиженной» стороны Джингару Байтокина, которых сопровождал отряд казаков. Но, прибыв на место, делегация переговорщиков подверглась нападению кыпчаков, которые, потеряв одного человека убитым, «рассеялись и обратились в бегство». При повторном посещении исенгул-кыпчакского рода претензии старшины Байтокина были все же удовлетворены сполна «частью скотом, частью же деньгами, всего на сумму 45 591 рубль» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 866. Л. 35—36 об., 44].

При направлении в Степь военных отрядов, целью которых было прекращение межродовой барымты, существовала реальная опасность военных действий против невинных родов. Для предотвращения этой угрозы, а также с целью выявления ложных доносов в оренбургском ведомстве местное начальство в своих инструкциях требовало от султанов-правителей, чтобы те в рапортах о межродовых усобицах всегда указывали следующие пункты:

- точное время и место нападения;
- точные сведения о том, кто подвергся нападению, сколько при нападении было раненых и убитых;
- точное количество нападавших;
- точные данные о ходе нападения, «каким образом происходил отгон скота».

Особо оговаривался пункт о наличии доказательств для вынесения приговоров виновным [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1931. Л. 4—4 об.].

Данные инструкции были не излишними. Например, в марте 1829 г. управляющий жагалбайлинским родом султан Медетгали Турдагалиев сообщил в ОПК, что в феврале 1829 г. на кочевки биев жагалбайлинского рода напали казахи кипчакского рода и угнали 7 773 лошади. В апреле того же года ОПК предписала султану-правителю Восточной части жуза Джанторе Джигангерову узнать подробности угона и, «если окажется справедливым донесение, то с возможной скоростью возвратить забаратованных лошадей». В июне 1832 г. выяснилось, что «лошадей никогда отбарантованных не было» [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1885. Л. 1, 2—2 об., 10].

Следует указать, что отправке в Степь военных отрядов, как правило, предшествовали воззвания местного начальства к враждующим сторонам с призывом к примирению. В этих призывах русские власти пытались внушить казахам мысль о том, что межродовые распри являются уже государственным преступлением, которое «карается со всей строгостью закона». Некоторые из подобного рода воззваний, принадлежащих С.Б.Броневскому, мы уже приводили выше. В качестве примера можно также привести обращение председателя ОПК Г.Ф.Генса, направленное в сентябре 1831 г. биям шектинского и шомекеевского родов с призывом договориться по всем взаимным претензиям. В противном случае чиновник угрожал, что враждующие рода останутся «у начальства на замечании как люди неблагонамеренные» [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1899. Л. 8—8 об.].

Другой пример — обращение М.В.Ладыженского, сменившего Г.Ф.Генса на посту председателя ОПК. Когда весной 1847 г. барымтачи рода торткара угнали 700 лошадей у казахов аргынского рода, он направил старшинам беспокойного рода ультиматум с требованием изъявления покорности правительству и возвращения угнанного скота.

Такие ультиматумы, если не были подкреплены угрозой военных санкций, обычно не действовали, и бии шекты и шомекей оставили обращение Г.Ф.Генса без ответа. Однако уже в конце 40-х гг. XIX в., когда позиции России в Казахстане значительно укрепились, игнорировать русские власти решались далеко не все. Так, старшины торткара вынуждены были в ответ на призыв М.В.Ладыженского удовлетворить иск аргынов (правда, вернули далеко не все, только 81 лошадь) [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 448. Л. 51—52 об.].

С середины 30-х гг. XIX в. российские власти старались ограничивать практику отправления военных отрядов в Степь для разбирательства дел по взаимным претензиям казахов, признавая ее даже «во многих отношениях вредной» [11. С. 74]. Изменение политики было вызвано несколькими причинами, среди которых и сложность организации (особенно в зимнее время), и затратность военных экспедиций вглубь кочевий, и людские потери среди казахов во время преследований барымтачей.

В июне 1834 г. сибирское военное начальство отдало приказ омскому областному начальнику о запрете командировок в Степь для разбирательства дел по частным искам между казаками, «ибо они служат одним только отягощением для казахов, да и в такую даль, как сия командировка, люди не иначе могут быть посланы как по самой крайней необходимости». Приказ был издан после того, как в Козганскую волость был послан отряд в составе 10 казахов, одного урядника и губернского секретаря Киржацкого по жалобе об угоне скота у биев Кубея Каменова и Акамбая Джанузакова на сумму 13 865 рублей [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 444. Л. 50].

В декабре 1835 г. Омское областное правление обратилось к западносибирскому генерал-губернатору с просьбой о разрешении посылки в Степь отрядов казахов к независимым от России казахам «для разбирательства в претензиях верноподданных казахов». Но губернатор повторил свой июньский приказ, добавив, что «приказы не могут предпринимать никаких военных экспедиций, к тому же, неоднократные примеры происходивших убийств наших казахов в степи убеждают более всего на воспрещение подобных командировок» [10. Ф. 338. Оп. 1. Д. 444. Л. 98].

Но главная причина ограничения практики использования военной силы была связана с угрозой возмущения казахов действиями казачьих отрядов. Как образно подметил еще в 1816 г. командующий Отдельным сибирским корпусом Г.И.Глазенап, «частые, почти ежемесячные, отправления в степь казачьих отрядов для разбора баранты сопровождалась всегда самоуправством и жалобами так, что *сия расправа была хуже самой тяжбы*» [1. С. 53].

Оренбургские власти, обычно выступавшие за сохранение автономии казахов, также пытались избегать использовать военную силу для разрешения межродовых конфликтов (следует отметить, что более насущной задачей для оренбургской администрации в тот период было прекращение нападений на саму пограничную линию). В августе 1838 г. оренбургский военный губернатор В.А.Перовский предписал ОПК, чтобы все междоусобные дела казахов были поручены самим же казахским начальникам. Только по наиболее важным делам разрешалось передавать спорные дела на рассмотрение ОПК «с объяснением причин необходимости разбора дел именно там» [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4679. Л. 101 об.].

В ноябре 1845 г. председатель ОПК М.В.Ладьженский в связи с постройкой двух новых укреплений, Оренбургского и Уральского, обратился к оренбургскому военному губернатору с просьбой подчинить эти укрепления ОПК, «без разрешения и наставления которой они не должны действовать ни против киргизских мятежников, ни вмешиваться в дела мирных ордынцев» [10. Ф. 4. Оп. 1. Д. 395. Л. 2 об.].

Местные колониальные власти стали возлагать функции урегулирования межродовых усобиц на самих казахов, в первую очередь, на казахскую верхушку — султанов, родоправителей, старшин, которые теперь выполняли функции российских администраторов. Так, в сентябре 1847 г. до Оренбурга дошли слухи, что в Степи появились «хищнические шайки» численностью в 100 человек, которые нападали на казахов, занимавшихся земледелием, и, кроме того, грабили торговые пути с намерением прервать сообщение между Оренбургом и степными укреплениями. Однако ОПК приказала отправить не отряд казахов, на который «нужны средства, и его могли бы недружелюбно встретить мирные киргизы», а сформировать легкий отряд из 100 казахов и уже его силами разгромить «шайки» [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 183 б. Л. 30 об.— 32].

Совсем отказаться от практики отправления казаков в Степь все же не получалось. В апреле 1847 г. казахи кабакского рода численностью 52 человека угнали у казахов рода торткара 950 лошадей, захватив в плен 5 человек. В данном случае пограничному начальству пришлось послать отряд из 80 казаков, которому удалось «отбить все захваченное» и вернуть пленных [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 183 б. Л. 36—36 об].

В апреле 1846 г. для прекращения «всяких неприязненных столкновений» между оренбургскими и сибирскими казаками был опробован другой метод. В аулах, кочующих по реке Тургай, были сформированы постоянные разъезды численностью от 100 до 150 прилинейных казахов под начальством управляющего узинского отделения хорунжего бия Байгуджи Яшгурчина. На них была возложена обязанность разъезжать по дальним аулам, «стараясь разъяснить киргизам гибельные последствия междоусобий и имея при том неослабное наблюдение за спокойствием в кочевьях». Кроме того, разъезды должны были сообщать на линию любые сведения о «появлении мятежников». ОПК признала эту практику достаточно эффективной, т.к. уже в июле начальнику наблюдательной команды удалось вытеснить из пределов Младшего жуза «шайку сибирских барантовщиков» [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 183 а. Л. 267—267 об.].

Наряду с этим в 40-е гг. XIX в. ОПК также стала активно использовать практику посылки в Степь в летнее время султанов-правителей с военными отрядами в составе 200 уральских или оренбургских казаков. Вводя эту практику, ОПК руководствовалась сообщением, что «вообще ближайшее наблюдение за поступками киргиз среди кочевьев и быстрое преследование всякого совершенного неблагонамеренными ордынцами преступления с доставлением обиженным немедленно удовлетворения можно считать безошибочно главнейшими средствами к водворению спокойствия в Орде и ее благоустройства» [9. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 215. Л. 16]. Данная мера тоже имела определенный эффект: султанам-правителям в ходе летних передвижений по подведомственным им территориям удавалось на месте разрешать многие конфликты.

Таким образом, практику отправления в Степь военных отрядов, которым вменялось принуждать виновные рода удовлетворять иски потерпевшей стороны, можно признать достаточно эффективной, но с середины 30-х гг. российские власти стали ограничивать использование этого метода, поскольку появление военных отрядов в Степи всегда ассоциировалось у казахов с военной угрозой. Более эффективной оказалась мера использования традиционных институтов казахского кочевого общества, при котором учитывались особенности общественного устройства казахов, их менталитет и т.п. Одной из наиболее удачных и действенных мер стала организация съездов султанов, биев, родовых старшин враждующих родов, которые под надзором правительственных чиновников должны были «полюбовно» уладить все споры. Данные меры способствовали тому, что к началу 60-х гг. XIX в. межродовые конфликты казахов практически прекратились.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асеев А.А. Политика России в отношении восстания Кенесары Касымова 1837—1847 гг. (региональный аспект): Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004.
2. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов // Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алматы, 1997. Сб. 1.
3. Горбунова С.В. Барымта у казахов и ее прекращение // Северный регион: наука, образование, культура. 2001. № 1.
4. Ерофеева И.В. Основы организации кочевого общества. URL: http://www.ca-c.org/journal/12-1997/st_15_erofeeva.shtml
5. Казахско-русские отношения в XVIII—XIX вв. (1771—1867 гг.). Сб. док. и мат-лов. Алма-Ата, 1964.
6. Материалы по истории Казахских ханств XV—XVII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.

7. Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828). М.; Л., 1940. Т. 4.
8. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Алма-Ата, 1960. Т. I.
9. Российский государственный исторический архив.
10. Центральный государственный архив Республики Казахстан.
11. Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией // Материалы для описания Хивинского похода 1873 г. Ташкент, 1881.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 338.43.02:94(47).08

Л.В.Алексеева
Нижевартовск, Россия

L.V.Alekseeva
Nizhnevartovsk, Russia

**КРОТТ И.И. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО:
ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И ПРАКТИКИ
В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ
СИБИРСКОГО ОБЩЕСТВА (1914—1920 гг.)**

**I.I.KROTT. RURAL ENTREPRENEURSHIP:
BEHAVIORAL PATTERNS AND
STRATEGIES AMIDST THE
TRANSFORMATION OF
SIBERIAN SOCIETY (1914—1920)**

Аннотация. Рецензия на монографию: Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914—1920 гг.). Омск: Издательство Омского государственного педагогического университета, 2010. 336 с.

Abstract. Review of the book: Krott I.I. Rural entrepreneurship: behavioral patterns and strategies amidst the transformation of Siberian society (1914—1920). Published by Omsk State Pedagogical University Press in 2010.

Ключевые слова: сельскохозяйственное предпринимательство; капитализация; частновладельческое хозяйство; арендаторское хозяйство; земельные комитеты; советизация; совхозы.

Key words: agricultural entrepreneurship; capitalization; privately held farms; land committees; sovietization; state-owned farms.

Сведения об авторе: Алексеева Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

About the author: Lubov Vasiljevna Alekseeva, doctor of History, professor of the department of history of Russia.

Место работы: Нижевартовский государственный гуманитарный университет.

Place of employment: Nizhnevartovsk State University of Humanities.

Контактная информация: 628616, г. Нижевартовск, ул. Мира, д. 3б; тел. (3466) 273510.
E-mail: roshist@mail.ru

В контексте меняющегося мира, возврата России к рыночной экономике возник интерес к изучению истории предпринимательства, появилось новое научное направление, в рамках которого и выполнено исследование сельскохозяйственного предпринимательства в различных регионах страны, в том числе Сибири, игравшей и играющей важную роль в социально-экономической жизни России. Появление новой книги И.И.Кротта в связи с этим может только приветствоваться.

Монография посвящена изучению истории развития сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири 1914—1920 гг. На основе социокультурного подхода и с учетом региональной специфики осуществлен анализ основных направлений деятельности, форм и методов хозяйствования, раскрыты стратегии поведения сельских предпринимателей в условиях социально-экономических трансформаций первых десятилетий XX в. Монография предназначена исследователям, преподавателям вузов, специалистам в указанной предметной области.

Автор монографии, Иван Иванович Кротт, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета. Научные интересы связаны с историей экономики и предпринимательства Западной Сибири конца XIX — первых десятилетий XX в. Автор более 100 научных публикаций. Основные работы, в числе которых монография «Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX — начале XX века» отражают проблемы истории сельскохозяйственного предпринимательства в указанных хронологических рубежах.

Перед автором работы стояли задачи выявления и характеристики особенностей развития сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири в 1914—1920 гг.

Монография четко структурирована, помимо предисловия и заключения имеет три главы, приложения, снабжена списками источников, литературы, иллюстрациями и фотографиями, а также указателем имен сельскохозяйственных предпринимателей Западной Сибири.

Первая глава носит теоретический характер и дает представление о степени научной разработки темы, источниках, методологии. Вторая глава рассматривает сельскохозяйственное предпринимательство в период с конца XIX в. до февраля 1917 г., а третья — в годы революции и Гражданской войны, следовательно, автор выбрал способ проблемно-хронологического построения фактографического материала.

Автор, к сожалению, не поясняет смысл понятия «сельскохозяйственное предпринимательство», но судя по отдельным его характеристикам, речь идет о крестьянских хозяйствах, осуществлявших коммерческую деятельность, активно участвовавших в рыночных отношениях. Из первого параграфа второй главы не становится ясным, сколько было подобных хозяйств в Сибири, какова их доля к общему числу крестьянских хозяйств региона. Не исследована капитализация хозяйств, ее источники и оборот. Не достаёт в исследовании и экономической теории в объяснении признаков хозяйств, которые могли бы быть отнесены к предпринимательскому типу. Наконец, какова роль этого типа хозяйств в сельскохозяйственном производстве Сибири, также не совсем ясно.

Второй параграф даёт представления о сельском хозяйстве в целом в годы Первой мировой войны, таким образом, его содержание вступает в своего рода конфликт с общей концепцией работы; вероятно, общую характеристику сельского хозяйства в указанных хронологических рубежах (1914—1920 гг.) и следовало рассмотреть, но, на наш взгляд, наиболее целесообразно было выделить в отдельную главу, а затем уже изучить как отдельное явление предпринимательство, т.е. соблюдая принцип «от общего — к частному».

Третий параграф повествует о сельскохозяйственном предпринимательстве в годы Первой мировой войны. Автор оперирует понятиями «частновладельческое хозяйство», «арендаторское хозяйство», относя их к предпринимательским. Разнообразие фактического материала позволило автору выделить ряд сюжетов, изучить некоторые сегменты хозяйств: размеры посевов, обеспеченность сельскохозяйственными орудиями и техникой, сельскохозяйственное производство и его сбыт и др., но опять-таки не удалось выявить численность хозяйств предпринимательского типа.

Выводы по главе в целом отражают представленные процессы в той мере, в которой они рассмотрены.

Первый параграф третьей главы содержит обширный материал, характеризующий политическую, экономическую обстановку в Западной Сибири, деятельность земельных комитетов, но не отражает в достаточной мере положение предпринимательских хозяйств. Во втором параграфе рассматриваются некоторые аспекты советизации сибирской деревни, деятельность земельных органов по проведению аграрных преобразований, отмечается появление первых советских хозяйств в деревне. В третьем параграфе описывается положение в сельском хозяйстве в годы антибольшевистских правительств, констатируется распространение таких явлений, как земельные захваты, изъятие сельскохозяйственного оборудования, животных, грабежи. Автор заключает, что все это отрицательно отразилось на развитии предпринимательских хозяйств, с чем стоит согласиться. В четвертом параграфе главы рассмотрению подлежат некоторые проблемы сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири во второй половине 1919 — начале 1920 гг. И.И.Кротт справедливо обращает внимание на корректировку аграрной политики советской власти, реализуемую Сибревкомом. Автором замечено, что в указанный период новая власть приступила к учету и обследованию частновладельческих имений, а также культурных и показательных хозяйств. Содержится утверждение, что значительная часть имевших нетрудовой характер хозяйств была национализирована и использована для создания совхозов.

Приведены примеры ущерба, нанесенного хозяйствам в годы революции и Гражданской войны. В результате сделан вывод об ослаблении позиций предпринимательских хозяйств. В новых условиях опыт предпринимателей оказался невостребованным, подчеркивает автор, что и привело к их ликвидации в начале 1920 г.

Общие выводы по рецензируемой монографии.

Работа является, вне всякого сомнения, оригинальной, она построена на архивных источниках, содержит новые, порой уникальные факты, особенно касающиеся сельских предпринимателей.

Однако исследование выполнено без учета экономической теории, и в этом его уязвимость, это не позволило автору выделить признаки хозяйств предпринимательского типа и осуществить детальную их характеристику, выявить их численность и установить значение в экономике Западной Сибири.

Монография содержит значительно более широкие возможности для познания аграрной истории Западной Сибири, нежели это отражено автором в ее заголовке.

К сожалению, автор не обратился к наследию аграрных симпозиумов, что, безусловно, положительно повлияло бы на содержание и композицию исследования.

В целом, научное сообщество получило добротный труд, помогающий осмыслить некоторые явления аграрной истории Сибири с позиций социокультурной истории. Но в большей мере он способствует постановке новых задач, открывает перспективы для дальнейшего изучения аграрной истории Сибири на основе междисциплинарного подхода. Автору хочется пожелать творческих успехов и новых открытий.

Уважаемые коллеги!

Издательство Нижневартковского государственного гуманитарного университета приглашает ученых, преподавателей, сотрудников научно-исследовательских институтов и лабораторий, аспирантов, соискателей опубликовать результаты своих исследований в области гуманитарных, естественных и технических наук.

«Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета» — периодическое научное издание. Журнал выходит ежеквартально.

Тематические выпуски издания:

- «Исторические науки»
- «Филологические науки»
- «Естественные науки и науки о Земле»
- «Культурология. Философия. Социология»
- «Психологические и педагогические науки»
- «Физико-математические и технические науки»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия; свидетельство о регистрации № ФС77-26062 от 25.10.2006 г.

«Вестник Нижневартковского государственного гуманитарного университета» зарегистрирован в ISSN реестре:

ISSN 2070-7274 (печатная версия журнала);

ISSN 2304-0440 (электронная версия журнала).

Журнал включен в Каталог российской прессы «Почта России» (подписной индекс: 24943) и в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Публикация в журнале бесплатная.

Как опубликовать статью?

1. Вы отправляете нам статью и сведения об авторе по адресу e-mail: uni@nggu.ru.

Оформление статьи: формат листа — А4, поля вокруг текста — 2 см, гарнитура шрифта — Times New Roman, размер шрифта — 12 пт, межстрочный интервал — одинарный, абзацный отступ — 1 см, список литературы — по ГОСТ 7.0.5.2008. Статья помимо основного текста должна содержать аннотацию и ключевые слова (на русском и английском языках), код УДК. Сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученая степень, ученое звание; аспиранты, соискатели — указать вуз и кафедру; место работы (город, организация, подразделение), должность; корреспондентский почтовый адрес; контактный телефон; контактный e-mail.

Аспиранты и соискатели дополнительно предоставляют отзыв научного руководителя на статью.

2. Статья направляется на рецензирование (7—14 рабочих дней). При положительной рецензии работа публикуется в ближайшем выпуске, соответствующем тематике Вашей статьи; один экземпляр издания направляется Вам.

3. В случае отказа в публикации автору направляется мотивированный отказ.

Контактная информация

Адрес: 628600, Россия, г.Нижневартовск, ул.Ленина, д.56, Нижневартковский государственный гуманитарный университет, управление научных исследований и международной деятельности (каб. 219).

Телефон: (3466) 451820

E-mail: uni@nggu.ru

Web: www.nggu.ru или nggu.pф

Куратор: Овечкина Елена Сергеевна, начальник управления научных исследований и международной деятельности